

ISSN: 2411-7897
e-ISSN: 2500-3534

ВЕСТНИК

ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2019. Том 5. № 4 (20)

Журнал основан в 1998 г.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72158 выдано 29 декабря 2017 г.
(ранее: ПИ № ФС77-60412 от 29 декабря 2014 г.) Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Издание включено в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
выпускаемых в Российской Федерации, в которых публикуются основные научные
результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Г. Ф. Шафранов-Куцев, академик РАО, д. филос. н.

Заместители главного редактора:

В. А. Давыденко, д. с. н., проф.; *Л. В. Зайцева*, д. ю. н., доц.;

Л. М. Симонова, д. э. н., проф.

Контактная информация:

Объединенная редакция научных журналов
«Вестник ТюмГУ»

625003 г. Тюмень

ул. Республики, 9, каб. 208

vestnik-social-r@utmn.ru

☎ (3452) 59-74-32

Печатная версия журнала
распространяется по подписке:

Каталог Российской прессы
(индекс 31915)

Журнал выходит 4 раза в год

Публикация статей для авторов
бесплатна. Прием статей:
vestnik-social-r@utmn.ru

Информация для авторов:
<http://vestnik.utmn.ru>

Электронный вариант журнала
находится в открытом доступе:

<http://www.e-library.ru>
<http://vestnik.utmn.ru>

Учредитель, издатель:

ФГАОУ ВО «Тюменский
государственный университет»
625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6

© Вестник Тюменского государственного университета.
Социально-экономические и правовые исследования, 2019
(Вестник Тюменского государственного университета, 1998-2014)
<http://vak.ed.gov.ru/87>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Шафранов-Куцев Геннадий Филиппович	доктор философских наук, академик РАО, научный руководитель ТюмГУ, главный редактор
Давыденко Владимир Александрович	доктор социологических наук, профессор кафедры менеджмента, маркетинга и логистики, начальник Научно-исследовательского центра ТюмГУ
Акулич Мария Михайловна	доктор социологических наук, профессор кафедры общей и экономической социологии ТюмГУ
Акихиро Ишикава	профессор университета Чуо (Токио, Япония)
Казьмерчик Ежи	кандидат экономических наук, PhD, Государственный экономический университет в Познани (Познань, Польша)
Ромашкина Гульнара Фатыховна	доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой математических методов, информационных технологий и систем управления в экономике ТюмГУ
Собкин Владимир Самуилович	доктор психологических наук, профессор, академик РАО, директор Института социологии образования РАО
Джунсо Сонг	доктор наук, профессор Института российских исследований Университета иностранных языков Хангук (Сеул, Южная Корея)
Зайцева Лариса Владимировна	доктор юридических наук, заведующая кафедрой трудового права и предпринимательства ТюмГУ
Клеандров Михаил Иванович	доктор юридических наук, член-корреспондент РАН, судья Конституционного Суда Российской Федерации
Комиссарова Елена Генриховна	доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права ТюмГУ
Смахтин Евгений Владимирович	доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса ТюмГУ
Чеботарев Геннадий Николаевич	доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права ТюмГУ
Ярвелаид Пеэтер	доктор юриспруденции, профессор Таллиннского университета (Таллин, Эстония)
Симонова Людмила Михайловна	доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой мировой экономики и международного бизнеса ТюмГУ
Гамукин Валерий Владимирович	кандидат экономических наук, профессор кафедры финансов, денежного обращения и кредита ТюмГУ
Драшкович Веселин Душанович	доктор экономических наук, профессор Университета Черногории (Котор, Черногория)
Крайсинг Фолькмар	доктор экономики, профессор, консультант Кенийского университета Таита Тавета
Руденко Дмитрий Юрьевич	кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Финансово-экономического института ТюмГУ
Шилова Любовь Федоровна	доктор экономических наук, профессор кафедры учета, анализа и аудита ТюмГУ
Мельник Владимир Владимирович	доктор философских наук, профессор кафедры общей и экономической социологии ТюмГУ, ответственный секретарь

ISSN: 2411-7897
e-ISSN: 2500-3534

TYUMEN STATE UNIVERSITY

HERALD

SOCIAL, ECONOMIC, AND LAW RESEARCH

2019. Vol. 5. No 4 (20)

The journal was founded in 1998

The certificate of registration PI No FS77-72158 issued on 29 December 2017
(prev. PI No FS77-60412 on 29 December 2014) by RF Press Committee

This journal is included in the list of leading peer-reviewed journals published
in the Russian Federation disseminating the most notable findings of postgraduate research

EDITOR-IN-CHIEF:

G. F. Shafranov-Kutsev, Dr. Sci. (Philos), Prof., corr. member (RAE)

Deputy Editors-in-Chief:

V. A. Davydenko, Dr. Sci. (Soc.), Prof.; **L. V. Zaytseva**, Dr. Sci. (Jur.), Associate Professor;
L. M. Simonova, Dr. Sci. (Econ.), Prof.

EDITORIAL BOARD

M. M. Akulich, Dr. Sci. (Soc.), Prof.
A. Ishikava, Prof. (Japan)
J. Kaźmierczyk, Cand. Sci. (Econ.), PhD (Poland)
G. F. Romashkina, Dr. Sci. (Soc.), Prof.
V. S. Sobkin, Dr. Sci. (Psychol.), Prof.,
academician (RAE)
J. Song, PhD in History, Prof.
M. I. Kleandrov, Dr. Sci. (Jur.), corr. member (RAS)
E. G. Komissarova, Dr. Sci. (Jur.), Prof.
Ye. V. Smakhtin, Dr. Sci. (Jur.), Prof.
G. N. Chebotaryov, Dr. Sci. (Jur.), Prof.
P. Järvelaid, Dr. of Jurisprudence, Prof.
V. V. Gamukin, Cand. Sci. (Econ.), Prof.
V. D. Drašković, Dr. Sci. (Econ.), Prof.
V. Kreising, Dr. of Economy, Prof.
D. Yu. Rudenko, Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof.
L. F. Shilova, Dr. Sci. (Econ.), Prof.
V. V. Melnik, Dr. Sci. (Philos.), Prof. —
executive secretary

Contact information:

Published by the Joint editorial team of research
journals "Tyumen State University Herald"
of. 208, 9 Respubliki St.,
625003, Tyumen, Russia
vestnik-social-r@utmn.ru
☎ (3452) 59-74-32

Subscription to the printed edition of the journal:
No 31915 in the Russian Post catalogue

The journal is released 4 times a year

No publication charges.

For article submission or any requests contact:
vestnik-social-r@utmn.ru
<http://vestnik.utmn.ru>

E-version of the journal can be accessed at:
<http://www.e-library.ru>
<http://vestnik.utmn.ru>

Founded and published by the University of Tyumen
6 Volodarskogo St., 625003, Tyumen, Russia

© Tyumen State University Herald.
Social, Economic, and Law Research, 2019
(Tyumen State University Herald, 1998-2014)
<http://vak.ed.gov.ru/87>

В НОМЕРЕ:

СОЦИОЛОГИЯ

Тарасов В. Т., Бойко И. И.
Гражданская идентичность, профессиональные компетенции и общественная активность студенческой молодежи: опыт многомерного анализа взаимосвязей ..6

Давыденко В. А., Андрианова Е. В., Ромашкина Г. Ф., Хузяхметов Р. Р.
Междисциплинарный контекст изучения человеческого капитала. Программа исследований30

Тарасова А. Н., Черных Н. А.
Оценка рисков и угроз для молодежи на региональном рынке труда (на примере Свердловской области) .52

Костко Н. А., Долгих А. И.
Концепция «умный город» и человеческий капитал76

Лёвкин В. Е., Лёвкина А. О.
Субъектно-ориентированный подход к управлению качеством жизни.....88

ПРАВО

Казанцева О. Л.
Местное самоуправление в России: де-юре и де-факто103

Абдулвалиев А. Ф.

Судебная география как правовая наука и учебная дисциплина.....122

ЭКОНОМИКА

Антонова И. С., Пчелинцев Е. А., Попова С. Н.

Пространственная кластеризация моногородов и динамическая модель экономического роста138

Низамутдинов М. М., Атнабаева А. Р.

Инструментарий прогнозирования естественного и миграционного движения населения региона на основе методов имитационного моделирования.....155

Симонова Л. М., Дорохова А. О.

Влияние государственной поддержки на развитие несырьевого экспорта в Российской Федерации169

CONTENTS

SOCIOLOGY

Tarasov V. T., Boyko I. I.
The formation of civil identity among students based on formation of professional competencies and public activity: the experience of a multidimensional analysis.....6

Davydenko V. A., Andrianova E. V., Romashkina G. F., Khuziakmetov R. R.
Interdisciplinary context of human capital study. Research program30

Tarasova A. N., Chernykh N. A.
Risk and threat assessment for youths at regional labor market (the case of the Sverdlovsk Region).....52

Kostko N. A., Dolgikh A. I.
The “smart city” concept and human capital.....76

Lyovkin V. E., Lyovkina A. O.
Subject-oriented approach to quality of life management.....88

LAW

Kazantseva O. L.
Local government in Russia: de jure and de facto.....103

Abdulvaliev A. F.
Judicial geography as a legal science and academic discipline.....122

ECONOMICS

Antonova I. S., Pchelintsev E. A., Popova S. N.
The Modelling of economic development of single-industry towns in the mining region.....138

Nizamutdinov M. M., Atnabaeva A. R.
Tool of forecasting the natural and migration movement of the population in region based on simulation methods..155

Simonova L. M., Dorokhova A. O.
The impact of state support on the development of non-resource exports in the Russian Federation169

СОЦИОПОГИЯ

Владимир Тимофеевич ТАРАСОВ¹

Иван Иванович БОЙКО²

УДК 316.4

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ И ОБЩЕСТВЕННАЯ АКТИВНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ОПЫТ МНОГОМЕРНОГО АНАЛИЗА ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

¹ кандидат экономических наук, доцент
кафедры экономики и менеджмента,
Чебоксарский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
tarvlad2015@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3539-5618

² доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник,
Чувашский государственный институт гуманитарных наук (г. Чебоксары)
boyko2003@yandex.ru

Аннотация

В статье поставлена следующая цель: определить скрытые связи, возникающие в ходе становления гражданской идентичности у студентов в процессе формирования у них профессиональных компетенций и проявления ими общественной активности. Для этого разработан и экспериментально апробирован методический инструментарий анализа взаимосвязей между элементами комплексных социальных категорий. В частности, реализуется подход, основанный на методах многомерного статистического

Цитирование: Тарасов В. Т. Гражданская идентичность, профессиональные компетенции и общественная активность студенческой молодежи: опыт многомерного анализа взаимосвязей / В. Т. Тарасов, И. И. Бойко // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2019. Том 5. № 4 (20). С. 6-29.
DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-4-6-29

анализа, в том числе факторного, канонического и регрессионного. Предложенные методы экспериментально апробированы на фактических данных социологического опроса 688 студентов столичных вузов Чувашии с целью выявления неявных связей между элементами синтетических категорий, характеризующих гражданскую идентичность, профессиональные компетенции и общественную активность студенческой молодежи. Регрессионные зависимости и канонические корреляции между элементами названных категорий в основном подтвердили научную гипотезу исследования о том, что формирование профессиональных компетенций у студентов в ходе обучения в вузе повышает их общественную активность и способствует становлению у них гражданской идентичности. При этом внутренние взаимосвязи между элементами данных категорий получили количественные оценки, многие из которых оказались статистически значимыми. Данная гипотеза не исследовалась ранее с использованием данного инструментария. Предложенный методический инструментарий существенно расширяет аналитические возможности анализа результатов социологических опросов.

Ключевые слова

Гражданская идентичность и общественная активность студентов, профессиональные компетенции, факторный анализ скрытых взаимосвязей, каноническая корреляция.

DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-4-6-29

Введение

Успешные социальные преобразования в обществе в значительной мере определяются наличием в нем интеграционных процессов, разделением большинством населения ценностей репрезентативной демократии. Для России одним из важных векторов этого движения является укрепление гражданского самосознания и гражданской нации. Такая задача была поставлена в декабре 2012 г. «Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [12]. С точки зрения достижения этой цели, важнейшее значение имеют позиции студенческой молодежи, которая, в свою очередь, является одним из основных потенциальных акторов формирования в России «экономики знаний». При этом следует отметить, что, по данным российского исследовательского проекта «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», в стране наблюдается отчетливо выраженная неравномерность процесса модернизации в различных областях, республиках и краях [1]. На современное студенчество, как на основной кадровый ресурс модернизации, во многом ложится задача преодоления подобной неравномерности, имеющей значительный негативный потенциал.

Перед государством и обществом стоит фундаментальная проблема развития человеческого потенциала на базе совмещения личных жизненных стратегий с идеями гражданственности и патриотизма. Интеграционные процессы в обще-

стве активно изучаются исследователями многих стран. Обзоры различных концепций интеграции зарубежных ученых представлены в исследованиях ряда специалистов. Наиболее полно, на наш взгляд, эти концепции проанализированы Л. М. Дробижевой, которая в своих многочисленных статьях и книгах обращает внимание на особенности интеграционных идей М. Вебера, Э. Геллнера, Т. Парсонса, К. Дойча, Г. Тэджфела, Дж. Тёрнера, Ф. Барта, П. Бергера, Т. Лукмана и др. [19] Следует также обратить внимание на высказывания А. Турена об особенностях идентификации в современных государствах, их заинтересованности в гражданственности и патриотизме населения, учете этнокультурного многообразия [18]. Важными для нас также были представления З. Баумана о проблемах идентичности в условиях «текущей модерности» [2]. В российской науке понятие о гражданской нации было впервые инициировано В. А. Тишковым, писавшим в 1998 г. о том, что «существует реальная историческая, социальная и культурная общность и общероссийская идентичность» [17]. А. Г. Здравомыслов был одним из авторов пионерного направления в социологии, в рамках которого речь шла о национальном самосознании россиян [7, 8].

Из публикаций российских авторов о проблемах гражданской идентичности молодежи, в том числе студентов, отметим монографическое издание М. К. Горшкова и Ф. Э. Шереги [5], коллективное исследование, реализованное по итогам научного проекта в 21 регионе страны [16], отдельные статьи и т. д. [10, 11, 14]. В большинстве исследований, посвященных категории гражданской идентичности российского студенчества, рассматривается несколько составляющих. Например, авторы выделяют когнитивную составляющую (образ Родины, культурные идеалы, исторический путь и др.), ценностную (личный смысл принадлежности к государству) и эмоциональную (проявление чувства гордости или стыда за свою гражданскую принадлежность). В ряде трудов анализируется регулятивный компонент [10, с. 108]. Так, на заседании Совета по международным отношениям при президенте Российской Федерации (31.10.2016) Л. М. Дробижева привела эту формулировку, высказанную одним из респондентов социологического опроса [6].

Обычно при исследовании процессов становления и укрепления общегражданской российской идентичности студентов преобладают представления о Родине, патриотизме, политические и историко-культурные предпочтения, практика общественного активизма и т. д. При этом вне внимания остаются взаимосвязи названных проявлений общегражданской идентичности с таким фактором, как становление профессиональных компетенций. Настоящее исследование базируется на гипотезе, согласно которой между гражданским и профессиональным становлением студенческой молодежи существует взаимосвязь и взаимозависимость. Представляется, что в идеальной модели обучения должно одновременно осуществляться становление студентов как профессионалов и как граждан. В реальности же процессы формирования компетенций и укрепление общегражданской идентичности, гражданское участие отличаются многомерностью, зачастую несопряженной

и противоречивой. Поэтому выявление взаимосвязей, интенсивности и расхождения этих чрезвычайно значимых социальных процессов необходимо как для их понимания, так и для решения прикладных задач обучения и воспитания молодежи.

Цель настоящей статьи состояла в том, чтобы в соответствии с вышеобозначенной гипотезой экспериментально апробировать инструменты многомерного анализа, позволяющие выявить скрытые связи и факторы становления гражданской идентичности у студенческой молодежи при формировании у них профессиональных компетенций в ходе образовательного процесса во взаимодействии с общественной активностью.

Источники исследуемых данных и методика их обработки

В качестве исходных данных использовались материалы социологического опроса студенческой молодежи, проведенного по инициативе Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики совместно с Чувашским государственным институтом гуманитарных наук с целью выяснения отношения данного контингента молодежи к различным социальным проблемам. Было опрошено 688 респондентов из 5 столичных вузов республики. Из обширного материала опроса в целях отдельного (экспериментального) исследования была отобрана часть результатов, которая соответствовала сформулированной гипотезе и задачам ее проверки. Результаты опроса были сгруппированы по трем аспектам, характеризующим содержание понятий: 1) гражданская идентичность (перечень из 34 ответов); 2) профессиональные компетенции (перечень из 29 ответов); 3) формирование общественной активности (перечень из 23 ответов). Отобранные из анкеты ответы относятся к результативным закрытого типа, т. е. когда респонденту предлагается выбрать один или несколько возможных ответов, предназначенных для исследования взаимосвязей. Их количественная оценка, характеризующая значимость (интенсивность) того или иного выбора, рассчитывалась на основе частоты ответов, т. е. удельного веса числа респондентов, ответивших на соответствующий вопрос, в их общем количестве. Обычно в таких случаях основным методом анализа причинно-следственных связей является построение двумерных таблиц сопряженности, по которым, в силу его ограниченности, не всегда удается установить взаимосвязи между исследуемыми сущностями. Значительно большими возможностями в данном случае обладают методы многомерного статистического анализа. Несмотря на многочисленную литературу, в которой описываются данные методы, масштаб их применения в социологических исследованиях следует признать недостаточным, учитывая информационные возможности большинства социологических опросов [4, 9, 13, 15].

Так, методы факторного анализа, канонических корреляций и др. применяются к многомерным объектам, обладающим количественными оценками многих признаков. В социологических опросах для этого подходят, например, оценки типической выборки. Однако в нашем случае имелись данные случайной выборки без выделения в ней групп, в связи с этим в целях применения

методов многомерного анализа мы осуществили группировку результатов опроса на основе случайной бесповторной выборки. Было выделено 30 групп практически с одинаковым числом респондентов (по 23 во всех группах, кроме последней, состоящей из 21 респондента), для которых были рассчитаны частоты их ответов по всем интересующим нас вопросам. Несложно увидеть, что показатель частоты ответов на отдельный вопрос во всей выборочной совокупности равен межгрупповой средней частоты ответов на данный вопрос при условии равночисленности групп. Следовательно, среднее квадратическое отклонение группового показателя от межгрупповой средней (стандартная ошибка межгрупповой средней) характеризует отклонение группового показателя от аналогичного показателя всей выборочной совокупности данных. По соотношению межгрупповой средней и ее стандартной ошибки можно судить о том, насколько статистически значим групповой показатель. Ограничившись 5-процентной статистической значимостью, мы исключили из дальнейшего исследования те групповые значения показателей, для которых названное соотношение оказалось меньше двух.

К остальным данным применялась одна из разновидностей факторного анализа — метод главных компонент. Смысл факторного анализа состоит в том, чтобы определить структуру взаимосвязей между многими исходными признаками и в итоге сократить их количество. Метод позволяет распределить исходные признаки на группы, внутри которых взаимно коррелируемые признаки формируют латентные (неявные), независимые и некоррелируемые между собой главные компоненты (факторы). Одна из сложных задач факторного анализа при этом заключается в смысловой интерпретации выделенных компонент.

Заметим, что факторный анализ основан на допущении линейной связи в основной модели, что является существенным ограничением метода, поскольку в реальной жизни взаимодействие социально-экономических факторов имеет более сложный характер. Однако линейная аппроксимация факторных связей в первом приближении, на наш взгляд, вполне оправдана как теоретическая схема.

Существуют многочисленные рекомендации относительно формирования итоговой факторной структуры исследуемых данных, однако отсутствуют однозначные предпочтения для их применения — слишком разнообразны цели, условия и объекты факторного анализа. В тех случаях, когда имеются априорные данные для изолированного изучения отдельных групп показателей, связанных между собой по смыслу, можно воспользоваться подходом Холзингера, согласно которому для каждой группы признаков, коррелированных с главной компонентой, выделяется один самый значимый признак, который и определяет ее смысловое содержание [21]. Отобранные таким образом признаки представлены в приложении (таблица П-1).

В результате вычислений получены значения весовых коэффициентов, факторных нагрузок и главных компонент, интерпретируемых содержательно в терминах исходных признаков, которые формируют представления об их факторной структуре. Относительный вклад каждой главной компоненты в общую

дисперсию рассчитывался в виде отношения дисперсии соответствующей компоненты к общей дисперсии, а коэффициенты информативности каждой компоненты — в виде отношения дисперсии признака, определяющего содержание данной компоненты (квадрат соответствующей факторной нагрузки), к ее дисперсии. Дополнительно были рассчитаны сводные значения главных компонент в виде их средней взвешенной величины, при этом весами выступали доли дисперсии соответствующей компоненты в итоге общей дисперсии:

$$\bar{F}_j = \sum_j^n F_j w_j,$$

где \bar{F}_j — агрегированное значение главной компоненты i -й группы; F_{ij} — значение j -й главной компоненты i -й группы; w_j — доля дисперсии соответствующей компоненты в общей дисперсии; n — количество выделенных компонент.

На следующем этапе между тремя множествами отобранных признаков, характеризующих содержание синтетических категорий: 1) гражданская идентичность; 2) профессиональные компетенции; 3) общественная активность — попарно применялся метод канонических корреляций, который впервые был разработан и предложен американским статистиком Г. Хотеллингом [22]. Метод относится к инструментам анализа связей между двумя множествами случайных переменных величин. Не вдаваясь в детали метода, отметим, что его суть состоит в поиске зависимости между линейными комбинациями исходных переменных из каждого множества, которые имеют максимальный коэффициент корреляции [3]. С практической точки зрения метод используется для поиска общих для двух множеств показателей, а также оценивания их меры общности. В результате вычислений получены значения канонических весов (весовых коэффициентов), факторные нагрузки для исследуемых признаков и некоторые другие параметры.

Реализация изложенных процедур возможна на основе статистических пакетов SPSS и Statistica.

Обсуждение результатов исследования

В приложении представлена факторная структура признаков, в составе синтетической категории «Профессиональные компетенции» (таблица П-1). Ее анализ свидетельствует о том, что 5 главных компонент однозначно интерпретируются в терминах признаков, представленных в приложении, поскольку их вариабельность в подавляющей мере определяется дисперсией соответствующего признака. К тому же данный признак имеет наибольшие значения весового коэффициента и факторной нагрузки. Первый показатель представляет собой частный коэффициент корреляции, а второй является обычным коэффициентом корреляции. Вследствие этого все выделенные главные компоненты обладают высокой информативностью. Кроме того, все они обладают одинаковой значимостью, так как практически в равной мере участвуют в формировании общей дисперсии. Данный результат был достигнут с использованием поворота осей факторного пространства по критерию Варимакс. В соответствии с теорией используемого

метода, главные компоненты являются ортогонально независимыми, т. е. абсолютно некоррелированными.

Факторные структуры исследуемых синтетических категорий «Гражданская идентичность» (таблица П-2) и «Общественная активность» (таблица П-3) имеют аналогичную картину с той лишь разницей, что в их составе представлено по 9 главных компонент. В итоге были рассчитаны сводные значения главных компонент по выделенным группам респондентов в виде средневзвешенных величин, а затем построены регрессионные зависимости между ними.

Расчеты показали наличие корреляционной связи между значениями сводных компонент «Гражданская идентичность» и «Профессиональные компетенции» (рис. 1). При этом оценки параметров регрессии превысили 5-процентную статистическую значимость и носят условный характер, подтверждая лишь характер тенденции.

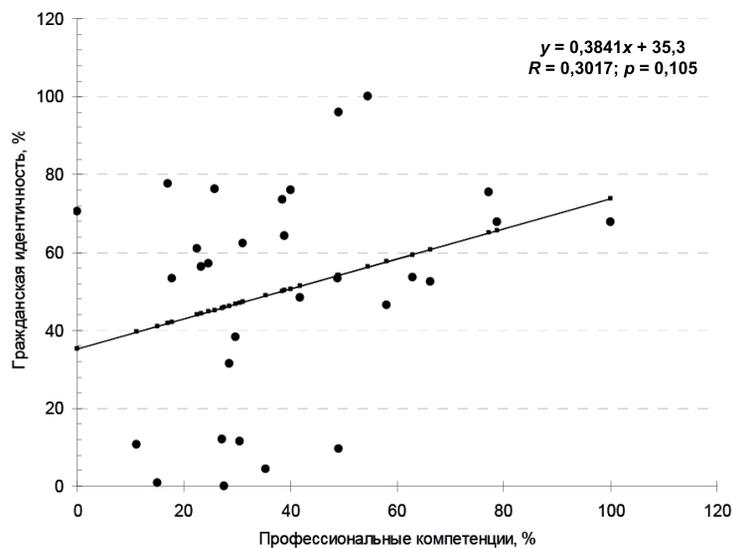

Рис. 1. График корреляционной зависимости между переменными сводных компонент «Гражданская идентичность» и «Профессиональные компетенции»

Fig. 1. The correlation graph of the variables of composite components of "Civil Identity" and "Professional competencies"

Подобный характер корреляционной связи также демонстрирует уравнение парной регрессии между показателями сводных компонент, характеризующих синтетические категории «Общественная активность» и «Профессиональные компетенции» (рис. 2).

Между тем выделение факторных структур анализируемых категорий способствует анализу взаимодействия определяющих их признаков с помощью метода канонических корреляций, который, как уже отмечалось, позволяет определить связи между двумя группами случайных переменных величин

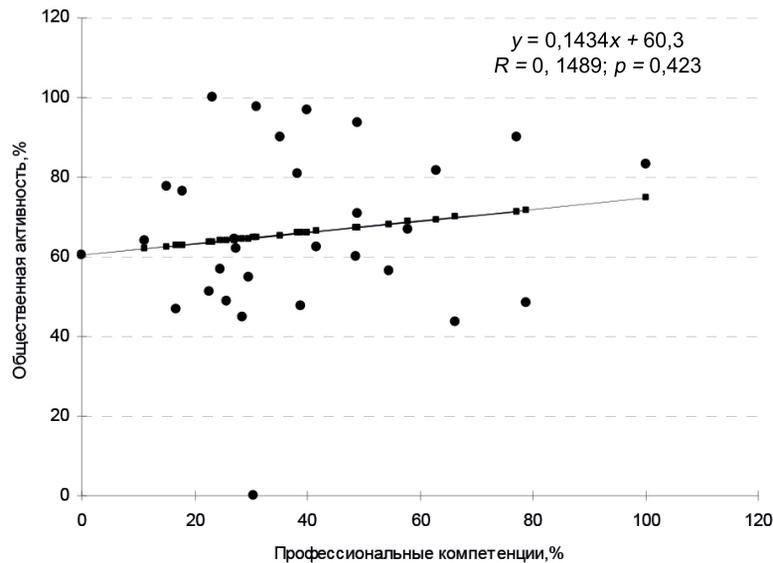

Рис. 2. График корреляционной зависимости между переменными сводных компонент «Общественная активность» и «Профессиональные компетенции»

Fig. 2. The correlation graph of the variables of composite components of “Social Activity” and “Professional Competencies”

путем поиска корреляционной зависимости между их линейными комбинациями. Число линейных комбинаций коррелированных между собой переменных равно их количеству в наименьшем из двух множеств. Интерес представляют комбинации, характеризующиеся наибольшими значениями коэффициентов корреляции между двумя взвешенными суммами переменных. Метод аналогичен парной корреляции в условиях, когда имеется не только несколько факторных, но и несколько результативных показателей:

$$\sum_{i=1}^m a_i Y_i = \sum_{j=1}^n b_j X_j,$$

где $\sum_{i=1}^m a_i Y_i$ — линейная комбинация первой группы переменных; $\sum_{j=1}^n b_j X_j$ — линейная комбинация второй группы переменных; a_i и b_j — весовые коэффициенты соответствующих линейных комбинаций переменных.

Результаты канонического анализа между двумя группами признаков в составе синтетических категорий «Гражданская идентичность» и «Профессиональные компетенции» демонстрируют данные таблицы 1.

В таблице 1 представлены данные лучшей комбинации переменных, входящих в состав анализируемых категорий, которой соответствует наибольшее статистически значимое значение коэффициента корреляции (канонического

Таблица 1

Параметры канонического анализа показателей в составе синтетических категорий «Гражданская идентичность» (Y) и «Профессиональные компетенции» (X)

Table 1

The parameters of the canonical analysis of indices in the synthetic categories “Civil Identity” (Y) and “Professional Competencies” (X)

Весовые коэффициенты (числитель) и факторные нагрузки (знаменатель) показателей, соответствующие первому каноническому корню (максимальному уровню корреляции — 0,872)					
Каноническая переменная Y				Каноническая переменная X	
Y 1	$\frac{-0,0471}{-0,0413}$	Y 6	$\frac{-0,5842}{-0,6513}$	X 1	$\frac{-0,7424}{-0,6691}$
Y 2	$\frac{-0,0755}{-0,2333}$	Y 7	$\frac{-0,2099}{-0,2192}$	X 2	$\frac{-0,3295}{0,0302}$
Y 3	$\frac{0,0300}{0,2091}$	Y 8	$\frac{-0,4497}{-0,5314}$	X 3	$\frac{-0,3613}{-0,4061}$
Y 4	$\frac{0,2973}{0,5436}$	Y 9	$\frac{0,0057}{-0,2258}$	X 4	$\frac{-0,0834}{0,0760}$
Y 5	$\frac{-0,4786}{-0,3098}$	×	×	X 5	$\frac{0,6507}{0,5729}$

корня) — 0,872; $p = 0,015$. Заметим, что корреляции остальных комбинаций переменных превысили 5-процентный порог статистической значимости. Коэффициент корреляции демонстрирует достаточно тесную связь между группами признаков, формирующих, с одной стороны, профессиональные компетенции студенческой молодежи, а с другой — их гражданскую идентичность.

Прежде чем проанализировать взаимосвязи между признаками и их межгрупповые взаимодействия, поясним смысл рассчитанных параметров канонического анализа — весового коэффициента и факторной нагрузки канонической переменной. Первый параметр по смыслу аналогичен частным корреляциям переменных, соответствующих каноническому корню, и отражает уникальный вклад исходных показателей-признаков в соответствующую каноническую переменную по аналогии с весовыми коэффициентами в факторном анализе. Второй параметр характеризует обычную корреляцию между каноническими переменными (переменными из каждого множества), которые называются каноническими нагрузками факторов (структурными коэффициентами). При этом показатели, которые сильно коррелированы с канонической переменной, определяют ее смысл, поскольку имеют с ней много общего. На основании эмпирического опыта значимой считается каноническая нагрузка на уровне не ниже 0,45, хотя теоретического обоснования данного порога не существует [20]. Мерой влияния показателей в

составе каждой из двух канонических переменных на изменчивость (дисперсию) выступает параметр, называемый избыточностью, который рассчитывается как произведение средней из квадратов канонических нагрузок в соответствующем множестве переменных на долю извлекаемой в нем дисперсии.

Скрытые взаимосвязи переменных двух множеств, характеризующих признаки синтетических категорий «Гражданская идентичность» и «Профессиональные компетенции», можно представить в виде графического рисунка (рис. 3).

Таким образом, взаимодействие признаков носит сложный характер. Две группы признаков взаимодействуют однонаправленно, но относительно изолированно друг от друга. Дело в том, что анализ матрицы корреляций признаков в составе отдельных категорий свидетельствует об отсутствии между ними значительной связи. Тем не менее итоговая равнодействующая между каноническими переменными, как и парная регрессия между сводными компонентами, характеризующими гражданскую идентичность и профессиональные компетенции (рис. 1), имеет положительную направленность, что наглядно подтверждает визуальный анализ поля рассеяния канонических переменных (рис. 4).

Исходя из логики причинно-следственных связей, можно предположить, что признаки категории «Профессиональные компетенции» выступают факторными по отношению к результативным у категории «Гражданская идентичность», хотя не следует исключать и наличие обратной связи. Как видим, признаки X_1 ($-0,67$), X_3 ($-0,41$) и X_5 ($0,58$) наиболее коррелированы с канонической переменной X (в скобках указаны факторные нагрузки), а признаки Y_4 ($0,54$), Y_6 ($-0,65$), Y_8 ($-0,53$) — с канонической переменной Y . Вместе с тем между связующими каноническими переменными X и Y установлена значимая корреляция, следовательно, указанные признаки статистически взаимно зависимы. При этом между X_5 , Y_4 , а также X_1 , X_3 , Y_6 , Y_8 связь прямая, а между X_5 , Y_6 , Y_8 и X_1 , Y_4 — обратная.

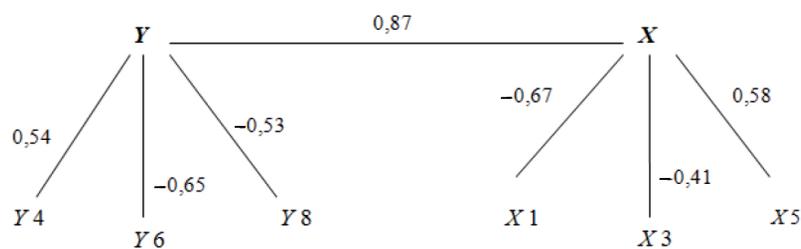

Рис. 3. Графическое изображение взаимосвязи признаков в составе синтетических категорий «Гражданская идентичность» (Y) и «Профессиональные компетенции» (X), соответствующее первому каноническому корню (рядом с ребрами графа указаны значения коэффициентов корреляции)

Fig. 3. A graphic representation of the relationship of features in the synthetic categories “Civil Identity” (Y) and “Professional Competencies” (X), corresponding to the first canonical root (the values of the correlation coefficients are indicated next to the edges of the graph)

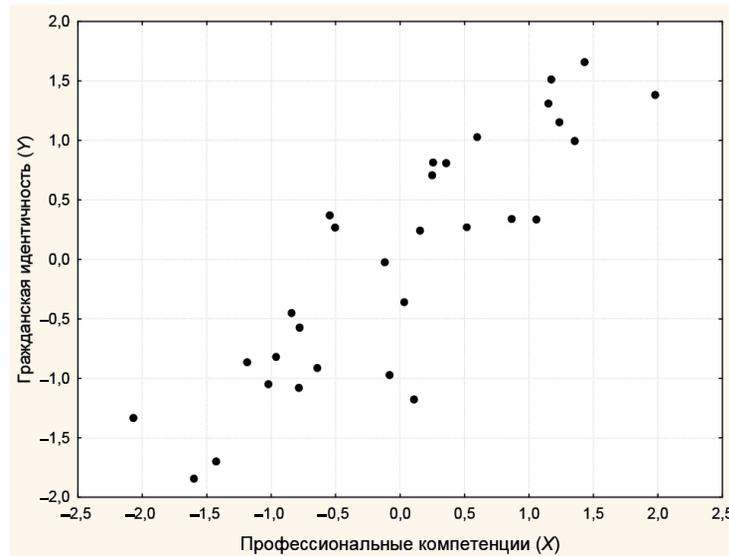

Рис. 4. Поле рассеяния канонических переменных «Гражданская идентичность» (Y) и «Профессиональные компетенции» (X), соответствующие первому каноническому корню

Fig. 4. The scattering field of the canonical variables “Civil Identity” (Y) and “Professional Competencies” (X), corresponding to the first canonical root

Доля общей дисперсии, извлекаемой с помощью всех канонических корней во множестве канонической переменной Y , составила 60,7%, а общая избыточность — 27,0%. Между тем вышепредставленная корреляция канонических переменных, соответствующая первому каноническому корню, извлекает в данном множестве лишь 14,4% всей дисперсии при избыточности в 11,0%.

Аналогичный анализ проведен с другой парой множеств переменных, характеризующих синтетические категории «Общественная активность» и «Профессиональные компетенции» (таблица 2).

Данные таблицы 2 демонстрируют комбинацию переменных, входящих в состав канонических переменных, которой соответствует наибольшее значение коэффициента корреляции (канонического корня) — 0,834; $p = 0,213$. В данном случае уровень корреляции превысил допустимый порог статистической значимости и носит условный аналитический характер.

Графическое представление скрытых связей между данными каноническими переменными содержит рис. 5.

Из схемы взаимосвязей следует, что с канонической переменной X наиболее коррелированы признаки $X3$ (0,70) и $X5$ (0,46), а с канонической переменной Z — признаки $Z5$ (-0,63), $Z6$ (-0,45), $Z8$ (0,44). В скобках указаны их факторные нагрузки. Между признаками $X2$ и $Z5$, $Z6$ также обнаружена корреляционная связь. Кроме того, между связующими каноническими переменными X и Y установлена определенная корреляция, что обуславливает некоторую статистическую зависимость между указанными признаками.

Таблица 2

Параметры канонического анализа показателей в составе синтетических категорий «Общественная активность» (Z) и «Профессиональные компетенции» (X)

Table 2

Parameters of the canonical analysis of indices in the synthetic categories of “Social Activity” (Z) and “Professional Competencies” (X)

Весовые коэффициенты (числитель) и факторные нагрузки (знаменатель) показателей, соответствующие первому каноническому корню (максимальному уровню корреляции — 0,834)					
Каноническая переменная Z			Каноническая переменная X		
Z 1	$\frac{0,2766}{0,2215}$	Z 6	$\frac{-0,1385}{-0,4488}$	X 1	$\frac{-0,5537}{-0,0879}$
Z 2	$\frac{-0,2304}{-0,0191}$	Z 7	$\frac{0,1519}{0,1436}$	X 2	$\frac{-0,6690}{-0,3556}$
Z 3	$\frac{0,3124}{0,2803}$	Z 8	$\frac{0,5904}{0,4368}$	X 3	$\frac{0,7671}{0,7045}$
Z 4	$\frac{0,0981}{-0,2957}$	Z 9	$\frac{0,1870}{0,1351}$	X 4	$\frac{0,1680}{0,2835}$
Z 5	$\frac{-0,8019}{-0,6344}$	×	×	X 5	$\frac{0,2701}{0,4641}$

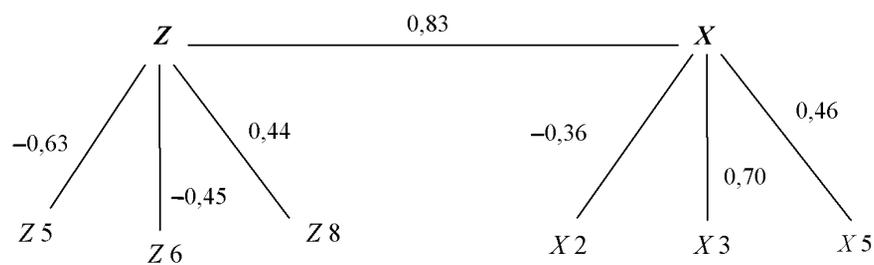

Рис. 5. Графическое изображение взаимосвязи признаков в составе синтетических категорий «Общественная активность» (Z) и «Профессиональные компетенции» (X), соответствующее первому каноническому корню (рядом с ребрами графа указаны значения коэффициентов корреляции)

Fig. 5. A graphic representation of the relationship of features in the synthetic categories “Social Activity” (Z) and “Professional Competencies”(X), corresponding to the first canonical root (values of correlation coefficients are indicated next to the edges of the graph)

При этом между X_3 и X_5 , с одной стороны, и Z_8 — с другой, зафиксирована прямая связь, а с Z_5 и Z_6 — обратная. Соответственно, между X_2 с одной стороны, и Z_5 и Z_6 — с другой, существует прямая связь, а с Z_8 — обратная.

Как и в предыдущей паре множеств переменных, между признаками данных синтетических категорий существует непростая структура связей, в которой равнодействующая формируется как менее значимый, но все-таки положительный тренд. Об этом свидетельствует визуальный анализ поля рассеяния канонических переменных X и Z (рис. 6).

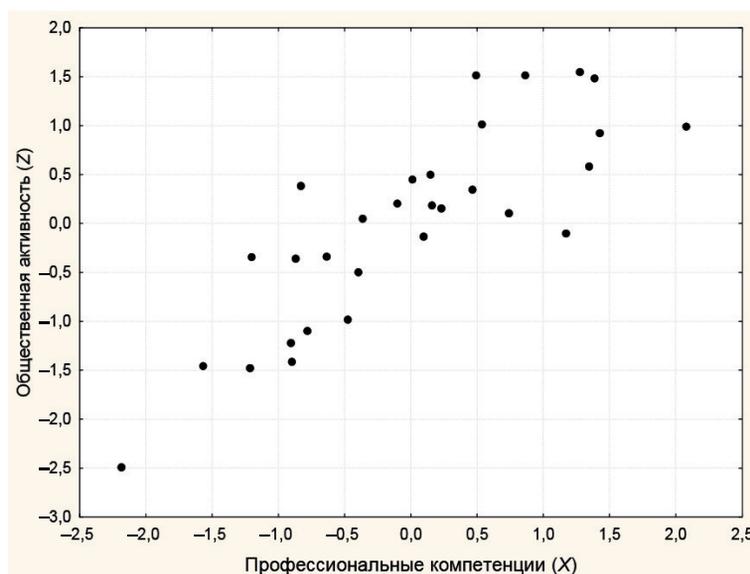

Рис. 6. Поле рассеяния канонических переменных «Общественная активность» (Z) и «Профессиональные компетенции» (X), соответствующее первому каноническому корню

Fig. 6. The scattering field of the canonical variables “Social Activity” (Z) and “Formation of Professional Competencies” (X), corresponding to the first canonical root

Доля общей дисперсии, извлекаемой с помощью всех канонических корней во множестве канонической переменной Z , составила 55,6%, а общая избыточность — 18,5%. Однако в результате первичной корреляции канонических переменных Z и X в множестве переменных, характеризующих общественную активность студенческой молодежи, извлекается только 11,7% всей дисперсии при избыточности в 8,1%.

Заключительные обобщения

Методы многомерного статистического анализа значительно обогащают инструментарий исследований, проводимых с использованием результатов социологических опросов населения. Их применение позволяет выявить фак-

турную структуру причинно-следственных связей, обнаружить тенденции в механизмах их взаимодействия.

В ходе проведенного исследования проверена гипотеза, сформированная по результатам специального социологического опроса студентов вузов столицы Чувашии: является ли формирование профессиональных компетенций у студенческой молодежи в ходе образовательного процесса определяющим фактором становления ее гражданской идентичности и общественной активизации? В качестве количественной меры влияния заданного респондентам вопроса на исследуемые процессы были приняты показатели частот их ответов в разрезе равночисленных групп, образованных из числа всех опрошенных. При этом репрезентативность групповых показателей достигалась выбраковкой отдельных ответов, разброс значений которых превысил 5-процентную статистическую значимость.

С применением методов факторного анализа удалось распределить показатели частот (признаков) на три множества, выразив их в виде значений главных компонент, соответствующих содержанию анализируемых синтетических категорий: «Гражданская идентичность», «Профессиональные компетенции» и «Общественная активность». Вместе с тем были рассчитаны факторные нагрузки признаков, характеризующих их тесноту связи с главной компонентой и ее отдельное влияние на суммарную дисперсию анализируемой синтетической категории. В итоге были рассчитаны средневзвешенные значения сводных компонент в разрезе выделенных групп, в комплексе характеризующих содержание соответствующих синтетических категорий.

В результате построения регрессионных зависимостей между средними оценками синтетических категорий «Гражданская идентичность», «Общественная активность», с одной стороны, и средними оценками синтетической категории «Профессиональные компетенции» — с другой, в основном подтвердилась основная гипотеза исследования. Действительно, формирование профессиональных компетенций у студентов в ходе обучения в вузе, которое подтверждается высокими оценками успеваемости и сопровождается участием в научной и проектной деятельности, повышает их общественную активность и способствует становлению у них гражданской идентичности.

Данная гипотеза получила дополнительное подтверждение по результатам канонического анализа, в ходе которого были определены скрытые взаимосвязи между отдельными признаками в составе синтетических категорий. Так, на становление гражданской идентичности студентов в составе признаков «Жить на территории России» — Y_4 (28,8%) существенное влияние оказывает признак «участие в разработке социально-экономических, педагогических и инженерных проектов» — X_5 (23,1%). В скобках представлена частотность признака, отмеченного респондентами. Вместе с тем становление гражданской идентичности студентов, идентифицируемое признаками «Восприятие респондентом России как правопреемницы СССР» — Y_6 (2,1%) и «Восприятие окружающими респондента как жителя своего города, села» — Y_8 (9,5%), формируется под влиянием признаков «В основном у меня отличные оцен-

ки» — X 1 (21,7%) и «Наличие научных публикаций» — X 3 (23,9%). Данные взаимосвязи оказались статистически значимыми.

Менее значимые связи зафиксированы при взаимодействии признаков, характеризующих общественную активность студентов и формирование их профессиональных компетенций. На повышение общественной активности студентов в форме их участия в студенческих научных обществах, организации научных олимпиад, семинаров и др. (Z 8; 10,9%) заметное влияние оказывает наличие у них научных публикаций, оформленных по результатам выступлений на студенческой научной конференции (X 3; 23,9%). Помимо этого, общественная активизация студентов в вышеназванных формах повышается по мере их участия в проектной деятельности в рамках социально-экономических, педагогических и инженерных проектов (X 5; 23,1%). Наряду с этим отдельная связь обнаруживается у студентов, получающих хорошие и отличные оценки (X 2; 7,7%), с их деятельностью по оказанию помощи больным детям и детям из детских домов (Z 5; 6,5%) и участием в молодежных общественно-политических организациях (Z 6; 6,6%).

Считаем, что инструментарий многомерного анализа, экспериментально использованный в настоящем исследовании, существенно расширяет аналитическую базу социологических исследований.

Приложение

Таблица П-1

Table P-1

Перечень вопросов, заданных студенческой молодежи в ходе социологического анкетного опроса

List of questions asked to students during the sociological questionnaire

Наименование синтетической категории	Обозначение вопроса	Текст вопроса
1. Профессиональные компетенции	Как бы Вы оценили свои успехи в учебе?	
	X 1	В основном у меня отличные оценки
	X 2	В основном у меня отличные и хорошие оценки
	Имеются ли у Вас научные публикации?	
	X 3	Да, по результатам выступления на студенческой научной конференции
	Имеются ли у Вас научно-практические разработки по результатам исследовательской деятельности?	
	X 4	Да, включая конструкторские и технологические наработки, компьютерные технологии и программы, робототехнику
	Участвовали ли Вы в проектной деятельности?	
X 5	Да, в разработке социально-экономических, педагогических и инженерных проектов	

2. Гражданская идентичность	Что лично для Вас является наиболее важным из перечисленных позиций?	
	Y 1	Гражданин России
	Y 2	Житель Чувашии
	Y 3	Представитель молодежных объединений (профсоюзных, экологических, военно-патриотических, спортивных, музыкальных и др.)
	Что для Вас лично означает «быть россиянином»?	
	Y 4	Жить на территории России
	Y 5	Быть российским гражданином
	Y 6	Воспринимать Россию как правопреемницу СССР
	Y 7	Чувствовать свою причастность к российской истории и культуре
	В повседневной жизни внутри страны (в том числе на работе, учебе) как Вас в первую очередь должны воспринимать окружающие?	
Y 8	Как жителя Вашего города, села	
Y 9	Как жителя Чувашии	
3. Общественная активность	В каких видах волонтерской деятельности Вы участвуете/участвовали?	
	Z 1	В работе с людьми с ограниченными возможностями здоровья
	Z 2	В благотворительном волонтерстве
	Z 3	В спортивном волонтерстве
	Z 4	В движении по защите бездомных животных
	Z 5	В помощи больным детям и детям из детских домов
	В деятельности каких еще организаций Вы участвуете?	
	Z 6	Молодежные общественно-политические организации
	Z 7	Творческое объединение (музыкальное, танцевальное, драматическое и др.)
	Z 8	Научные общества (СНО, организации научных олимпиад, семинаров и др.)
Z 9	Спортивные секции	

Таблица П-2

Факторная структура показателей
в составе синтетической категории
«Профессиональные компетенции»

Table P-2

Factor structure of indices in the
synthetic category "Professional
Competencies"

Показатель	Весовые коэффициенты (числитель) и факторные нагрузки (знаменатель) главных компонент (вращение факторного пространства по критерию Варимакс)				
	F 1	F 2	F 3	F 4	F 5
X 1 (0,93)	$\frac{0,2986}{-0,2577}$	$\frac{0,0292}{-0,0392}$	$\frac{-0,1344}{0,1179}$	$\frac{0,0274}{-0,0184}$	$\frac{1,1424}{\mathbf{0,9580}}$
X 2 (0,98)	$\frac{1,1187}{\mathbf{0,9661}}$	$\frac{-0,0454}{0,0540}$	$\frac{-0,0575}{0,0257}$	$\frac{0,0117}{0,0046}$	$\frac{0,3064}{-0,2510}$
X 3 (0,97)	$\frac{-0,0638}{0,0223}$	$\frac{-0,0357}{0,0444}$	$\frac{1,0406}{\mathbf{0,9883}}$	$\frac{-0,0993}{0,0963}$	$\frac{-0,1486}{0,1070}$
X 4 (0,97)	$\frac{-0,0481}{0,0510}$	$\frac{1,0339}{\mathbf{0,9887}}$	$\frac{-0,0359}{0,0442}$	$\frac{-0,1316}{0,1290}$	$\frac{0,0312}{-0,0365}$
X 5 (0,92)	$\frac{0,0129}{0,0045}$	$\frac{-0,1309}{0,1297}$	$\frac{-0,0991}{0,0965}$	$\frac{1,0408}{\mathbf{0,9867}}$	$\frac{0,0303}{-0,0168}$
Дисперсия F_j	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00
Доля дисперсии F_j в общей дисперсии	0,200	0,200	0,200	0,200	0,200

Примечание: в скобках представлены коэффициенты информативности главной компоненты (F_j), содержание которой определяется факторной нагрузкой, выделенной полужирным шрифтом

Note: the main component information coefficients (F_j), the content of which is determined by the factor load (in bold), are presented in brackets

Таблица П-3

Факторная структура показателей, формирующих синтетическую категорию «Гражданская идентичность»

Показатель	Весовые коэффициенты (числитель) и факторные нагрузки (знаменатель) главных компонент (вращение факторного пространства по критерию Варимакс)								
	F 1	F 2	F 3	F 4	F 5	F 6	F 7	F 8	F 9
Y 1 (0,93)	-1,1279 -0,9608	-0,0398 0,0146	0,0784 -0,0616	-0,0274 0,0085	0,0738 -0,0778	-0,1263 0,1253	0,0652 -0,0937	0,0015 0,0232	0,2471 -0,2042
Y 2 (0,96)	-0,0834 0,0579	0,0246 -0,0064	1,0884 0,9758	-0,0754 0,0548	-0,1538 0,1395	-0,0518 0,0210	-0,1347 0,1013	-0,0649 0,0404	0,1441 -0,0980
Y 3 (0,95)	-0,0665 0,0916	-0,0855 0,0764	-0,1321 0,1033	0,1288 -0,1155	0,0151 0,0200	0,1218 -0,1223	1,0960 0,9697	0,0483 -0,0492	-0,0765 0,0606
Y 4 (0,96)	-0,0300 0,0073	-0,0348 0,0114	0,0762 -0,0542	-1,0729 -0,9793	0,0433 -0,0250	-0,0093 -0,0204	-0,1328 0,1120	0,1485 -0,1284	0,1265 -0,0878
Y 5 (0,95)	-0,0778 0,0739	-0,0935 0,0601	-0,1540 0,1393	-0,0432 0,0250	1,0803 0,9765	0,0425 -0,0540	0,0152 0,0194	0,1577 -0,1172	0,0296 -0,0180
Y 6 (0,96)	-0,0014 -0,0227	-0,1769 0,1508	-0,0633 0,0413	-0,1423 0,1339	0,1525 -0,1211	-0,0709 0,0825	0,0476 -0,0499	1,1128 0,9660	0,0102 0,0080
Y 7 (0,94)	-0,2509 0,2011	-0,0736 0,0669	0,1387 -0,1018	-0,1210 0,0917	0,0278 -0,0195	-0,0475 0,0086	-0,0760 0,0607	0,0107 0,0086	1,1249 0,9655
Y 8 (0,94)	0,1349 -0,1175	0,0010 0,0027	-0,0526 0,0207	0,0094 0,0204	0,0432 -0,0531	1,0603 0,9810	0,1261 -0,1180	-0,0742 0,0789	-0,0505 0,0076
Y 9 (0,93)	0,0434 -0,0130	1,0629 0,9830	0,0252 -0,0063	0,0351 -0,0115	-0,0953 0,0591	0,0008 0,0024	-0,0889 0,0735	-0,1868 0,1428	-0,0780 0,0632
Дисперсия F_j	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00
Доля дисперсии F_j в общей дисперсии	0,111	0,111	0,111	0,111	0,111	0,111	0,111	0,111	0,111

Примечание: в скобках представлены коэффициенты информативности главной компоненты (F_j), содержание которой определяется факторной нагрузкой, выделенной полужирным шрифтом

Note: the main component information coefficients (F_j), the content of which is determined by the factor load (in bold), are presented in brackets

Таблица П-4

Table P-4

Факторная структура показателей в составе синтетической категории «Общественная активность»

Factor structure of indices, as part of the synthetic category "Social Activity"

Показатель	Весовые коэффициенты (числитель) и факторные нагрузки (знаменатель) главных компонент (вращение факторного пространства по критерию Варимакс)								
	F 1	F 2	F 3	F 4	F 5	F 6	F 7	F 8	F 9
Z 1 (0,92)	-0,1003 0,0906	-0,0061 0,0088	-0,1184 0,0891	0,1184 -0,1048	-0,0555 0,0095	1,0548 0,9837	0,0045 0,0020	-0,0415 0,0606	0,0628 -0,0384
Z 2 (0,96)	-0,0435 0,0267	-0,1555 0,1557	-0,1196 0,0821	-0,0211 0,0456	-0,2088 0,1774	0,0583 -0,0412	0,0934 -0,0921	0,0254 -0,0326	1,1291 0,9610
Z 3 (0,94)	0,0076 -0,0060	0,0435 -0,0276	-0,0681 0,0334	1,0470 0,9867	-0,1437 0,1070	0,1195 -0,1038	-0,0161 0,0004	-0,0385 0,0224	-0,0224 0,0425
Z 4 (0,97)	1,1351 0,9596	-0,0493 0,0516	0,0695 -0,0396	0,0066 -0,0069	-0,0468 0,0386	-0,0936 0,0968	-0,0806 0,1086	-0,2785 0,2268	-0,0424 0,0278
Z 5 (0,92)	-0,2686 0,2353	0,0565 -0,0374	-0,1357 0,1076	-0,0344 0,0250	0,0684 -0,0768	-0,0386 0,0662	-0,1412 0,1383	1,1686 0,9489	0,0234 -0,0347
Z 6 (0,97)	-0,0825 0,1058	-0,1034 0,0741	0,1418 -0,1103	-0,0154 0,0004	0,0592 -0,0448	0,0043 0,0019	1,0938 0,9718	-0,1507 0,1299	0,0966 -0,0891
Z 7 (0,94)	0,0536 -0,0476	-1,0626 -0,9817	0,0421 -0,0208	-0,0428 0,0281	0,0634 -0,0708	0,0058 -0,0091	0,1066 -0,0720	-0,0636 0,0330	0,1657 -0,1461
Z 8 (0,91)	0,0732 -0,0372	-0,0398 0,0222	1,1217 0,9685	-0,0642 0,0354	0,2056 -0,1456	-0,1129 0,0933	0,1403 -0,1115	-0,1456 0,1004	-0,1226 0,0801
Z 9 (0,93)	-0,0479 0,0375	-0,0590 0,0761	0,1976 -0,1514	-0,1310 0,1172	1,1463 0,9570	-0,0504 0,0108	0,0568 -0,0467	0,0711 -0,0741	-0,2057 0,1801
Дисперсия F_j	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00
Доля дисперсии F_j в общей дисперсии	0,111	0,111	0,111	0,111	0,111	0,111	0,111	0,111	0,111

Примечание: в скобках представлены коэффициенты информативности главной компоненты (F_j), содержание которой определяется факторной нагрузкой, выделенной полужирным шрифтом.

Note: the main component information coefficients (F_j), the content of which is determined by the factor load (in bold), are presented in brackets.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / сост. и отв. ред. Н. И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016. 360 с.
2. Бауман З. Текучая современность / З. Бауман. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
3. Борзых Д. Л. О методе канонических корреляций / Д. А. Борзых; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Препринт WP2/2016/01. Электрон., текст. дан. (500 Кб). М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.
4. Бородкин Ф. М. Социальные индикаторы: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Статистика» и другим экономическим специальностям / Ф. М. Бородкин, С. А. Айвазян. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. 607 с.
5. Горшков М. К. Молодежь России: социологический портрет / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2010. 592 с.
6. Заседание Совета по межнациональным отношениям в Астрахани // Сайт Комиссии по вопросам информационного сопровождения государственной национальной политики. URL: <https://sovetnational.ru/sovet/materialy-zasedaniy-soveta/zasedanie-soveta-po-mezhnacionalnym-otnosheniyam-6.html>
7. Здравомыслов А. Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве: монография / А. Г. Здравомыслов. М.: Аспект Пресс, 1999. 288 с.
8. Здравомыслов А. Г. Релятивистская теория нации и рефлексивная политика // Новый подход к исследованию этнополитической динамики России / отв. ред. А. Г. Здравомыслов. М.: Российский независимый институт социальных и национальных проблем, 1998. С. 115-122.
9. Крыштановский А. О. Анализ социологических данных с помощью пакета SPSS: учеб. пособие для вузов / А. О. Крыштановский; Гос. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. 281 с.
10. Магранов А. С. Гражданская идентичность современной студенческой молодежи: особенности и факторы трансформации / А. С. Магранов, Л. С. Деточенко // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 108-116.
11. Мосиенко О. С. Особенности и противоречия профессиональной социализации современной студенческой молодежи: итоги межрегионального социологического исследования / О. С. Мосиенко, В. И. Филоненко, А. С. Магранов, А. В. Понеделков // Власть. 2017. № 5. С. 18-28.
12. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента Рос. Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70184810/>
13. Осипов Г. В. Методы измерения в социологии / Г. В. Осипов, Э. П. Андреев. М.: Наука, 1977. 184 с.
14. Пржиленская И. Б. Особенности формирования гражданской идентичности студентов в поликультурном регионе / И. Б. Пржиленская, В. А. Шаповалов, М. М. Шульга // Вестник Ставропольского государственного университета. 2012. № 79. С. 5-9.
15. Рабочая книга социолога / под общ. ред. и с предисл. Г. В. Осипова. Изд. 5-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 480 с.
16. Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал / ред. В. А. Тишков, Р. Э. Бараш, В. В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2014. 342 с.

17. Тишков В. А. Забыть о нации (пост-националистическое понимание национализма) / В. А. Тишков // Вопросы философии. 1989. № 9. С. 3-26.
18. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / А. Турен. М.: Научный мир, 1998. С. 65-67.
19. Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В. А. Тишкова и В. В. Степанова. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2018. С. 107-111.
20. Sherry A. Conducting and interpreting canonical correlation analysis in personality research: a user-friendly primer / A. Sherry, R. Henson // Journal of Personality Assessment. 2005. No 84 (1). URL: https://www.researchgate.net/publication/8091073_Conducting_and_Interpreting_Canonical_Correlation_Analysis_in_Personality_Research_A_User-Friendly_
21. Holzinger K. A simple method of factor analyses / K. Holzinger // Psychometrika. 1944. Vol. 9. Pp. 257-262.
22. Hotelling H. Relations between two sets of variates / H. Hotelling // Biometrika. 1936. Vol. 28. No 3-4. Pp. 321-377.

Vladimir T. TARASOV¹
Ivan I. BOYKO²

UDC 316.4

**THE FORMATION OF CIVIL IDENTITY AMONG STUDENTS
BASED ON FORMATION OF PROFESSIONAL
COMPETENCIES AND PUBLIC ACTIVITY:
THE EXPERIENCE OF A MULTIDIMENSIONAL ANALYSIS**

¹ Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor,
Department of Economics and Management,
Cheboksary Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
tarvlad2015@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3539-5618

² Dr. Sci. (Hist.), Professor,
Chief Researcher, Chuvash State Institute of Humanities (Cheboksary)
boyko2003@yandex.ru

Abstract

This article proposes methodological tools for analyzing the relationships between elements of complex social categories. It implements an approach based on the methods of multivariate statistical analysis, including factorial, canonical, and regression types. The proposed methods were experimentally tested on the data of a sociological survey of 688 students of metropolitan universities of Chuvashia in order to identify hidden relationships between the elements of synthetic categories that characterize civic identity, professional competencies, and the social activity of students. Regression dependencies and canonical correlations between the elements of these categories have confirmed the scientific hypothesis of the study that the formation of professional competencies in students during their studies increases their social activity and contributes to their civic identity. At the same time, hidden relationships between the elements of these categories have been identified, many

Citation: Tarasov V. T., Boyko I. I. 2019. "The formation of civil identity among students based on formation of professional competencies and public activity: the experience of a multidimensional analysis". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 5, no 4 (20), pp. 6-29.

DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-4-6-29

of which turned out to be statistically significant. This hypothesis has not been previously investigated using this toolkit. The proposed methodological tools significantly expand the possibilities of sociological research.

Keywords

Civic identity and social activity of students, professional competencies, factor analysis of hidden relationships, canonical correlation.

DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-4-6-29

REFERENCES

1. Lapin N. I. (ed.). 2016. Atlas of Modernization of Russia and Its Regions. Moscow: Ves Mir. [In Russian]
2. Bauman Z. 2008. Flowing Modernity. Saint Petersburg: Piter. [In Russian]
3. Borzykh D. L. 2016. "On the method of canonical correlations". Preprint WP2/2016/01. Moscow: Higher School of Economics. [In Russian]
4. Borodkin F. M., Ayvazyan S. A. 2006. Social Indices: Students' Textbook on Statistics and Other Economic Specialties. Moscow: YUNITI-DANA. [In Russian]
5. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. 2010. The Youth of Russia: A Sociological Portrait. Moscow: Tsentr sotsialnogo prognozirovaniya i marketinga. [In Russian]
6. RF Commission for Information Support of State National Policy of the Presidential Council on Interethnic Relations. "Meeting of the Council on Interethnic Relations in Astrakhan". <https://sovetnational.ru/sovet/materialy-zasedaniy-soveta/zasedanie-soveta-po-mezhnacionalnym-otnosheniyam-6.html> [In Russian]
7. Zdravomyslov A. G. 1999. Interethnic Conflicts in the Post-Soviet Space. Moscow: Aspekt Press. [In Russian]
8. Zdravomyslov A. G. 1998. "Relativistic theory of the nation and reflective politics". In: Zdravomyslov A. G. (ed.). A New Approach to the Study of Ethno-Political Dynamics of Russia, pp. 115-122. Moscow: Rossiyskiy nezavisimyy institut sotsialnykh i natsionalnykh problem. [In Russian]
9. Kryshchanovskiy A. O. 2006. Analysis of Sociological Data Using the SPSS Package: University Textbook. Moscow: Higher School of Economics. [In Russian]
10. Magranov A. S., Detochenko L. S. 2018. "Civic identity of modern student youth: features and transformation factors". Social Studies, no 8, pp. 108-116. [In Russian]
11. Mosiyenko O. S., Filonenko V. I., Magranov A. S., Ponedelkov A. V. 2017. "Features and contradictions of the professional socialization of modern student youth: the results of interregional sociological research". Vlast', no 5, pp. 18-28. [In Russian]
12. RF President Decree of 19 December 2012 No 1666 "On the Strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period until 2025". <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70184810/> [In Russian]
13. Osipov G. V., Andreyev E. P. 1977. Methods of Measurement in Sociology. Moscow: Nauka. [In Russian]

14. Przhilenskaya I. B., Shapovalov V. A., Shulga M. M. 2012. "Features of the formation of civic identity of students in a multicultural region". *Vestnik Stavropolskogo gosudarstvennogo universiteta*, no 79, pp. 5-9. [In Russian]
15. Osipov G. V. (ed.). 2009. *Sociologist's Workbook*. 5th edition. Moscow: LIBROKOM. [In Russian]
16. Tishkov V. A., Barash R. E., Stepanov V. V. (eds.). 2014. *Russian Students: Identity, Life Strategies and Civic Potential*. Moscow: IEA RAN. [In Russian]
17. Tishkov V. A. 1989. "Forgetting the nation (post-nationalist understanding of nationalism)". *Voprosy filosofii*, no 9, pp. 3-26. [In Russian]
18. Turen A. 1998. *The Return of the Person Acting. Essay on Sociology*. Moscow: Nauchnyy mir. [In Russian]
19. Tishkov V. A., Stepanov V. V. 2018. *Ethnic and Religious Diversity in Russia*. 2nd edition, revised. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN. [In Russian]
20. Sherry A., Henson R. 2005. "Conducting and interpreting canonical correlation analysis in personality research: a user-friendly primer". *Journal of Personality Assessment*, vol. 84, no 1, pp. 37-48. DOI: 10.1207/s15327752jpa8401_09
21. Holzinger Karl. 1944. "A simple method of factor analyses". *Psychometrika*, vol. 9, pp. 257-262.
22. Hotelling H. 1936. "Relations between two sets of variates". *Biometrika*, vol. 28, no 3-4, pp. 321-377.

Владимир Александрович ДАВЫДЕНКО¹
Елена Владимировна АНДРИАНОВА²
Гульнара Фатыховна РОМАШКИНА³
Роман Ренатович ХУЗЯХМЕТОВ⁴

УДК 314.174

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ КОНТЕКСТ ИЗУЧЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА. ПРОГРАММА ИССЛЕДОВАНИЙ*

¹ доктор социологических наук, профессор,
начальник научно-исследовательского центра,
Финансово-экономический институт, Тюменский государственный университет
vlad_davidenko@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8389-4254

² кандидат социологических наук,
заведующий кафедрой общей и экономической социологии,
Финансово-экономический институт, Тюменский государственный университет;
старший научный сотрудник Западно-Сибирского филиала
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (г. Тюмень)
e.v.andrianova@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-7769-9206

³ доктор социологических наук, профессор,
профессор кафедры экономической безопасности, системного анализа и контроля,
Финансово-экономический институт, Тюменский государственный университет
gr136@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7764-5566

⁴ аспирант кафедры общей и экономической социологии,
Тюменский государственный университет
r_o_m_a_n_14@mail.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 19-29-07131 «Моделирование и измерение человеческого капитала и формы его проявления в контексте цифровизации экономики: ресурсы, потоки, институты»).

Цитирование: Давыденко В. А. Междисциплинарный контекст изучения человеческого капитала. Программа исследований / В. А. Давыденко, Е. В. Андрианова, Г. Ф. Ромашкина, Р. Р. Хузахметов // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2019. Том 5. № 4 (20). С. 30-51.
DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-4-30-51

Аннотация

Современная научная литература всё чаще признает высокую значимость индивида в деятельности любого субъекта, будь то отдельная фирма, регион или национальная экономика. Исследователи пытаются понять сущность взаимосвязи мягких форм капитала, институциональной среды и ценностей. Таким образом, актуальность статьи заключается в потребности изучения механизмов взаимовлияния человеческого капитала и социально-экономических достижений.

Человеческий капитал берет свое начало в знаниях, умениях, навыках и других характеристиках отдельных людей, но его существование не ограничивается индивидуальным уровнем, поскольку на уровне структурных единиц посредством объединения и взаимодополнения он становится ресурсом. Полученные комбинации человеческого капитала сложны, и почти все они являются специфическими для конкретной организации. Поэтому авторы утверждают, что конкурентное преимущество достигается главным образом за счет уникального сочетания ресурсов человеческого капитала.

В работе представлены ключевые концептуальные положения программы полипарадигмального исследования феномена человеческого капитала. Новизна статьи определяется, во-первых, подробным описанием компонентов человеческого капитала, во-вторых, предложением по воплощению идеи междисциплинарного исследования. Авторы разрабатывают и апробируют методологию, которая позволит осуществить комплексное модульное измерение человеческого капитала, смоделировать и оценить его влияние на экономическую результативность микро-, мезо- и макросубъектов в условиях цифровизации экономики.

База анализа включает философские подходы, системный анализ, социальные теории, социологию (в том числе математическую социологию), психологию, экономику. Систематизация и типологизация научных источников позволили сформировать широкий спектр моделей многоуровневого человеческого капитала и его ресурсов.

Кроме того, авторы предлагают инициировать междисциплинарную дискуссию, направленную на повышение открытости и продуктивности исследований в искомом направлении.

Ключевые слова

Человеческий капитал, ресурсы человеческого капитала, измерение человеческого капитала, моделирование человеческого капитала, полипарадигмальность, междисциплинарность, цифровизация экономики.

DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-4-30-51

Введение

Концепт человеческого капитала (далее мы будем часто применять сокращение НС — human capital) интегрирует многоуровневые теории различных дисциплинарных традиций. Научная проблема состоит в поиске конструктивных

разрешений противоречий по интеграции микро-, мезо- и макроуровней концепта человеческого капитала и анализе научных дискуссий по смежным дисциплинам. Многие из проблем человеческого капитала находятся в фокусе внимания современных философских и социальных теорий, социологии, психологии, экономики, которые связаны с соответствующими блоками прикладных дисциплин — менеджмента и теории организаций, математических моделей и методов. В настоящее время, как правило, в науке доминирует изучение конкретных уровней, причинно-следственных связей, механизмов функционирования и развития элементов и ресурсов человеческого капитала.

Авторы данной статьи имели опыт междисциплинарного исследования, описывающего «зонтичный эффект» (“umbrella effect”) метафоры доверия в мировой науке, суть которого заключалась в представлении спектра идентификации форм, типов, тенденций в межпредметной области изучения доверия. Междисциплинарная тематика доверия была предложена в терминах «зонтичного» всепроникающего эффекта дефиниции доверия в каркасе конкурирующих парадигм и подходов. Концептуализация доверия выполнена как многомерная ментальная конструкция, объясняющая междисциплинарный феномен с разных точек зрения различных гуманитарных наук [3]. У нас был соблазн провести аналогичные аналитические процедуры с феноменом человеческого капитала, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что по разработанной схеме исследования это сделать невозможно по ряду причин. Далее мы попытаемся обосновать вышесказанное. Анализ теоретических и методологических подходов в каждой области междисциплинарного предмета исследований позволил нам выделить «пересекающиеся смысловые сегменты» и показать его полипарадигмальность.

Методы исследования

Методы исследования включают анализ, систематизацию и типологизацию научных литературных источников, теоретических концепций и методологической базы различных дисциплин, через призму которых рассматривается феномен человеческого капитала. В базу анализа включены философские фундаментальные (всеобщие) подходы к многоуровневым теориям человеческого капитала, системный анализ и его концепции, послужившие основанием категоризации НС, социальные теории (social theory), социология и математическая социология (mathematical sociology), психология, экономика. Полипарадигмальные аспекты проблематики сходятся в точке многомерной типологии ресурсов человеческого капитала (HCR — human capital resource): менеджмента и теории организации (applied and institutional disciplines, management and organization theories), институциональной экономики (institutional economics), теории рынков (theory of the markets), теории фирмы (theory of the firm), поведенческой теории фирмы (behavioral theory of the firm), различных прикладных методологий и методик измерения и систематизации HCR, менеджмента человеческого капитала, стратегического человеческого капитала и коллективного человеческого капитала.

Обзор литературы

Философские фундаментальные (всеобщие) подходы к многоуровневым теориям человеческого капитала (multilevel theories of human capital) изначально рассматривали общество и ресурсы человека как сложную систему [53]. Соответственно, при анализе многоуровневого человеческого капитала должны быть задействованы теории системного анализа [46], прикладные общие теории систем [59]; разработки философии системного подхода (philosophy of the systems approach), которые послужили основаниями для разработки теории сбалансированных систем показателей и карты стратегий. В этой традиции стратегия, описывающая систему, представляется как связанный набор действий и результатов, происходящих в долгосрочном периоде времени. Двухконтурный процесс управления, на котором основана стратегически ориентированная организация, базируется на принципах кибернетики (обратной связи и контроля) [40].

Для описания многоуровневых теорий человеческого капитала используются философские методы анализа выявления отношений неполного целого [55]. Понимание того, что от многих руководителей философская ментальность требует расширения общего взгляда за пределы стратегии, структуры и систем, чтобы одновременно сосредоточиться на цели, процессе и на людях своей фирмы (компании, организации), сформировано и развивается в целом ряде исследований стратегического человеческого капитала [40].

Обоснование и понимание вкладов гетерогенности (неоднородностей) в создание (возникновение) новой ценности потребовало привлечения теорий философии науки (theories of philosophy of science), изучающих дефиниции, границы и методологию науки [29]. Использование дефиниции «возникающий» основано на том, что очень важно тщательно определить природу структуры социальных взаимодействий, признавая, что они могут привести к коллективным результатам, которые являются неожиданными и необязательно сводимы к действиям и результатам, составляющим их отдельных акторов (лиц). В итоге сформировалась дефиниция коллективного человеческого капитала, несводимая к простой сумме показателей отдельных индивидуумов.

Социальные теории, социология и математическая социология

Социологический вклад в концепцию основывается на том, что вместо того, чтобы постулировать и указывать на существование коллективных форм организации в связи с функционированием человеческого капитала — будь то структура, культура, институт, организация, рынок, общность или общество, — возникает возможность объяснения макротеорий как результата деятельности и взаимодействий отдельных людей [23]. Для понимания и объяснения процессов формирования коллективных форм имеют значение социологические версии о создании человеческого капитала [24]. Кроме того, некоторые современные социальные теории стыкуются с разработками социального возникновения обществ и общностей как сложных систем (например, [54]), в сопряжении с современными философскими взглядами и последствиями для социологии

[53]. Новые перспективы изучения процессов возникновения (emergence) человеческого капитала открывают экономические концепции (например, [35]); отражение процессов появления ресурсов НС во многоуровневых моделях см. также [47]. На практике применение этих моделей означает, что в принципе можно выявить и объяснить, как именно убеждения, предпочтения, интересы людей формируют новые социальные структуры, раскрывая при этом человеческий капитал. Математическая социология лежит в основе разработок математических моделей для представления различных форм и типов НС, решения проблем операционализации и верификации многоуровневых теорий НС [51].

Психология

Привлечение различных теорий фундаментальной, прикладной и практической психологии, выявляющих факты, механизмы и законы психической деятельности людей и их психические проявления в естественных условиях с применением соответствующих тестов, позволит представить измерения конкретных проявлений человеческого капитала. Более того, сосредоточение внимания на психологических исследованиях, использующих теорию и измерение на уровне единиц (или подразделений — unit level), позволяет избежать межуровневых ошибок [52], которые потенциально могут возникнуть при изучении связи между концептуализацией на индивидуальном уровне и измерением человеческого капитала и результатом производительности на уровне единиц [47]. Дальнейшие уточнения опираются на метаанализ психологических отношений между единицами и компонентами человеческого капитала и эффективностью фирмы [25], концептуальный и эмпирический анализ отношений когнитивных способностей [42]. Плодотворный опыт таких исследований описан, например, в справочниках по промышленной, трудовой и организационной психологии [33]. Одно из ограничений психологического подхода состоит в том, что, фокусируясь на человеческом капитале на индивидуальном уровне (на уровне единиц), мы исключаем важные проявления, которые были бы сосредоточены на изучении коллективного человеческого капитала. Рефлексию по поводу возникновения этой проблемы в психологии [33] подтверждают исследования классиков экономики [39]. Подчеркнем, что в психологии концептуализации человеческого капитала на уровне теории фирмы (firm-level conceptualization) недостаточно полно соответствовали первоначальной экономической концептуализации ресурсов человеческого капитала (HCR) как атрибута человека на индивидуальном уровне [16]. Поэтому возникла объективная потребность в привлечении парадигмальных оснований экономики на уровне прикладных и институциональных дисциплин — менеджмента и теории организации (applied and institutional disciplines, management and organization theories).

Полипарадигмальные аспекты проблематики человеческого капитала сходятся в точке многомерной типологии ресурсов человеческого капитала (HCR). Полипарадигмальность обосновывается тем, что в этой точке пересекаются интересы институциональной экономики (institutional economics), теории рынков (theory of

the markets), теории фирмы (theory of the firm), поведенческой теории фирмы (behavioral theory of the firm) и обсуждаются сопряженные философские вопросы о природе экономических субъектов (philosophical questions about the nature of economic actors). В частности, Х. Грайф (H. Greve) обратил внимание на микроосновы поведенческой теории фирмы (behavioral theory of the firm), поведенческой стратегии и организационного обучения [32], в то время как Дж. Гаветти (G. Gavetti) с коллегами разрабатывает поведенческую теорию фирмы (behavioral theory of the firm) и поведенческую теорию стратегии (behavioral theory of strategy) фирмы [30]. Результаты «поведенческих исследований», «поведенческой экономики», в частности агрегации человеческого капитала на уровне фирмы, позволили сформировать прикладные инструменты, которые уже на практике применяются в целом ряде крупных многонациональных корпораций. Особенно далеко в этой части продвинулись финансовые корпорации, IT и консалтинговые фирмы. Поведенческая программа исследования включает в себя призыв к увязке с поведенческой экономикой и поведенческими финансами [50], привлечение парадигмы институционализма [26].

Современные отголоски дискуссий между коллективистами и индивидуалистами, представителями немецкой исторической школы экономики (Шмоллером) и австрийской школы (Менгером, Хайеком), в основном дискуссии о том, надо ли сосредоточиться на коллективной целостности и истории (отстаиваемых первыми) или же на отдельных лицах и их взаимодействии (отстаиваемых последними) [18], находят свое отражение в текущих дебатах по микроосновам теории и стратегии организации и вопросам о роли окружающей среды [28]. Версии этой дискуссии проявились в экономической антропологии между формалистами и субстантивистами [34], когда одни ученые в определении природы человеческого капитала и результатов деятельности человека на рынках и в обществе указывали на важность макрофакторов, таких как культура и история [49], в то время как другие предпочитали сосредоточиться на выборе акторов и их агрегации [15].

Научный интерес к использованию теории человеческого капитала, основанной на ресурсах, в настоящее время претерпевает парадигматический сдвиг в литературе по стратегии и стратегическому управлению человеческими ресурсами для изучения человеческого капитала на уровне подразделений (unit-level).

Богатый инструментарий формирования многоуровневых моделей человеческого капитала на основе конкурентных преимуществ можно обнаружить в ряде работ [19, 22, 36, 43]. Отметим статьи о ресурсах и перспективах человеческого капитала на уровне единиц, и особенно операционализации и верификации концептов «знаний, навыков, умений и других характеристик» (“knowledge, skills, abilities, and others characteristics”, сокращенно KSAO) HCR [45]. Дж. Барни и Т. Фелин предложили оригинальный практически применимый аддитивный подход к агрегации HCR [14].

С опорой на концепции многоуровневого человеческого капитала и его ресурсов был сформирован широкий спектр моделей. Макроуровневые модели основаны в основном на оценке демографической составляющей, инвестиций в здоровье,

обучение. В одних случаях рассматривают все население, в других — только занятых. Одной из известных моделей влияния человеческого капитала на экономический рост стала модель Р. Холла и Ч. Джонса, Р. Барро и Х. Сала-и-Мартина [20]. В основном это различные модификации модели Кобба — Дугласа, а человеческий капитал традиционно измеряли в годах обучения [5]. В последнее время бурно развиваются макроэкономические модели динамики НС [6]. Различные «мягкие» компоненты НС создают большое разнообразие конкретных проявлений. Как мы уже отмечали, в последнее время макромоделли применяют для оценки влияния НС на экономический рост (ВВП, ВПР), инновационное развитие.

Стандартные методы измерения НС связаны с давно выработанными в мировой практике подходами для измерения интеллектуального капитала (IC), основные принципы которых были представлены К. Э. Свейби на его персональном сайте [56]. Он выделил 42 метода измерения IC: основанные на оценке отдельных активов или компонентов IC в денежных величинах прямого измерения (Direct Intellectual Capital Methods — DIC), затем выводится его интегральная оценка; методы рыночной капитализации (Market Capitalization Methods — MCM), где вычисляется разность между рыночной капитализацией компании и собственным капиталом акционеров, получаемая величина рассматривается как стоимость ее IC или нематериальных активов. Третий подход основан на привлечении методов отдачи на активы (Return on Assets Methods — ROA), где отношение среднего дохода компании к ее материальным активам сравнивается с аналогичным показателем для отрасли в целом, а для вычисления среднего дохода от использования IC полученную разность умножают на материальные активы, и стоимость всех интеллектуальных ресурсов определяется путем прямой капитализации (дисконтирования) получаемого денежного потока компании. Еще один подход основан на системах показателей, когда идентифицируются разные компоненты нематериальных активов, или IC, на их основе строятся индексы (Scorecard Methods — SC). Одной из продуктивных оказалась микроуровневая модель оценки НС на уровне компании. Тот или иной выбор измеряемых признаков, характеризующих НС на уровне компании и ее сотрудников, определение эффективности использования НС, спецификация вида модели должны выявляться производственным профилем компании. Поэтому данные вопросы требуют индивидуального подхода для каждого узкого сегмента профильной деятельности компаний, с учетом показателей отрасли [2].

Программа полипарадигмального исследования феномена человеческого капитала

Мы ставим задачу разработки и апробации методологии, включающей комплексную модульную методику измерения человеческого капитала, моделирование и оценку его влияния на результативность (в различных формах) деятельности фирм (организаций), регионов в контексте цифровизации экономики. Необходимо учитывать и цикл обратной связи — когда экономическое развитие созда-

ет условия для ускоренного развития и концентрации высокоресурсного человеческого капитала в отдельных кластерах, секторах экономики, городах. Проблема моделирования потоков различных видов капитала является самостоятельной, чрезвычайно интересной и фундаментальной задачей.

Междисциплинарный аспект исследования заключается в том, что человеческий капитал находится в фокусе внимания ученых-исследователей в различных дисциплинах, таких как экономика, социология, менеджмент, управление персоналом, теория организаций, финансы, политология, другие поведенческие науки. Основной причиной этого внимания является растущее осознание того факта, что человеческие ресурсы и их взаимосвязь имеют значение для деятельности любого субъекта, будь то фирма, регион, нация или экономика. Не теряет актуальности вопрос оценки взаимовлияния мягких форм капитала с традиционным представлением о капитале как факторе производства в экономике, институциональной среды и ценностей. Кроме того, актуальна задача импликации концепта человеческого капитала в общую структуру различных видов капитала (экономического и интеллектуального, организационного, реляционного, социального), которые первостепенны в детерминации ролей. Эти роли также необходимо принимать во внимание, когда дело доходит до их измерения, ввиду сложности измерения нематериальных активов и ресурсов. Комплексность подхода подразумевает целостное рассмотрение отношений между видами капитала, их компонентного состава, управления человеческим капиталом и его результативности, анализ институтов.

Возникает ряд вопросов, на которые можно получить ответы в концептуальном плане. Пригодны ли методы измерения различных видов капитала в случае организационного обучения, сетевых форм организации межфирменных взаимодействий, региональных сетей, конфигурирующих благоприятную экономическую и инновационную среду развития человека? Существует ли обратная связь, и можно ли ее изменить явно? Как можно надежно измерить все эти нематериальные ценности? Неясно, существует ли общий интегрированный метод измерения или с помощью интерпретации отношений между этими областями можно только приблизиться к пригодной для использования системе? Можно ли анализировать институциональную среду в соответствии с традициями изучения НС?

Определяя уровни анализа человеческого капитала, считается, что первичное рассмотрение человеческого капитала на индивидуальном уровне представляет собой его определение как знаний, навыков, способностей или других характеристик человека (KSAO). На макроуровнях человеческий капитал рассматривается как линейная агрегация отдельных KSAO на уровне подразделений, команд, суборганизаций или фирм. Эти традиционные подходы были омрачены ошибками на различных уровнях вследствие обобщения результатов, полученных на микроуровне, для макроуровня; многие исследователи не хотели признавать специфичность контекста человеческих ресурсов [47]. Признавая эти ошибки и стремясь их устранить, теоретические постулаты Р. Плойхарта и

Т. Молитерно (R. Ployhart, T. Moliterno) углубились в процессы агрегации [47, с. 128]. По их мнению, человеческий капитал на уровне подразделения обеспечивает синергизм взаимодополняемости навыков внутри подразделения и имеет компонент молчаливых (tacit) знаний, поскольку отдельные члены формируют негласные знания относительно навыков, стилей работы и предпочтений друг друга, а также развивают индивидуальные рабочие отношения. Эта агрегированная единица человеческого капитала специфична для фирмы, поскольку она создается уникальными процессами появления (эмерджентности) и является более сложной, чем простая агрегация отдельных KSAO [44]. Обзор и обобщение литературы по человеческому капиталу [45, 48] развивает эту идею и объясняет, что, хотя человеческие ресурсы берут свое начало в отдельных KSAO, существует множество различных типов человеческих ресурсов на индивидуальном и коллективном уровнях, которые гораздо более разнообразны, чем историческое различие между конкретными и общими типами. Эти ресурсы могут быть объединены внутри и между уровнями посредством процессов появления и взаимодополняемости. Полученные таким образом комбинации человеческого капитала являются сложными, и почти все они специфичны для конкретной фирмы. Поэтому авторы утверждают, что локус конкурентного преимущества существует главным образом за счет сочетания ресурсов человеческого капитала, даже если они происходят из простых, подражаемых или торгуемых ресурсов [48].

На основе этих фундаментальных идей ученые в разных дисциплинах изучали конструкцию человеческого капитала на разных уровнях. Ученые-управленцы в области человеческих ресурсов, промышленной и организационной психологии, социологии и экономики, организационного поведения сосредоточились на микроуровне, изучая, как отдельные KSAO сотрудника связаны с индивидуальными результатами его работы. Исследования в области организационной теории, стратегии и экономики развития были сосредоточены на макроуровне — на том, как совокупный человеческий капитал подразделения, организации или экономики превращается в конкурентное преимущество на уровне фирмы и экономическое развитие страны [31, 37].

Специфический для фирмы человеческий капитал, который не может быть продан на рынке факторов производства и который с большей вероятностью будет соответствовать стоимости фирмы, является ярким примером стратегического человеческого капитала. Помимо многоуровневых теорий, исследования в области человеческого капитала попытались сопоставить перспективы различных дисциплин. Отметим пример исследования стратегического управления человеческими ресурсами (SHRM) [60]. Теория и практика SHRM рассматривают человеческие ресурсы как стратегические, которые уникальным образом обеспечивают свою ценность и значимость для фирмы. В литературе по стратегическому управлению человеческими ресурсами (SHRM), в зависимости от уровня анализа, используются три типа измерения человеческого капитала [60]:

субъективный тип (применяется на уровне отдельных индивидов) [57], косвенный тип (используется на уровне структурных подразделений) [47] и прямой тип измерения (когда необходимо проанализировать фирму в целом) [38]. Например, в исследованиях на макроуровне привлекались данные прямых измерений [38], такие как годы обучения, эмоциональная стабильность и добросовестность, накапливающиеся на коллективном уровне [47].

Метаанализ индивидуальной успешности карьеры в качестве меры человеческого капитала включает переменные: отработанные часы на рабочем месте, уровень образования, базовое место работы, опыт работы, планирование карьеры и готовность к переходу на другую должность, организационный и международный опыт работы, практические знания и навыки, уровень индивидуального социального капитала. Стандартные показатели человеческого капитала, используемые на индивидуальном уровне, включают уровень образования, качество, престиж и тип ученой степени [41], учитываются также эмерджентные процессы их возникновения [47]. Соотношение параметров НС и интеллектуального капитала (Intellectual Capital — IC) строится на предположении, что даже простые в финансовом отношении показатели эффективности бизнеса сводятся к конкурентным преимуществам фирмы [58]. Носители IC могут вносить существенный вклад и служить основой для конкурентного преимущества, особенно в эру знаний и цифровой экономики знаний XXI в. [21]. Человеческий капитал предоставляет фирме возможности для решения ее проблем [17]. В связи с классификацией нематериальных активов упоминаются компоненты интеллектуального капитала: критические нематериальные активы, нематериальные ресурсы, нематериальные виды деятельности, навыки и ноу-хау сотрудников, организационная культура, отношения с заинтересованными сторонами, организационный имидж и репутация, технологическая инфраструктура, права интеллектуальной собственности, практика и рутина, структурный капитал (Structural Capital), внешняя структура, внутренняя структура, компетенции сотрудников [27].

Одновременно с осознанием тех или иных методологических тупиков, в которые упираются попытки расчетов накопленных запасов нематериальных активов, возникает понимание необходимости измерения исследований от прямого расчета объемов накопленного богатства в денежных единицах к выявлению базовых трендов и адекватных природе процесса соотношений, а также распространению метаанализа на более узкие объекты: регионы, организации, качества трудового потенциала [12].

В социологической литературе много усилий направлено на расширение теории человеческого капитала через призму «ресурсного подхода», различные виды его конвертации, рентных платежей и потоков [8]. При изучении стратификации общества через призму «ресурсного подхода» привлекается теория человеческого капитала в рамках «индикативного», «комплексного» или «интегрального» подхода. О. И. Шкаратан разделял человеческий и иные виды капитала, а именно: «престиж — моральное вознаграждение, влияние, духовная власть, т. е. возможность распоряжаться символическим капиталом; челове-

ский ресурс — мотивации, знания, навыки, компетенции и пр. (человеческий капитал); культурный ресурс — определенный образ жизни, характер проведения досуга, особая структура потребительских предпочтений и пр. (культурный капитал); социальный ресурс — особая система социальных связей, степень охвата социальных сетей (социальный капитал)» [13]. В целях проведения конкретных эмпирических оценок Н. Тихонова выделила группы ресурсов: экономический (деньги, бизнес, недвижимость); квалификационный (образование, навыки); социальный (включенность в сети социальных связей и в разные по объему и структуре сопряженные формы капиталов); властный (административный ресурс); символический (престижность, статусность); физиологический (пол, здоровье, трудоспособность); культурный (включая особенности социализации, характер социокультурных запросов, стилевые признаки); личностный (мотивации, инициативность, исполнительность), объединяя в итоге эти понятия в категорию человеческого капитала [9, 10]. Преимущество «индикаторного» подхода — доступность необходимых для него данных. Однако многие показатели, на которых он строится, являются характеристиками не запасов, а потоков (типа коэффициентов зачисления). Но именно потоки имеют значение и важны постольку, поскольку, по некоторым экономическим парадигмам, не существует так называемого стабильного мира. От обобщенного макро- и мезоуровневого исследователи перешли к микроуровню в своих выводах: «Те обладатели человеческого капитала, которые имеют возможность эффективно его применять в своей трудовой деятельности, являются ключевыми создателями добавленной стоимости» [1]. Во многих российских разработках отождествляется человеческий капитал и человеческий потенциал, часто переходят к традиционному для советской экономики понятию «кадры». Так, делается вывод, что «низкий уровень экономического развития исключает достойное финансирование образования и профессиональной подготовки; национальная экономика испытывает „кадровый голод“, низкая производительность труда консервирует отсталость» [7]. В докладе Аналитического центра при правительстве РФ логика идет от анализа кондратьевских циклов, НТП и смены поколений людей, человеческого капитала, человеческого потенциала, кадрового потенциала, и в итоге даются практические рекомендации в русле желаемой кадровой политики [11]. Делается вывод о том, что «главным сравнительным преимуществом российской экономики может стать качество человеческого капитала» [4].

На рис. 1 предлагается дальнейшая операционализация методики исследования (реинтерпретировано для российских фирм и организаций на основании статьи [48]).

Предлагаемые операционализации подходов, концепций и парадигм относительно исследований человеческого капитала на различных уровнях, верифицируемых в дальнейших эмпирических опросах глубинных интервью, экспертных опросов, фокус-групп и массового анкетирования респондентов по репрезентативным выборкам, привели к пониманию такого обоснования авторских методик по соответствующим базовым параметрам видов капиталов: интегрированный человеческий (соответственно на микро-, мезо- и макроуровнях);

Рис. 1. Различия между разнородными конструктами человеческого капитала [48]

Fig. 1. Differences between heterogeneous designs of the human capital [48]

конкретный человеческий (для данной организации); общий человеческий (для рынка труда); психологический; интеллектуальный, социальный («внутренний» и «внешний»); организационный (с учетом и замером межличностных отношений в организации и межличностных отношений в месте проживания); уровни лояльности (к организации, к месту проживания), организационная идентификация (положительная и отрицательная). При этом используются техники интервью, опросов и тестирования с применением шестизначной шкалы суммарных оценок Ликерта (Лайкерта; Likert scale).

Выводы

Концепт человеческого капитала интегрирует теории различных дисциплин. Вместе с тем современное его понимание остается достаточно противоречивым и является предметом научных дискуссий. С одной стороны, наблюдается устойчивый консенсус относительно включения в состав человеческого капитала основных характеристик индивида — его знаний, умений, навыков, образования и опыта, но в то же время понимание многих поведенческих характеристик, будь то мотивация, потребность в достижениях, добросовестность и т. п., является неоднозначным.

Обращение к концепции многоуровневого человеческого капитала и его ресурсов позволяет строить различные модели. Так, макроуровневые модели, основанные на измерении демографической составляющей, инвестиций в здоровье и образование, применяют для оценки влияния человеческого капитала на экономический рост. Микроуровневые модели, в свою очередь, направлены на измерение факторов эффективного использования человеческого капитала в конкретной организации. При этом модель человеческого капитала в организации, как правило, включает три базовых компонента: 1) обобщение индивиду-

альных социальных, профессиональных и методических навыков; 2) интеграция взаимосвязей между индивидуальными навыками и целями организации (степень полезности или ценности для последней); 3) измерение условий организационного контекста и их адекватности для использования индивидуальных навыков, включая индивидуальные параметры.

Программа полипарадигмального исследования, предложенная в данной статье, направлена на разработку методики, которая позволит измерять и моделировать человеческий капитал на различных уровнях анализа, а также оценивать его влияние на экономическую результативность микро-, мезо- и макросубъектов.

На основании обобщенного макро- и мезоуровневого теоретизирования авторы переходят к микроуровневым выводам: ключевую роль в создании прибавочной стоимости играют те обладатели человеческого капитала, которые имеют возможность применять его в своей трудовой деятельности. Именно поэтому понимание конструкции человеческого капитала позволит управлять его потоками, обеспечивая концентрацию высокоресурсного человеческого капитала в отдельных кластерах, секторах экономики, городах.

Конструкция человеческого капитала на индивидуальном уровне представляет собой сумму знаний, умений и навыков человека, которые могут быть использованы для достижения экономически значимого результата; совокупный человеческий капитал подразделения превращается в ресурс, с помощью которого организация может повышать эффективность своей деятельности; стратегические ресурсы человеческого капитала становятся конкурентным преимуществом организации, что закономерно приводит к ускорению экономического развития страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аганбегян А. Г. Человеческий капитал и его главная составляющая — сфера «экономики знаний» как основной источник социально-экономического роста / А. Г. Аганбегян // *Экономические стратегии*. 2017. № 3. С. 66-79.
2. Айвазян С. А. Модели оценки человеческого капитала компании, основанные на концепции стохастической границы / С. А. Айвазян, М. Ю. Афанасьев // *Экономика и математические методы*. 2012. Том 48. № 3. С. 45-63.
3. Давыденко В. А. Метафора доверия: «зонтичный эффект» в мировой науке / В. А. Давыденко, Г. Ф. Ромашкина, Е. В. Андрианова, Д. В. Лазутина // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2018. Том 11. № 6. С. 127-142.
4. Как увеличить человеческий капитал и его вклад в экономическое и социальное развитие: тезисы докладов / С. С. Бирюкова, А. Г. Вишневецкий, В. Е. Гимпельсон и др. М.: Изд. дом НИУ «Высшая школа экономики», 2018. 63 с.
5. Карелин И. Н. Оценка параметров модели Холла — Джонса с человеческим капиталом на российских данных / И. Н. Карелин, А. В. Корицкий // *Статистика и экономическое измерение*. Вестник НГУЭУ. 2015. № 1. С. 102-113.
6. Кетова К. В. Математическое моделирование динамики человеческого капитала / К. В. Кетова, Ю. М. Романовский, И. Г. Русяк // *Компьютерные исследования*

- и моделирование. 2019. Том 11. № 2. С. 329-342. URL: https://www.researchgate.net/publication/332583868_Mathematical_modeling_of_the_human_capital_dynamic
7. Нуреев Р. М. Экономика развития: модели становления и модернизации рыночной экономики / Р. М. Нуреев. М.: Норма, 2008. С. 29.
 8. Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация / В. В. Радаев // Экономическая социология. 2002. № 4. С. 20-33.
 9. Тихонова Н. Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях / Н. Е. Тихонова // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 28-40.
 10. Тихонова Н. Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа / Н. Е. Тихонова. М.: Институт социологии РАН, 2007. С. 218.
 11. Человек и инновации. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации / под ред. С. Н. Бобылева, Л. М. Григорьева. М.: Аналитический центр при правительстве Российской Федерации, 2018. С. 20-39.
 12. Человеческий капитал: содержание и виды, оценка и стимулирование: монография / В. Т. Смирнов, И. В. Сошников, В. И. Романчин, И. В. Скоблякова; под ред. д. э. н., профессора В. Т. Смирнова. М.: Машиностроение-1; Орел: ОрелГТУ, 2005. 513 с.
 13. Шкаратан О. И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России / О. И. Шкаратан. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. 560 с.
 14. Barney J. What are micro-foundations? / J. Barney, T. Felin // *Academy of Management Perspectives*. 2013. No 27. Pp. 120-137.
 15. Barth R. Overview: sixty years in anthropology / R. Barth // *Annual Review of Anthropology*. 2007. No 36. Pp. 1-16.
 16. Becker G. S. Human capital / G. S. Becker. 3rd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1964. Pp. 187.
 17. Bontis N. Managing organizational knowledge by diagnosing intellectual capital: framing and advancing the state of the field. 1999; Managing an organizational learning system by aligning stocks and flows / N. Bontis, M. Crossan, J. Hulland // *Journal of Management Studies*. 2002. No 4 (June). Pp. 437-469.
 18. Caldwell B. Hayek's Challenge: An Intellectual Biography of F. A. Hayek / B. Caldwell. Chicago: University of Chicago Press, 2005. 500 p.
 19. Campbell B. Rethinking sustained competitive advantage from human capital / B. Campbell, R. Coff, D. Kryscynski // *Academy of Management Review*. 2010. No 37. Pp. 376-395.
 20. Caselly F. Accounting for cross-country income differences / F. Caselly, P. Aghion, N. Durlauf // *Handbook of Economic Growth*. Amsterdam: T. Elsevier, 2005. URL: <https://personal.lse.ac.uk/casellif/papers/handbook.pdf>
 21. Chen Y.-Y. Knowledge management fit and its implications for business performance: a profile deviation analysis / Y.-Y. Chen, H.-L. Huang // *Knowledge-Based Systems*. 2012. No 27. Pp. 262-270.
 22. Coff R. Drilling for micro-foundations of human capital-based competitive advantages / R. Coff, D. Kryscynski // *Journal of Management*. 2011. No 37. Pp. 1429-1443.
 23. Coleman J. Foundations of Social Theory / J. Coleman. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 1990. 993 p.
 24. Coleman J. Social capital in the creation of human capital / J. Coleman // *The American Journal of Sociology*. 1988. Vol. 94. Pp. S95-S120.

25. Crook T. R. Does human capital matter? A meta-analysis of the relationship between human capital and firm performance / T. R. Crook, S. Y. Todd, J. G. Combs, D. J. Woehr, D. J. Ketchen, Jr. // *Journal of Applied Psychology*. 2011. No 96. Pp. 443-456.
26. DiMaggio P. J. Introduction / P. J. DiMaggio, W. W. Powell // *The New Institutionalism in Organizational Analysis* / W. W. Powell, P. J. DiMaggio (eds.). Chicago: University of Chicago Press, 1991. Pp. 1-38.
27. Edvinsson L. Developing a model for managing intellectual capital / L. Edvinsson, P. Sullivan // *European Management Journal*. 1996. Vol. 14. No 4. Pp. 356-364.
28. Felin T. The endogenous origins of experience, routines and capabilities: the poverty of stimulus / T. Felin, N. Foss // *Journal of Institutional Economics*. 2011. No 7. Pp. 231-256.
29. Felin T. The knowledge-based view, nested heterogeneity, and new value creation: Philosophical considerations on the locus of knowledge / T. Felin, W. Hesterly // *Academy of Management Review*. 2007. No 32. Pp. 195-218.
30. Gavetti G. Toward a behavioral theory of strategy / G. Gavetti, H. Greve, D. Levinthal, W. Ocasio // *Organization Science*. 2012. Vol. 23. No 1. Pp. 267-285.
31. Gennaioli N. Human capital and regional development / N. Gennaioli, R. L. Porta, F. L. de Silanes, A. Shleifer // *The Quarterly Journal of Economics*. 2013. Vol. 128. No 1. Pp. 105-164.
32. Greve H. Micro-foundations of management: behavioral strategies and levels of rationality in organizational action / H. Greve // *Academy of Management Perspectives*. 2013. Vol. 27. No 2. URL: <https://journals.aom.org/doi/10.5465/amp.2012.0091>
33. *Handbook of Industrial, Work and Organizational Psychology* / N. Anderson, D. S. Ones, Handan Kepir Sinangil, Chockalingam Viswesvaran (eds.). London: Thousand Oaks; New Delhi: SAGE Publications Ltd., 2005. Vol. 1. Personnel Psychology. 992 p. URL: <http://www.maorhan.com/wp-content/uploads/2014/11/0761964886-Psychology-Volume-1.pdf>. Vol. 2. Organizational Psychology. URL: http://www.maorhan.com/wp-content/uploads/2014/11/Handbook_of_Industrial_Work_and_Organizational_Psychology_Vol_2_2005.pdf
34. Hann C. *Economic Anthropology* / C. Hann, K. Hart. Cambridge, UK: Polity Press, 2011. 208 p.
35. Harper D. A. New perspectives on emergence in economics / D. A. Harper, D. A. Lewis // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2012. Vol. 82. Iss. 2-3. Pp. 329-337.
36. Harris C. M. The emergence of human capital: roles of social capital and coordination that drive unit performance / C. M. Harris, P. M. Wright, G. C. McMahan // *Human Resource Management Journal*. 2019. No 2. Pp. 162-180.
37. Helfat C. E. *Dynamic Capabilities: Understanding Strategic Change in Organizations* / C. E. Helfat et al. New York: John Wiley & Sons, 2009. URL: <https://epdf.pub/dynamic-capabilities-understanding-strategic-change-in-organizations.html>
38. Hitt M. A. Direct and moderating effects of human capital on strategy and performance in professional service firms: a resource-based perspective / M. A. Hitt, L. Biermant, K. Shimizu, R. Kochhar // *Academy of Management Journal*. 2001. Vol. 44. No 1. Pp. 13-28.
39. Hunter J. E. Individual differences in output variability as a function of job complexity / J. E. Hunter, F. L. Schmidt, M. K. Judiesch // *Journal of Applied Psychology*. 1990. No 75. Pp. 28-42.

40. Ingham J. *Strategic Human Capital Management: Creating Value through People* / J. Ingham. Amsterdam: Butterworth-Heinemann, 2007. 374 p.
41. Judge T. A. An empirical investigation of the predictors of executive career success / T. A. Judge, D. M. Cable, J. W. Boudreau, R. D. Bretz Jr. // *Personnel Psychology*. 1995. Vol. 48. No 3. Pp. 485-519.
42. Maltarich M. A. A conceptual and empirical analysis of the cognitive ability voluntary turnover relationship / M. A. Maltarich, A. J. Nyberg, G. Reilly // *Journal of Applied Psychology*. 2010. No 95. Pp. 1058-1070.
43. Molloy J. C. The myth of “the” micro-macro divide: bridging system-level and disciplinary divides / J. C. Molloy, R. E. Ployhart, P. M. Wright // *Journal of Management*. No 37. Pp. 581-609.
44. Nonaka I. The knowledge-creating company / I. Nonaka // *Harvard Business Review*. 1991. Vol. 69. No 6. Pp. 96-104.
45. Nyberg A. Resource-based perspectives on unit-level human capital: a review and integration / A. Nyberg, T. Moliterno, D. Hale, D. Lepak // *Journal of Management*. 2014. January. Vol. 40. No 1. Pp. 316-346.
46. Optner S. L. *Systems Analysis for Business Management* / S. L. Optner. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1960. 287 p.
47. Ployhart R. Emergence of the human capital resource: a multilevel model / R. Ployhart, T. Moliterno // *Academy of Management Review*. 2011. No 36. Pp. 127-150.
48. Ployhart R. E. “Human capital is dead; long live human capital resources!” / R. E. Ployhart, A. J. Nyberg, G. Reilly, M. A. Maltarich // *Journal of Management*. 2014. Vol. 40. No 2. Pp. 371-398.
49. Polanyi K. *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of our Time* / K. Polanyi. New York: Holt, Reinhardt & Winston, 1944. 360 p.
50. Powell T. C. Behavioral strategy / T. C. Powell, D. Lovallo, C. R. Fox // *Strategic Management Journal*. 2011. Vol. 32. Pp. 1369-1386.
51. Raub W. Micro-macro links and micro-foundations in sociology / W. Raub, V. Buskens, M. Van Assen // *Journal of Mathematical Sociology*. 2011. No 35. Pp. 1-25.
52. Rousseau D. M. Issues of levels in organizational research: multi-level and cross-level / D. M. Rousseau // *Research in Organizational Behavior* / L. L. Cummings, B. M. Staw (eds.). 1985. Vol. 7. Pp. 1-37.
53. Sawyer R. K. Emergence in sociology: contemporary philosophy of mind and some implications for sociology / R. K. Sawyer // *American Journal of Sociology*. 2001. Vol. 107. Pp. 551-585.
54. Sawyer R. K. *Social Emergence: Societies as Complex Systems* / R. K. Sawyer. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2005. 276 p.
55. Schaffer J. Is there a fundamental level? / J. Schaffer // *Nous*. 2003. No 37. Pp. 498-517.
56. Sveiby K.-E. *Methods for Measuring Intangible Assets* / K.-E. Sveiby // Karl-Erik Sveiby’s Homepage. 2010. URL: <https://www.sveiby.com/files/pdf/intangiblemethods.pdf>
57. Takeuchi R. An empirical examination of the mechanisms mediating between high-performance work systems and the performance of Japanese organizations / R. Takeuchi, D. P. Lepak, H. Wang, K. Takeuchi // *Journal of Applied Psychology*. 2007. Vol. 92. No 4. Pp. 1069-1089.

58. Teixeira E. de O. Resilience: Continuous renewal of competitive advantages / E. de O. Teixeira, W. B. Werther // *Business Horizons*. 2013. Vol. 56. No 3. Pp. 333-342.
59. Van Gigch J. P. *Applied General Systems Theory* / J. P. Van Gigch. Harpercollins College Div., 1978. 602 p.
60. Wright P. M. Exploring human capital: putting 'human' back into strategic human resource management / P. M. Wright, G. C. McMahan // *Human Resource Management Journal*. 2011. Vol. 21. No 2. Pp. 93-104.

Vladimir A. DAVYDENKO¹
Elena V. ANDRIANOVA²
Gulnara F. ROMASHKINA³
Roman R. KHUZIAKHMETOV⁴

UDC 314.174

**INTERDISCIPLINARY CONTEXT OF HUMAN CAPITAL STUDY.
RESEARCH PROGRAM***

¹ Dr. Sci. (Soc.), Professor, Head of the Research Center,
Institute of Finance and Economics, University of Tyumen
vlad_davidenko@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8389-4254

² Cand. Sci. (Soc.), Head of Department of General and Economic Sociology,
Institute of Finance and Economics, University of Tyumen;
Senior Researcher, West-Siberian Branch of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences (Tyumen)
e.v.andrianova@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-7769-9206

³ Dr. Sci. (Soc.), Professor,
Department of Economic Security, System Analysis and Control,
Institute of Finance and Economics, University of Tyumen
gr136@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7764-5566

⁴ Postgraduate Student, Department of General and Economic Sociology,
University of Tyumen
r_o_m_a_n_14@mail.ru

Abstract

The contemporary academic literature starts to recognize the importance of an individual in an organization, region, and national economy performance. Scholars try to explore the

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research
(grant No 19-29-07131).

Citation: Davydenko V. A., Andrianova E. V., Romashkina G. F., Khuziakmetov R. R. 2019. "Interdisciplinary context of human capital study. Research program". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 5, no 4 (20), pp. 30-51. DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-4-30-51

essence of interconnection between various forms of capital, institutional environment, and values. Hence, this article's relevance is determined by the need to study the mechanisms of human capital and socio-economic achievements interrelation.

Human capital originates from knowledge, skills, abilities, and others characteristics of a person. It is not limited by a single individual, since, on the unit level, it becomes a resource through association and complementarity. The obtained combinations of human capital are complex, and almost all of them are specific to a particular organization. Therefore, the authors argue that competitive advantage is achieved mainly through a unique combination of human capital resources.

This article presents the key conceptual provisions of the polyparadigm research program of human capital phenomenon. The novelty of the article is determined, firstly, by a detailed description of human capital components, and secondly, by a proposal to implement the idea of interdisciplinary research. The authors have developed and tested a methodology that will allow for a comprehensive modular measurement of human capital, as well as for modeling and evaluating its impact on economic performance of micro-, meso-, and macro-entities in the context of economy digitalization.

The analysis base includes philosophical approaches, system analysis, social theories, sociology (including mathematical sociology), psychology, and economics. Systematization and typologization of scientific sources makes it possible to form a wide range of models of multilevel human capital and its resources. Moreover, the authors propose to initiate an interdisciplinary discussion, aimed at increasing the openness and productivity of research in this field.

Keywords

Human capital, human capital resources, human capital measurement, human capital modeling, polyparadigm, interdisciplinarity, economy digitalization.

DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-4-30-51

REFERENCES

1. Aganbegyan A. G. 2017. "Human capital and its main component — the 'knowledge economy' sphere as the main source of socio-economic growth". *Economic Strategies*, no 3, pp. 66-79. [In Russian]
2. Aivasian S. A., Afanasiev M. Yu. 2012. "The models for company's human capital estimation, based on the concept of stochastic frontier". *Economics and Mathematical Methods*, vol. 48, no 3, pp. 45-63. [In Russian]
3. Davydenko V. A., Romashkina G. F., Andrianova E. V., Lazutina D. V. 2018. "Metaphor for trust: the 'Umbrella Effect' in global science". *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 11, no 6, pp. 127-142. [In Russian]
4. Biryukova S. S., Vishnevskiy A. G., Gimpelson V. E. et al. 2018. *How to Increase the Human Capital and Its Contribution to the Economic and Social Development: Abstracts*. Moscow: Higher School of Economics. [In Russian]

5. Karelin I. N., Koritskiy A. V. 2015. "Estimated parameters of Hall–Jones scale with human capital based on Russian data". *Vestnik NSUEM*, no 1, pp. 102-113. [In Russian]
6. Ketova K.V., Romanovsky Yu. M., Rusiak I. G. 2019. "Mathematical modeling of the human capital dynamic". *Computer Research and Modeling*, vol. 11, no 2, pp. 329-342. DOI: 10.20537/2076-7633-2019-11-2-329-342 [In Russian]
7. Nureyev R. M. 2008. *Development Economics: Models of the Market Economy Formation and Modernization*. Moscow: Norma. [In Russian]
8. Radaev V. M. 2002. "Term of capital, forms of capitals and their conversion". *Economic Sociology*, no 4, pp. 20-33. [In Russian]
9. Tikhonova N. E. 2006. "Resources approach as a new paradigm in stratification studies". *Sociological Studies*, no 9, pp. 28-40. [In Russian]
10. Tikhonova N. E. 2007. *Social Stratification in Modern Russia: Experience of Empirical Analysis*. Moscow: Institute of Sociology RAS. [In Russian]
11. Bobylev S. N., Grigoriev L. M. (eds.). 2018. *Person and Innovations. Report on the Human Development in the Russian Federation*. Moscow: Analytical Centre under the Government of the Russian Federation. [In Russian]
12. Smirnov V. T., Soshnikov I. V., Romanchin V. I., Skoblyakova I. V. 2005. *Human Capital: Content and Types, Estimation and Stimulation*. Edited by V. T. Smirnov. Moscow: Mashinostroenie-1; Orel: Orel State Technical University. [In Russian]
13. Shkaratan O. I. 2009. *Socio-Economic Inequality and Its Reproduction in Modern Russia*. Moscow: OLMA Media Grupp. [In Russian]
14. Barney J., Felin T. 2013. "What are micro-foundations?". *Academy of Management Perspectives*, no 27, pp. 120-137.
15. Barth R. 2007. "Overview: sixty years in anthropology". *Annual Review of Anthropology*, no 36, pp. 1-16.
16. Becker G. S. 1964. *Human Capital*. 3rd edition. Chicago: University of Chicago Press.
17. Bontis N. 1999. "Managing organizational knowledge by diagnosing intellectual capital: framing and advancing the state of the field". *International Journal of Technology Management*, vol. 18, no 5/6/7/8; Bontis N., Crossan M., Hulland J. 2002. "Managing an organizational learning system by aligning stocks and flows". *Journal of Management Studies*, no 4, June, pp. 437-469.
18. Caldwell B. 2005. *Hayek's Challenge: An Intellectual Biography of F. A. Hayek*. Chicago: University of Chicago Press.
19. Campbell B., Coff R., Kryscynski D. 2010. "Rethinking sustained competitive advantage from human capital". *Academy of Management Review*, no 37, pp. 376-395.
20. Caselly F., Aghion P., Durlauf N. 2005. "Accounting for cross-country income differences". In: *Handbook of Economic Growth*. Amsterdam: Elsevier. <https://personal.lse.ac.uk/casellif/papers/handbook.pdf>
21. Chen Y.-Y., Huang H.-L. 2012. "Knowledge management fit and its implications for business performance: a profile deviation analysis". *Knowledge-Based Systems*, no 27, pp. 262-270.
22. Coff R., Kryscynski D. 2011. "Drilling for micro-foundations of human capital-based competitive advantages". *Journal of Management*, no 37, pp. 1429-1443.
23. Coleman J. 1990. *Foundations of Social Theory*. Cambridge, Massachusetts: Belknap Press of Harvard University Press.

24. Coleman J. 1988. "Social capital in the creation of human capital". *American Journal of Sociology*, vol. 94, pp. S95-S120.
25. Crook T. R., Todd S. Y., Combs J. G., Woehr D. J., Ketchen D. J. Jr. 2011. "Does human capital matter? A meta-analysis of the relationship between human capital and firm performance". *Journal of Applied Psychology*, no 96, pp. 443-456.
26. DiMaggio P. J., Powell W. W. 1991. "Introduction". In: DiMaggio P. J., Powell W. W. (eds.). *The New Institutionalism in Organizational Analysis*, pp. 1-38. Chicago: University of Chicago Press.
27. Edvinsson L., Sullivan P. 1996. "Developing a model for managing intellectual capital". *European Management Journal*, vol. 14, no 4, pp. 356-364.
28. Felin T., Foss N. 2011. "The endogenous origins of experience, routines and capabilities: the poverty of stimulus". *Journal of Institutional Economics*, no 7, pp. 231-256.
29. Felin T., Hesterly W. 2007. "The knowledge-based view, nested heterogeneity, and new value creation: philosophical considerations on the locus of knowledge". *Academy of Management Review*, no 32, pp. 195-218.
30. Gavetti G., Greve H., Levinthal D., Ocasio W. 2012. "Toward a behavioral theory of strategy". *Organization Science*, vol. 23, no 1, pp. 267-285.
31. Gennaioli N., Porta R. L., de Silanes F. L., Shleifer A. 2013. "Human capital and regional development". *Quarterly Journal of Economics*, vol. 128, no 1, pp. 105-164.
32. Greve H. 2013. "Micro-foundations of management: behavioral strategies and levels of rationality in organizational action". *Academy of Management Perspectives*, vol. 27, no 2. <https://journals.aom.org/doi/10.5465/amp.2012.0091>
33. Anderson N., Ones D. S., Sinangil H. K., Viswesvaran C. (eds.). 2005. *Handbook of Industrial, Work and Organizational Psychology*. Vol. 1. Personnel Psychology. Vol. 2. Organizational Psychology. London; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE Publications. <http://www.maorhan.com/wp-content/uploads/2014/11/0761964886-Psychology-Volume-1.pdf>; http://www.maorhan.com/wp-content/uploads/2014/11/Handbook_of_Industrial_Work_and_Organizational_Psychology_Vol_2_2005.pdf
34. Hann C., Hart K. 2011. *Economic Anthropology*. Cambridge, UK: Polity Press.
35. Harper D. A., Lewis D. A. 2012. "New perspectives on emergence in economics". *Journal of Economic Behavior & Organization*, vol. 82, no. 2-3, pp. 329-337.
36. Harris C. M., Wright P. M., McMahan G. C. 2019. "The emergence of human capital: roles of social capital and coordination that drive unit performance". *Human Resource Management Journal*, no 2, pp. 162-180.
37. Helfat C. E. et al. 2009. *Dynamic Capabilities: Understanding Strategic Change in Organizations*. New York: John Wiley & Sons. <https://epdf.pub/dynamic-capabilities-understanding-strategic-change-in-organizations.html>
38. Hitt M. A., Biermant L., Shimizu K., Kochhar R. 2001. "Direct and moderating effects of human capital on strategy and performance in professional service firms: a resource-based perspective". *Academy of Management Journal*, vol. 44, no 1, pp. 13-28.
39. Hunter J. E., Schmidt F. L., Judiesch M. K. 1990. "Individual differences in output variability as a function of job complexity". *Journal of Applied Psychology*, no 75, pp. 28-42.
40. Ingham J. 2007. *Strategic Human Capital Management: Creating Value through People*. Amsterdam: Butterworth-Heinemann.

41. Judge T. A., Cable D. M., Boudreau J. W., Bretz R. D. Jr. 1995. "An empirical investigation of the predictors of executive career success". *Personnel Psychology*, vol. 48, no 3, pp. 485-519.
42. Maltarich M. A., Nyberg A. J., Reilly G. 2010. "A conceptual and empirical analysis of the cognitive ability voluntary turnover relationship". *Journal of Applied Psychology*, no 95, pp. 1058-1070.
43. Molloy J. C., Ployhart R. E., Wriph P. M. 2010. "The myth of 'the' micro-macro divide: bridging system- level and disciplinary divides". *Journal of Management*, no 37, pp. 581-609. DOI: 10.1177/0149206310365000
44. Nonaka I. 1991. "The knowledge-creating company". *Harvard Business Review*, vol. 69, no 6, pp. 96-104.
45. Nyberg A., Moliterno T., Hale D., Lepak D. 2014. "Resource-based perspectives on unit-level human capital: a review and integration". *Journal of Management*. January, vol. 40, no 1, pp. 316-346.
46. Optner S. L. 1960. *Systems Analysis for Business Management*. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall.
47. Ployhart R., Moliterno T. 2011. "Emergence of the human capital resource: a multilevel model". *Academy of Management Review*, no 36, pp. 127-150.
48. Ployhart R. E., Nyberg A. J., Reilly G., Maltarich M. A. 2014. "Human capital is dead; long live human capital resources!". *Journal of Management*, vol. 40, no 2, pp. 371-398.
49. Polanyi K. 1944. *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*. New York: Holt, Reinhardt & Winston.
50. Powell T. C., Lovallo D., Fox C. R. 2011. "Behavioral strategy". *Strategic Management Journal*, vol. 32, pp. 1369-1386.
51. Raub W., Buskens V., Van Assen M. 2011. "Micro-macro links and micro-foundations in sociology". *Journal of Mathematical Sociology*, no 35, pp. 1-25.
52. Rousseau D. M. 1985. "Issues of levels in organizational research: multi-level and cross-level". In: Cummings L. L., Staw B. M. (eds.). *Research in Organizational Behavior*, vol. 7, pp. 1-37.
53. Sawyer R. K. 2001. "Emergence in sociology: contemporary philosophy of mind and some implications for sociology". *American Journal of Sociology*, vol. 107, pp. 551-585.
54. Sawyer R. K. 2005. *Social Emergence: Societies as Complex Systems*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
55. Schaffer J. 2003. "Is there a fundamental level?". *Nous*, no 37, pp. 498-517.
56. Sveiby K.-E. 2010. "Methods for measuring intangible assets". Karl-Erik Sveiby's Homepage. <https://www.sveiby.com/files/pdf/intangiblemethods.pdf>
57. Takeuchi R., Lepak D. P., Wang H., Takeuchi K. 2007. "An empirical examination of the mechanisms mediating between high-performance work systems and the performance of Japanese organizations". *Journal of Applied Psychology*, vol. 92, no 4, pp. 1069-1089.
58. Teixeira E. de O., Werther W. B. 2013. "Resilience: continuous renewal of competitive advantages". *Business Horizons*, vol. 56, no 3, pp. 333-342.
59. Van Gigch J. P. 1978. *Applied General Systems Theory*. Harpercollins College Div.
60. Wright P. M., McMahan G. C. 2011. "Exploring human capital: putting 'human' back into strategic human resource management". *Human Resource Management Journal*, vol. 21, no 2, pp. 93-104.

Анна Николаевна ТАРАСОВА¹
Наталья Анатольевна ЧЕРНЫХ²

УДК 316.4.06, 331.5

ОЦЕНКА РИСКОВ И УГРОЗ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ РЫНКЕ ТРУДА (НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)*

¹ кандидат социологических наук, доцент
кафедры социологии и технологий ГМУ,
Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)
a.n.tarasova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9448-2893

² кандидат социологических наук, доцент
кафедры теории и истории международных отношений,
Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург);
консультант аппарата Уполномоченного по правам человека
в Свердловской области (г. Екатеринбург)
chernykhna@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу основных рисков и угроз, которые возникают на современном рынке труда для молодежи. Учитывая изменения, происходящие под влиянием цифровизации экономики, процессов глобализации, а также вследствие повышения возраста выхода на пенсию в России, растет необходимость изучения

* Анализ уровня оплаты труда и выявление зарплатных рисков проведены А. Н. Тарасовой в рамках реализации гранта РФФИ, проект № 19-010-00801.

Цитирование: Тарасова А. Н. Оценка рисков и угроз для молодежи на региональном рынке труда (на примере Свердловской области) / А. Н. Тарасова, Н. А. Черных // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2019. Том 5. № 4 (20). С. 52-75.
DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-4-52-75

возникающих рисков. В работе дана оценка уровня угроз для молодых специалистов, выходящих на рынок труда. Эмпирической базой работы послужили данные статистики по труду и занятости в России и Свердловской области, а также результаты двух эмпирических исследований, проведенных авторами в 2018-2019 гг. методами контент-анализа объявлений работодателей и анкетного опроса населения. Проанализировано 6 521 объявление о вакансиях в Свердловской области. Опрошено 630 человек в возрасте от 18 до 60 лет, выборка квотировалась по полу и возрасту. В качестве методов анализа данных использовались: анализ частотных распределений, анализ средних, корреляционный анализ и анализ различий методом хи-квадрат. Были выделены основные типы рисков на рынке труда. Это проблемы трудоустройства и угроза безработицы, работа не по специальности и «уход» из профессии, высокая дифференциация оплаты труда по отраслям и зарплатные риски, несоблюдение норм трудового законодательства и социальных гарантий, вовлечение в неформальную занятость. Проведен детальный анализ этих рисков и дана оценка уровня угроз. Сделан вывод, что наибольшую угрозу на региональном рынке труда представляет несоответствие мест трудоустройства имеющейся квалификации и полученной специальности. Данная угроза опасна не только сама по себе, поскольку ведет к утрате профессиональных навыков и компетенций, снижению общей производительности труда и др., но она увеличивает вероятность наступления прочих рисков на рынке труда. Работа не по специальности коррелирует с нарушением норм трудового законодательства, несоблюдением трудовых прав работников, вовлечением в неформальную занятость.

Ключевые слова

Молодежь, рынок труда, занятость, безработица, неформальная занятость, угрозы, трудовые права, Свердловская область.

DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-4-52-75

Введение

В настоящее время рынок труда в России трансформируется под воздействием целого ряда факторов. К основным факторам воздействия можно отнести переход к цифровой экономике, сопровождающийся автоматизацией и роботизацией производств, и повышение пенсионного возраста. Помимо этого исследователями отмечаются и другие тренды, меняющие региональный рынок труда. Например, И. Е. Золин обращает внимание на демографию и трудовую миграцию, отмечая, что «трудовая миграция никогда раньше не имела ни таких огромных размеров, ни такого значения, как теперь» [7, с. 30]. Подчеркивается влияние глобализационных процессов на трансформацию не только общемирового, но и региональных рынков труда [5, 25]. Происходящие изменения сказываются на положении всех групп работников на рынке труда. Но наиболее уязвимыми в этом плане оказываются молодежь и люди предпенсионного возраста.

Учитывая, что для этих групп работников будут характерны различающиеся проблемы и угрозы, целесообразно их положение на рынке труда рассмотреть в отдельных публикациях.

Цель статьи — на материалах Свердловской области показать возникающие на современном рынке труда риски и оценить уровень угроз для молодых специалистов, только выходящих на рынок труда.

В последнее время внимание исследователей, бизнеса, органов власти, общественности обращено к молодежи как субъекту инноваций и устойчивого развития регионов [25]. Предполагается, что именно молодые работники будут определять вектор и динамику регионального развития, как носители новых знаний, новых трудовых ценностей и норм. При таком подходе важно понять, насколько трансформирующийся рынок труда позволяет молодежи реализовать свой человеческий потенциал, что может препятствовать этому, насколько преодолимы эти угрозы.

Обзор теоретических подходов к оценке рисков и угроз рынка труда для молодежи

Постоянная трансформация рынка труда характерна для всех стран мира. В работе Дж. Рубери представлены основные изменения в сфере труда и занятости за последние 50 лет [32]. Не все общемировые тенденции характерны для России, которая, сталкиваясь с трендами, сложившимися на рынках труда развитых стран, адаптирует их под собственные реалии. Подробный анализ различных аспектов российского рынка труда проведен Р. И. Капелюшниковым и В. Е. Гимпельсоном [2, 9-11], представившим теоретическое обоснование процессов развития современного рынка труда в России.

В последнее время появляется все больше исследований, где рассматриваются проблемы региональных рынков труда и выделяются имеющиеся риски. Здесь можно отметить работы А. Б. Неустроевой (Якутия) [13], Т. Н. Савиной [19], Н. В. Ерочкиной и О. В. Федониной [6] (Республика Мордовия), Р. М. Садыкова и Ю. В. Мигуновой [20] (Республика Башкортостан).

Говоря об угрозах на рынке труда, многие исследователи делают акцент на оценке уровня безработицы [13, 19, 20]. Помимо этого рассматриваются такие риски, как низкая заработная плата и задолженность по заработной плате, несоблюдение социальных гарантий, неустойчивая занятость [13, 14]. Теоретически обоснованы и структурированы различные виды рисков на рынке труда в работе М. В. Симоновой и А. А. Валитовой [22].

Для молодежи актуальны все обозначенные риски рынка труда. Но большинство авторов ограничиваются рассмотрением проблемы трудоустройства и возможной безработицы среди молодежи.

К примеру, на поисковый запрос «безработица среди молодежи» в электронной библиотеке Elibrary выдано более 260 публикаций за последние 3 года (2017-2019 гг.), а на запросы по прочим видам риска за тот же период — не более 10 публикаций («неформальная занятость среди молодежи» — 6; «низкая заработная плата среди молодежи» — 9; «нарушение трудовых прав молодежи» — 3 публикации).

Таким образом, многие реально существующие для молодых людей угрозы трансформирующегося рынка труда остаются «за кадром» научного рассмотрения.

На сегодняшний день уязвимость молодежи на рынке труда связана не столько с трудностями поиска работы и трудоустройства, сколько с высоким уровнем нарушаемости ее трудовых прав. Причем в силу отсутствия опыта и недостаточности правовых знаний молодые люди не всегда идентифицируют случаи нарушения своих прав, а при осознании нарушения часто не готовы к защите. В статье Н. В. Рехтиной и Г. А. Красновой подчеркивается «правовая уязвимость» молодежи [16]. Ими отмечено, что юношам и девушкам чаще прочих приходится работать на основе устного соглашения (т. е. на условиях неформальной занятости), не иметь каких-либо льгот и поощрений, получать «серую» зарплату, работать неполный рабочий день, иметь неравные условия труда и оплаты по сравнению с другими возрастными группами [16, с. 170-172].

Отечественные исследователи видят угрозы для молодежи на рынке труда, прежде всего, в безработице и нарушении трудовых прав. Зарубежные авторы также особое внимание уделяют проблеме занятости и безработицы среди молодежи как ключевой угрозе рынка труда [30]. Помимо этого их интерес сосредоточен на том, как изменяются требования к работникам, в том числе к молодым специалистам, в результате трансформации рынка труда. Анализируются угрозы, связанные с несоответствием компетенций и квалификации молодых специалистов требованиям работодателей, при этом речь может идти как о недостаточной квалификации для первой работы, так и о чрезмерной квалификации, что также может иметь негативные последствия [33].

Информационно-методологическая база исследования

Исследование основано на сочетании различных методов сбора и анализа данных. Эмпирическую базу составили результаты двух социологических исследований, проведенных в октябре — январе 2019 г. по инициативе Уполномоченного по правам человека в Свердловской области при непосредственном участии авторов данной статьи, дополненные данными официальной статистики за период 2000-2018 гг.

В первом исследовании использован метод контент-анализа, с помощью которого изучались объявления работодателей об имеющихся вакансиях в Свердловской области. Основным источником данных послужили сайты с предложениями о работе, 75% собранного массива объявлений составили объявления, размещенные в интернет-пространстве (в том числе 25% на официальных сайтах государственных служб занятости Свердловской области). Еще 13% объявлений собраны на остановочных комплексах, досках объявлений и т. п. И 12% массива составили объявления, размещенные в печатных СМИ («Вакансия», «Есть работа», «Быстрый курьер»).

В целом рассмотрено и систематизировано 6 521 объявление о вакансиях в Свердловской области. Сформированный массив не является полным перечнем всех имеющихся в Свердловской области вакансий за рассматриваемый период

(возможно дублирование объявлений на разных сайтах и/или в печатных СМИ, не все вакансии выставляются работодателями в объявлениях и т. п.), но он позволяет достаточно точно и объективно оценить ситуацию, сложившуюся на рынке труда. Замерялись характеристики источника, характеристики организации, подавшей объявление о вакансии, характеристики должности, на которую объявлена вакансия, наличие ограничений для соискателя в объявлении.

Второе исследование проведено методом стандартизированного анкетного опроса жителей города Екатеринбурга в трудоспособном возрасте от 18 до 60 лет. Выборка строилась в соответствии со структурой генеральной совокупности по параметрам «пол и возраст» и основывалась на принципах случайного отбора внутри разных половозрастных групп (размер групп квотировался), что позволяет сделать объективные выводы по полученным результатам опроса. Всего было опрошено 630 человек. Для анализа выделена молодежная подвыборка — 230 человек, сформированная как из анкет основного массива, так и анкет дополнительного добора. В опросе приняли участие 110 мужчин и 120 женщин в возрасте от 18 до 30 лет.

Основные результаты и их обсуждение

Для анализа основных рисков на рынке труда авторами статьи использован подход М. В. Симоновой и А. А. Валитовой, которые относят к основным рискам следующие: безработицу, низкую заработную плату, задолженность по заработной плате, несоблюдение норм трудового законодательства, несоблюдение социальных гарантий, распространенность нестандартных форм занятости [22].

Угроза безработицы и проблема трудоустройства

Оценивая в целом уровень безработицы на региональном рынке труда (рис. 1), можно отметить, что с 2010 г. он чуть выше общероссийского уровня, но это превышение незначительное. В 2018 г. разрыв стал и вовсе минимален — всего 0,1%. Общий уровень безработицы, как в России, так и в Свердловской области, относительно невысок, соответственно, для регионального рынка труда угроза безработицы не является доминирующим риском.

Вместе с тем многими российскими [15, 19] и зарубежными исследователями [29, 30] отмечается, что даже при благополучной ситуации на рынке труда в целом для молодежи проблема безработицы резко актуализируется.

Согласно официальной статистике, в Свердловской области среди безработных треть (32,9%) — это молодежь 15-29 лет [26]. Приведенные результаты статистики коррелируют с результатами опроса, проведенного при участии авторов статьи.

Так, 20% респондентов в возрасте от 18 до 30 лет в настоящее время не имеют оплачиваемой работы. В активном трудоспособном возрасте (31-50 лет) таковых оказалось почти в два раза меньше. Но такое распределение закономерно, учитывая, что многие в этом возрасте еще учатся.

Среди опрошенной молодежи 18-30 лет 17% респондентов за последние 3 года пытались трудоустроиться 5 и более раз. Среди молодых людей, делавших

Рис. 1. Динамика уровня безработицы в России, в Уральском федеральном округе, в Свердловской области (в %) [26]

Fig. 1. Dynamics of level of unemployment in Russia, Ural Federal District, Sverdlovsk Region (%) [26]

попытку трудоустроиться, 20% по-прежнему не имеют оплачиваемой работы в настоящее время. Наиболее частой причиной отказа в трудоустройстве служит отсутствие стажа. Среди пытавшихся трудоустроиться 39% молодых людей сказали, что они получили отказ именно по этой причине (рис. 2). Посчитали, что их не приняли на работу из-за отсутствия у них нужных знаний и умений, 16% опрошенных. И 8% отметили, что им отказали в трудоустройстве, потому что работодатель планировал принять работника другого возраста.

Таким образом, именно возраст, отсутствие опыта и недостаточность профессиональных умений становятся основным препятствием при трудоустройстве молодых специалистов.

В то же время говорить о том, что доступ на рынок труда для молодежи закрыт, нельзя. Почти половина (47%) из тех, кто пытался трудоустроиться, отметили, что они смогли найти работу с первого раза, отказов не получали. Это практически столько же, сколько в группе активного трудоспособного возраста 31-50 лет (50%), и в два раза выше, чем среди старшей возрастной группы 51-60 лет (23%). Контент-анализ объявлений о вакансиях в Свердловской области показывает, что лишь около 8% объявлений содержат четкое ограничение для соискателей по стажу и/или опыту работы, по всем остальным вакансиям предъявляются только квалификационные требования. Данный факт свидетельствует о том, что работодатели активно берут молодежь на определенные должности, и даже гораздо охотнее, чем людей предпенсионного возраста. Таким образом, угроза безработицы вовсе не является доминирующим видом риска на региональном рынке труда. Большой риск для молодежи представляет не безработица как таковая, а сложность поиска работы по своей специальности, полученной профессии.

Рис. 2. Транслируемые причины отказа в приеме на работу (в % от числа респондентов 18-30 лет, совершавших попытки трудоустроиться, 2018 г.)

Примечание: сумма ответов более 100%, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов.

Fig. 2. Reasons of job rejection explained by the employer (% of the whole number of respondents 18-30 y.o. looking for employment, 2018)

Note: the sum of responses exceeds 100% as respondents could choose multiple options.

Риск ухода из профессии

Вакансии, где не обязателен опыт работы, в основном предлагаются соискателям в сфере торговли, предоставления услуг, гостиничного бизнеса и сферы питания. Доля же объявлений, в которых нет ограничений по опыту работы, в таких сферах, как обрабатывающие производства, финансовая и страховая деятельность, строительство, встречается почти в 2 раза реже.

Департамент по труду и занятости населения Свердловской области, предоставив сведения о трудоустройстве граждан в возрасте от 16 до 29 лет в разрезе видов экономической деятельности за 9 месяцев 2019 г., отмечает, что наибольшее

число молодых людей трудоустроены в такие отрасли, как торговля оптовая и розничная, ремонт автотранспортных средств — 4 128 чел. (17,4% от общей численности трудоустроенных), предоставление прочих видов услуг — 3 801 чел. (16,0%), образование — 3 457 чел. (14,6%) (сведения Департамента по труду и занятости населения Свердловской области предоставлены Уполномоченному по правам человека в Свердловской области на запрос № 19-12/477 от 04.10.2019).

Таким образом, предложения на региональном рынке труда для молодежи имеются, но они далеко не всегда представлены теми сферами, которые позволили бы молодежи реализовать свой потенциал и применить полученные в образовательных учреждениях знания.

Федеральная служба государственной статистики приводит результаты выборочного обследования рабочей силы 2018 г. по соответствию работы трудоустроенных выпускников последних трех лет полученной специальности: в России 29% выпускников вузов и 40% выпускников организаций среднего профессионального образования работают не по специальности.

К сожалению, подобных статистических данных по Свердловской области нет, но результаты проведенного нами опроса показывают, что среди работающей молодежи 18-30 лет 54% респондентов работают не по специальности. Этот показатель существенно выше того, что демонстрирует официальная статистика. Но похожие данные представляет и Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». В опубликованном НИУ ВШЭ статистическом сборнике отмечено, что в 2016 г. только 52,3% занятых в России имели работу, связанную с полученной профессией (специальностью) [8]. Причем с каждым годом эта доля сокращается.

Результаты исследования, проведенного авторами, демонстрируют ситуацию, когда трудоустройство по специальности выше среди тех молодых специалистов, которые имеют высшее образование (59%). Среди прочих образовательных групп не более трети опрошенных имеют работу, связанную с полученной ими специальностью. Молодые мужчины чуть чаще уходят из профессии, чем девушки (59% среди мужчин и 50% среди женщин работают не по специальности), но эта разница не является статистически значимой¹. Большое значение имеет тип предприятия, на которое трудоустраиваются молодые люди². Среди работающих в государственных или муниципальных организациях выше доля тех, кто работает по специальности (65%). На предприятиях с частной собственностью только 40% молодежи работают по специальности.

Высоки отличия и по сферам деятельности. Наибольший уровень «включенности в профессию» среди молодежи, занятой в государственном или муниципальном управлении (89%). Самый низкий (25%) — среди занятых в сфере торговли и бытовых услуг (рис. 3). Результаты опроса показывают, что среди молодых людей, работающих не по полученной специальности, почти половина (51%)

¹ Хи-квадрат Пирсона = 1,402 при уровне значимости (2-сторонней) = 0,236, т. е. > 0,05.

² Хи-квадрат Пирсона = 8,993 при уровне значимости (2-сторонней) = 0,011.

уходит именно в сферу торговли и бытовых услуг для населения, поскольку именно эта сфера наименее требовательна к опыту и стажу молодых соискателей.

Риск ухода из профессии находится в фокусе внимания органов власти.

В Екатеринбурге 30 октября 2019 г. прошел VI Национальный чемпионат рабочих профессий WorldSkills Hi-Tech, где представителями Федеральной

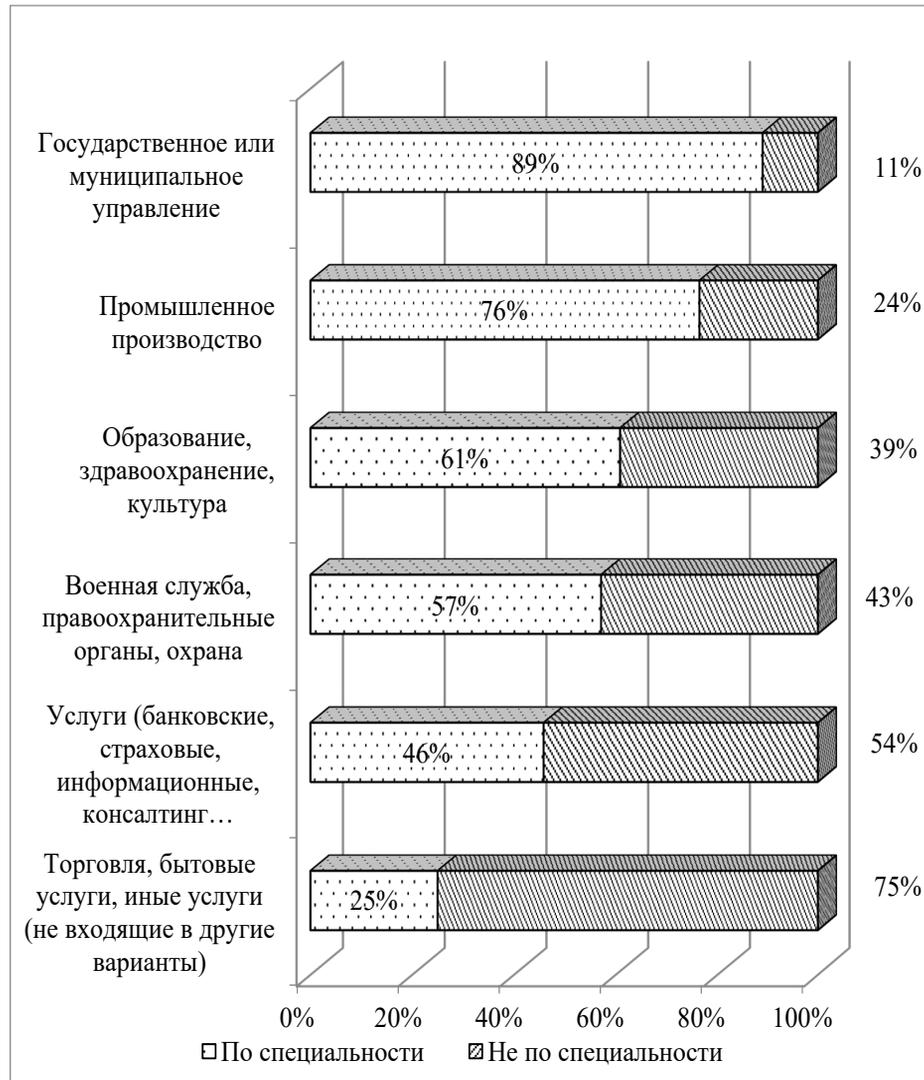

Рис. 3. Распределение работающей молодежи по наличию/отсутствию связи их работы с полученной специальностью в разрезе сфер их занятости (в % от работающих, 2018 г.)

Fig. 3. Differentiation of the employed youth by existence/absence of connection between their education and current work in the context of the areas of employment (% of the whole number of employees, 2018)

службы по труду и занятости поднял вопрос о востребованности выпускников образовательных учреждений на рынке труда и необходимости мониторинга их профессиональной деятельности. По словам Д. А. Васильева, заместителя руководителя Федеральной службы по труду и занятости, важно «посмотреть, насколько человек, отучившись, находится на плаву на рынке труда, какой у него потенциал роста» [18].

Несоответствие полученного образования представленным на рынке труда вакансиям становится одной из основных угроз, обозначившихся в последнее десятилетие. Причем эта угроза характерна не только для регионального рынка труда, но и общемирового. Западными исследователями проблема несоответствия занятости имеющейся квалификации обсуждается достаточно активно [28, 31].

Предполагается, что в цифровой экономике акцент должен быть сделан на развитии надпрофессиональных компетенций, востребованных на рынке труда. Однако это не снижает значимости риска ухода из профессии и несвязанности работы с полученной специальностью.

Следует отметить, что работа не по специальности представляет угрозу для молодежи не только сама по себе (в силу утраты профессиональных навыков и компетенций, несоответствия занятости и квалификации, что ведет к снижению общей производительности труда, и др.), но и увеличивает вероятность прочих рисков на рынке труда. Работа не по специальности коррелирует с нарушением норм трудового законодательства, несоблюдением трудовых прав работников, вовлечением в неформальную занятость. Далее эти риски будут рассмотрены более подробно.

Зарплатные риски

Некоторые авторы отмечают завышенные зарплатные ожидания молодежи как один из основных барьеров их трудоустройства [1]. Но, как представляется, правильнее говорить не о завышенных ожиданиях, а о сокращении возможностей достойного трудоустройства. В интерпретации Л. В. Санниковой достойный труд — это труд, адекватный потребностям современной экономики и современного работника, позволяющий наиболее полно реализовать его инновационный потенциал [21].

Несмотря на то, что тема эта обсуждается давно, проблема высокой дифференциации в оплате труда и очень низких зарплат в ряде отраслей сохраняется. Так, в 2017 г. соотношение средней заработной платы 10% работников с наибольшей и 10% работников с наименьшей заработной платой составило 14,1 раза [23]. Для молодежи зарплатные риски проявляются сразу в двух направлениях. Во-первых, это более низкая оплата труда для молодых работников без стажа и опыта (зарплатное неравенство по возрастным группам). Во-вторых, сохраняется риск, связанный с высокой дифференциацией оплаты труда по отраслям. Рассмотрим более подробно сложившуюся ситуацию.

Так, по России средняя начисленная заработная плата работников в самой младшей возрастной группе почти в 2 раза меньше, чем у работников активно-

го трудоспособного возраста (рис. 4). Она даже на треть меньше, чем у людей пенсионного возраста.

Рис. 4. Средняя начисленная заработная плата работников по возрастным группам в рублях (по результатам выборочных обследований организаций, октябрь 2017 г., Российская Федерация) [26]

Fig. 4. Average salary of employees in rub on the age basis (as a result of random research of employers, October 2017, Russia) [26]

Представленная на рис. 4 диаграмма наглядно демонстрирует зарплатную уязвимость работников разных возрастных групп. Отдельно по Свердловской области таких обследований не проводилось, но можно предположить, что ситуация будет аналогичной. Некоторое представление о разнице в зарплатах работников разных отраслей, а также работников со стажем и начинающих по Свердловской области можно получить, сопоставив среднемесячную номинальную начисленную заработную плату и среднюю заработную плату, предлагаемую работникам в объявлениях о вакансиях в разрезе отдельных видов экономической деятельности (рис. 5). По тем видам деятельности, в которых высок средний уровень оплаты труда, по вакантным рабочим местам уровень предлагаемой заработной платы значительно ниже. Например, если в Свердловской области самый высокий уровень заработной платы в финансовой и страховой деятельности (65 456 руб.), то вакансии в этой сфере предлагают уровень оплаты в среднем в два раза ниже (32 989 руб.), при этом требования к соискателю очень высокие.

Эти данные демонстрируют еще одно противоречие рынка труда Свердловской области. По тем видам деятельности, по которым в Свердловской области отмечается самый высокий уровень оплаты труда, наблюдается самый низкий процент трудоустройства граждан в возрасте от 16 до 29 лет.

Рис. 5. Соотношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы в разрезе отдельных видов экономической деятельности и средняя заработная плата, предлагаемая работникам в объявлениях вакансий по данному виду деятельности (в рублях, 2018 г.)

Примечание: данные с официального сайта Управления Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области [26] и результаты собственного исследования (контент-анализ объявлений о вакансиях).

Fig. 5. The comparison of actual average salary in certain areas of economic activity with the salary proposed in the job offer announcements (rub, 2018)

Note: the data from the official website of the Federal State Statistics Service for the Sverdlovsk and Kurgan Regions [26] and the results of authors' personal research (the content analysis of job advertisements).

Так, по данным Департамента по труду и занятости населения Свердловской области, за 9 месяцев 2019 г. в сфере финансовой и страховой деятельности трудоустроено всего 165 человек (0,69% от общего числа всех трудоустроенных); в области информации и связи — 174 человека (0,73%); в сфере профессиональной научной и технической деятельности — 268 человек (1,13%). Зато в сферу гостиничного бизнеса и общественного питания, где средний уровень заработной платы самый низкий, трудоустроен 861 человек, что составляет 3,6% всех трудоустроенных. Даже в сельском и лесном хозяйстве трудоустроено почти в 5 раз больше, чем в сфере финансовой и страховой деятельности (3,3%), что выглядит странным для такого промышленного региона, как Свердловская область.

Таким образом, для молодежи угроза состоит не в том, что они будут получать меньше на начальном этапе своей карьеры (это даже вполне закономерно), а в том, что для них ограничены возможности трудоустройства в высокооплачиваемые сферы. Уходя туда, где их берут сейчас (торговля, услуги, общественное питание и т. п.), они не только теряют свои профессиональные знания (выше уже рассмотрен риск ухода из профессии), но и попадают в зарплатную ловушку, поскольку в этих отраслях практически отсутствует потенциал последующего роста, т. е. начальный уровень, предлагаемый в вакансиях, практически равен (а порой и выше) средней оплате труда в этих сферах. Кроме того, именно в этих сферах чаще встречается нарушение прав работников, а особенно в части выплаты заработной платы. Согласно проведенному опросу, почти половина (46%) работающих в сфере торговли, бытовых и прочих видов услуг молодых людей сталкивались с нарушениями своих прав (в том числе 13% часто сталкиваются с такими нарушениями). Среди респондентов, сообщивших о нарушении своих прав, более половины (58%) сообщили именно о нарушениях в части оплаты труда («задержка выплаты заработной платы», «не оплачен труд», «некорректное начисление заработной платы», «удержания» и т. п.).

Риски несоблюдения норм трудового законодательства и социальных гарантий

Для российского рынка труда в целом характерны высокие риски несоблюдения норм трудового законодательства и социальных гарантий.

Например, в 2014 г. в опросе ВЦИОМ (выборка 1 600 человек по РФ) на вопрос «Как Вы считаете, достаточно ли у нас в стране защищены сейчас трудовые права населения или нет?» только 15% опрошенных по России респондентов ответили «да», остальные либо затруднились с ответом (11%), либо ответили отрицательно (73%) [3].

В исследовании ВЦИОМ 2018 г. на вопрос «Приходилось ли Вам когда-либо защищать свои трудовые права?» 42% опрошенных работающих граждан ответили утвердительно, еще 12% за защитой своих прав никуда не обращались, поскольку посчитали это бесполезным, побоялись, что это только ухудшит их положение или просто не знали куда обратиться. В целом по выборке, 16% опрошенных придерживаются мнения, что «их права никто не защищает» [24].

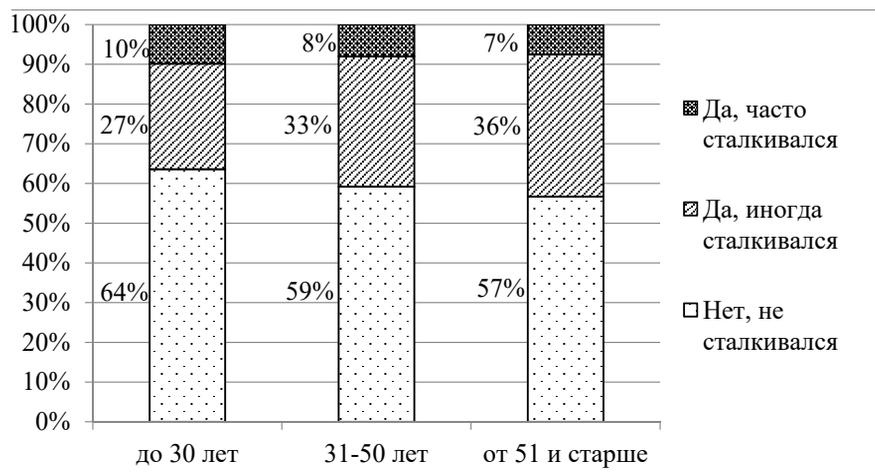

Рис. 6. Распределение ответов респондентов на вопрос о том, приходилось ли им сталкиваться с нарушениями своих трудовых прав (в % от числа имеющих работу по группам, 2018 г.)

Fig. 6. Distribution of respondents' answers to the question if they have experienced violation of labor rights (% of the employed by groups, 2018)

В Свердловской области ситуация выглядит лучше общероссийской (если сравнивать с данными ВЦИОМ по России 2018 г.): не сталкивались с нарушениями свои трудовых прав 61% опрошенных в возрасте от 18 лет и старше (по России это около 46%). Работающая молодежь до 30 лет при этом чаще отмечает, что ей еще не приходилось сталкиваться с нарушениями своих прав по сравнению со старшими возрастными группами — 66%, что логично, учитывая небольшой трудовой стаж. Но при этом доля тех, кто часто сталкивается с нарушениями своих трудовых прав, среди работающей молодежи не меньше, а даже чуть выше показателей других возрастных групп (рис. 6).

Молодежь подвержена повышенному риску нарушения трудовых прав, что связано с отсутствием опыта и необходимых правовых знаний. В Свердловской области фактически каждый третий молодой работник хотя бы изредка сталкивается с подобными нарушениями. Молодые люди отмечают, что чаще всего возникают проблемы с оплатой труда (задержка зарплаты, невыплата сверхурочных и переработок, отсутствие выплат по больничному и отпускных и т. п.), непредоставлением оплачиваемого учебного отпуска, а также в связи с режимом труда и отдыха.

Уровень риска нарушений трудовых прав связан с такими параметрами, как сфера деятельности, работа по специальности, пол, образование и уровень информированности о своих трудовых правах. При работе в сфере торговли риск столкнуться с нарушением своих прав статистически значимо выше, чем при

работе в других отраслях¹, мера относительного риска — 1,65, т. е. риск столкнуться с нарушениями своих трудовых прав в сфере торговли для молодых людей в 1,65 раза выше, чем при занятости в других сферах.

Среди работающих по полученной специальности меньше доля тех, кто сталкивался с нарушениями (21%), чем среди работающих не по специальности (45%)². Мужчины в 1,62 раза чаще отмечают нарушение трудовых прав, чем женщины³. Данный факт сложно объяснить, учитывая, что дискриминация женщин при приеме на работу выше (к примеру, в проанализированных объявлениях о вакансиях в Свердловской области 3% всех предложений о работе содержат ограничение по полу). Даже не указывая на ограничения в объявлении, работодатели не очень хотят брать молодых женщин на работу, предполагая, что они могут уйти в декрет. Но при этом лишь 26% молодых женщин в опросе отметили, что их трудовые права нарушались, а среди мужчин таких оказалось 42%. Данные гендерные различия не обусловлены какими-либо другими социально-демографическими характеристиками, зафиксированными в исследовании (сферой деятельности, образованием, семейным положением, наличием детей).

Важным фактором, определяющим степень риска столкновения с нарушением трудовых прав, является уровень образования⁴. Чем выше образование, тем чаще молодые респонденты отмечают, что им не приходилось сталкиваться с нарушением своих прав (коэффициент корреляции Спирмана = 0,146 при уровне значимости = 0,049). Если среди молодежи с высшим образованием (бакалавр, специалист, магистр) каждый четвертый (25%) сталкивался с нарушениями своих трудовых прав, то среди тех, кто имеет среднее профессиональное образование, таких уже почти половина (49%), и две трети (67%) среди респондентов с неполным средним образованием.

Усугубляет этот риск низкий уровень информированности молодежи о своих трудовых правах, о возможностях их защиты, об организациях, которые могут помочь. Хотя самооценка информированности о своих трудовых правах очень высокая (только 15% молодых респондентов признались, что они не знают или плохо знают свои трудовые права), в действительности уровень правовых знаний у молодежи не высок. Для оценки адекватности самооценки своей информированности о трудовых правах молодым людям задавался вопрос о том, знают ли они организации, которые должны помогать восстановить нарушенные трудовые права. Данный вопрос был открытым, чтобы отследить реальную информированность. Оказалось, что лишь 37% опрошенных молодых людей смогли назвать организацию. Молодежи известны трудовая инспекция, прокуратура и суд, некоторые упоминали профсоюз, встречаются единичные ответы

¹ Хи-квадрат Пирсона = 6,170 при уровне значимости (2-сторонней) = 0,013.

² Хи-квадрат Пирсона = 12,756 при уровне значимости (2-сторонней) = 0,002.

³ Хи-квадрат Пирсона = 5,431 при уровне значимости (2-сторонней) = 0,020.

⁴ Хи-квадрат Пирсона = 13,175 при уровне значимости (2-сторонней) = 0,010.

с упоминанием комиссии по трудовым спорам, юридических фирм, адвоката. Но абсолютное большинство респондентов (63%) не смогли ничего назвать, а соответственно, при нарушении трудовых прав этим молодым людям будет достаточно проблематично защитить их в имеющемся правовом поле.

О низком уровне правовой культуры молодежи свидетельствует и тот факт, что 65% работающих без письменного трудового договора лишь по устной договоренности с работодателем отметили, что они не сталкивались с нарушениями своих трудовых прав, хотя неформальная занятость — это уже есть это нарушение. Молодежь, как субъект трудовых отношений, зачастую даже не осознает, нарушены ее права или нет, а в качестве нарушений отмечает лишь то, что идет вразрез с тем, о чем была договоренность с работодателем. Правовой оценки этих соглашений не делается.

При нарушении молодые люди пытаются решить вопрос со своим работодателем напрямую, без привлечения каких-либо других инстанций (так поступают 60% опрошенных молодых людей), либо вообще ничего не делают для защиты своих трудовых прав (30%). Только 3% молодых респондентов, столкнувшихся с нарушением своих трудовых прав, обращались с жалобами в различные государственные инстанции.

Риск несоблюдения трудовых прав и социальных гарантий на рынке труда несут работники всех возрастных групп, но именно на начальном этапе карьеры закладывается нормативно-ценностная система, и искажение трудовых установок и норм у молодежи может создать угрозу для последующего регионального развития. Важность формирования «правильных» трудовых ценностей для раскрытия трудового потенциала молодежи и устойчивого развития региона подчеркивалась многими исследователями [12, 15, 17]. Поэтому важно обратить внимание на данный вид риска на региональном рынке и продумать мероприятия по его минимизации.

Угроза вовлечения молодых специалистов в неформальную занятость

Существуют различные теоретические подходы к интерпретации понятия «неформальная занятость». В данном исследовании под неформальной занятостью понимается деятельность без оформления письменного трудового договора.

Отдельного рассмотрения, по мнению авторов, заслуживает проблема вовлечения молодых специалистов в неформальную занятость. Поэтому в рамках данной статьи лишь обозначим такую угрозу, так как среди молодых сотрудников в возрасте до 30 лет самый высокий уровень включенности в неформальную занятость (12%). Среди прочих возрастных групп этот показатель не превышает 7%, а у работников в возрасте от 51 года и старше — всего 4%, хотя защищенность этой возрастной группы на рынке труда не выше, чем у молодежи. Отсутствие трудового договора не только нарушает трудовые права работника, со всеми вытекающими отсюда проблемами, но зачастую является формой неустойчивой занятости. Как отмечает А. М. Панов, неустойчивая занятость рас-

ширяет адаптационные возможности регионального рынка труда, делает его более гибким, но в то же время несет в себе угрозы нестабильности дохода, ослабления трудовых гарантий и нарушений прав работников, ослабляет их социально-экономическое положение [14].

Обозначенная угроза неформальной занятости тесно взаимосвязана с ранее обозначенными рисками. Так, при отказе от работы по специальности вовлечение в неформальную занятость возрастает в 2,5 раза: не имеют письменного трудового договора 21% молодых респондентов, работающих не по специальности, и 6%, трудящихся по специальности. При этом риск вовлечения не зависит от пола: и мужчины, и женщины имеют равные шансы быть включенными в такие трудовые отношения. Наличие высшего образования снижает вероятность включения в неформальную занятость, но незначительно. Даже среди молодежи с высшим образованием 11% работают без письменного договора. Наиболее высока вовлеченность в неформальную занятость в сфере торговли и услуг. 18% молодых людей, работающих в этой сфере, отметили, что не имеют письменного трудового договора. Как следствие, возрастает риск нарушений трудовых прав и несоблюдения социальных гарантий со стороны работодателя. Среди тех, у кого есть трудовой договор на руках, часто сталкивались с нарушением своих трудовых прав 9% опрошенных молодых людей, а среди неформально занятых таковых оказалось 19%, при том что молодые люди зачастую ориентируются не на нормы законодательства, а только на условия устной договоренности с работодателем.

Заключение

В результате проведенного исследования авторы статьи приходят к выводу о наличии рисков и угроз, с которыми сталкиваются молодые специалисты, вышедшие на рынок труда. Угроза безработицы и риск трудоустройства, риск ухода из профессии, зарплатные риски, риски несоблюдения норм трудового законодательства и социальных гарантий молодежи, угроза вовлечения молодых специалистов в неформальную занятость представляются наиболее значимыми среди всех рассмотренных.

Основные выводы, к которым приходят авторы: в настоящее время на региональном рынке труда для молодых специалистов риск безработицы слабоумеренный. Департаментом по труду и занятости Свердловской области ведется активная работа по трудоустройству молодежи, однако требуется усилить ее с учетом выявленных рисков и угроз, препятствующих реализации профессионального потенциала молодого поколения.

Как было отмечено, за 9 месяцев 2019 г. уровень трудоустройства молодежи (76,3%) оказался даже выше общего уровня трудоустройства (64,2%). Но проблема в том, что трудоустройство молодежи зачастую осуществляется не по полученной специальности. В качестве вакансий «для молодых» предлагаются места в сфере торговли и предоставления услуг; трудоустройство в высокодоходные отрасли типа финансовой и страховой деятельности, деятельности в области информации и связи минимально. Более половины работающей моло-

дежи в Свердловской области трудоустроены не по специальности, что можно рассматривать как угрозу для устойчивого регионального развития.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что уход из профессии зачастую сопровождается повышением рисков вовлечения молодежи в неформальную занятость, столкновения с нарушением трудовых прав, попадания в зарплатную ловушку (когда накопление опыта не ведет к увеличению оплаты труда). Все это закладывает определенную нормативно-ценностную модель трудового поведения молодежи, которая вряд ли будет способствовать росту мотивации и активности для инновационного и устойчивого развития региона. Данная угроза уже осознана и взята под контроль. Уже в следующем году планируется запуск мониторинга профессиональной деятельности выпускников учебных заведений для отслеживания траекторий движения граждан на рынке труда после окончания обучения. В Свердловской области для решения данной проблемы ведется работа по формированию базы стажировок для выпускников. Это неплохой способ роста вовлеченности в специальность среди молодежи, но важно продолжать эту работу, поскольку на сегодняшний день число мест для стажировок ограничено. На данный момент заявлено 403 рабочих места, а за помощью за 2019 г. обратились 2 666 выпускников образовательных организаций.

И еще одной из основных проблем и задач не только регионального, но и российского рынка труда является расширение зон достойного труда. К сожалению, несмотря на то, что тема эта активно обсуждается, до сих пор в целом ряде отраслей уровень заработной платы оказывается чуть выше прожиточного минимума. Это важно для всех работающих граждан, а не только для молодежи. Но поскольку молодежь более мобильна, при отсутствии возможностей на региональном рынке труда будет сохраняться тенденция миграции талантливой молодежи в другие регионы или за рубеж. Причем следует отметить, что мигрируют, как правило, наиболее квалифицированные и хорошо подготовленные специалисты.

В заключение хочется отметить, что высокий уровень угроз резко снижает возможности молодежи реализовать свой человеческий потенциал и стать полноценным субъектом регионального развития. Именно поэтому важно минимизировать риски рынка труда для молодежи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобков В. Н. Требования работодателей города Москвы к молодым специалистам и проблемы их подготовки в учебных заведениях: региональная специфика / В. Н. Бобков, А. А. Литвинюк, С. А. Леднева // Экономика региона. 2016. Том 12. Вып. 4. С. 1102-1112.
2. Гимпельсон В. Е. Российская модель рынка труда: испытание кризисом / В. Е. Гимпельсон, Р. И. Капелюшников // Журнал новой экономической ассоциации. 2015. № 2 (26). С. 249-253.

3. Данные из базы результатов опросов «Архивариус» // Сайт ВЦИОМ.
URL: http://old.wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=988&q_id=67934&date=19.10.2014
(дата обращения: 10.10.2019).
4. Добро пожаловать, или Вход воспрещен: специальный доклад о реализации прав граждан при приеме на работу. 2019. URL: http://ombudsman.midural.ru/uploads/library/Доклад_.pdf
5. Ерзнкян Б. А. Рынок труда в цифровую эпоху / Б. А. Ерзнкян, С. М. Арутюнян // Экономический анализ: теория и практика. 2018. Том 17. № 12 (483). С. 1388-1408.
6. Ерочкина Н. В. Рискообразующие факторы на региональном рынке труда и их нейтрализация в условиях устойчивого развития / Н. В. Ерочкина, О. В. Федонина // Экономика и предпринимательство. 2019. № 5 (106). С. 517-521.
7. Золин И. Е. Современный рынок труда: теоретические проблемы и их прикладное значение / И. Е. Золин // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 25. С. 28-49.
8. Индикаторы образования: 2018: статистический сборник / Н. В. Бондаренко, Л. М. Ойхберг, Н. В. Ковалева и др. М.: НИУ ВШЭ, 2018. 66 с.
9. Капелюшников Р. И. Влияние четвертой промышленной революции на рынок труда / Р. И. Капелюшников // Аист на крыше. Демографический журнал. 2018. № 6 (6). С. 32-36.
10. Капелюшников Р. И. Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации / Р. И. Капелюшников. М.: ГУ-ВШЭ, 2001. 309 с.
11. Капелюшников Р. И. Конец российской модели рынка труда? / Р. И. Капелюшников. М.: Либеральная миссия, 2009. 72 с.
12. Молодежь в социальном пространстве региона: коллективная монография / науч. ред. Г. Ф. Ромашкина. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2012. 236 с.
13. Неустроева А. Б. Основные риски труда Республики Саха (Якутия) / А. Б. Неустроева // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: экономика, социология, культурология. 2016. № 4 (04). С. 24-30.
14. Панов А. М. Неустойчивая занятость: концептуализация понятия и критерии оценки / А. М. Панов // Вопросы территориального развития. 2016. № 3 (33). С. 10-21.
15. Ретивина В. В. Трудовые ценности и установки современной студенческой молодежи / В. В. Ретивина // Высшее образование в России. 2019. Том 29. № 1. С. 57-63. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-1-57-63
16. Рехтина Н. В. Проблемы трудоустройства молодежи в России (по материалам социологического исследования) / Н. В. Рехтина, Г. А. Краснова // Социологический альманах. 2017. № 8. С. 167-174.
17. Рожкова Л. В. Социокультурные компоненты трудового потенциала молодежи в современных условиях / Л. В. Рожкова, А. Ш. Дубина // Поиск: политика, обществоведение, искусство, социология, культура. 2018. № 6 (71). С. 25-38.
18. Роструд: современные вызовы рынка труда и востребованность выпускников обсудили на WorldSkills Hi-Tech. URL: <https://nangs.org/news/education/rostrud-sovremennye-vyzovy-rynka-truda-i-vostrebovannosty-vypusnikov-obsudili-na-worldskills-hi-tech> (дата обращения: 05.11.2019).

19. Савина Т. Н. Угрозы экономической безопасности на рынке труда: оценка и прогноз / Т. Н. Савина // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Том 13. № 11 (356). С. 2166-2184.
20. Садыков Р. М. Угрозы на региональном рынке труда и проблемы занятости населения / Р. М. Садыков, Ю. В. Мигунова // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 3. С. 156-168.
21. Санникова Л. В. Современные проблемы рынка труда и занятости в Саратовской области: взгляд с позиции достойного труда / Л. В. Санникова // Управленец. 2010. № 11-12 (15-16). С. 32.
22. Симонова М. В. Рынок труда: региональный аспект / М. В. Симонова, А. А. Валитова. М.: ИЦ РИОР, НИЦ ИНФРА-М, 2016. 213 с.
23. Труд и занятость в России — 2017 / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b17_36/Main.htm (дата обращения: 29.10.2019).
24. Трудовые права: кто на страже? Данные опроса ВЦИОМ // Сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9157> 2014 (дата обращения: 10.10.2019).
25. Условия и способы повышения активности молодежи как субъекта инноваций и устойчивого развития регионов: сб. докл. ст. участников XV Всерос. науч.-практ. конф. в рамках инициативной программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» (Санкт-Петербург, 9-11 октября 2019 г.) / сост. Н. И. Лапин, Р. Х. Салахутдинова, отв. ред. А. В. Немировская. СПб.: Реноме, 2019. 648 с.
26. Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: https://www.gks.ru/labour_force (дата обращения: 20.10.2019).
27. Фирова И. П. Риски и угрозы, оказывающие влияние на функционирование современного рынка труда с учетом развития цифровых технологий / И. П. Фирова, Т. В. Бикезина // Наука и бизнес: пути развития. 2018. № 4 (82). С. 173-177.
28. Bandara A. Youth labor market expectations and job matching in sub-Saharan Africa: evidence from school-to-work transition surveys / A. Bandara // Applied Economics. 2019. Vol. 51. No 8. Pp. 762-780.
29. Binelli C. Employment and earnings expectations of jobless young skilled: evidence from Italy / C. Binelli // Social Indicators Research. 2019. Vol. 145. No 1. Pp. 201-231. DOI: 10.1007/s11205-019-02106-y
30. Dhakal S. P. Inclusion and work: addressing the global challenges for youth employment / S. P. Dhakal, J. Connell, J. Burgess // Equality, Diversity and Inclusion. 2018. Vol. 37. No 2. Pp. 110-120.
31. Quintini G. Over-qualified or under-skilled: a review of existing literature / G. Quintini // OECD Social, Employment and Migration Working Papers. Paris: OECD Publishing, 2011. No 121. Pp. 3-47. DOI: 10.1787/5kg58j9d7b6d-en
32. Rubery J. Change at work: feminisation, flexibilisation, fragmentation and financialisation / J. Rubery // Employee Relations. October, 2015. No 37 (6). Pp. 633-644. DOI: 10.1108/ER-04-2015-0067
33. Turek D. Competencies of young people on the labour market — employers' expectations / D. Turek // E-mentor. 2015. No 3 (60). Pp. 8-16. DOI: 10.15219/em60.1179

Anna N. TARASOVA¹

Natalia A. CHERNYKH²

UDC 316.4.06, 331.5

**RISK AND THREAT ASSESSMENT FOR YOUTHS AT REGIONAL
LABOR MARKET (THE CASE OF THE SVERDLOVSK REGION)***

¹ Cand. Sci. (Soc.), Assistant Professor,
Department of Theory and GMU Techniques,
Ural Federal University named after
the first Russian President B. N. Yeltsin (Ekaterinburg)
a.n.tarasova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9448-2893

² Cand. Sci. (Soc.), Assistant Professor,
Department of Theory and History of International Relations,
Ural Federal University named
after the first Russian President B. N. Yeltsin (Ekaterinburg),
Advisor to Ombudsman Secretariat in the Sverdlovsk Region
chernykhna@mail.ru

Abstract

This article analyzes the main risks and threats that arise in the contemporary labor market among the young people. Given the changes that are taking place under the economical digitalization, globalization processes, as well as due to the increase in the retirement age in Russia, there is a growing need to study the emerging risks. This paper assesses the level of threats to young professionals entering the labor market. The empirical basis of the work includes the data of statistics on labor and employment in Russia and the Sverdlovsk Region, as well as the results of the two empirical studies conducted by the authors in 2018-2019 by means of content analysis of employers' advertisements and a questionnaire survey of

* The analysis of payroll rate and reveal of payroll risks was performed by A. N. Tarasova as a part of the grant of the Russian Foundation for Basic Research, Project No 19-010-00801.

Citation: Tarasova A. N., Chernykh N. A. 2019. "Risk and threat assessment for youths at regional labor market (the case of the Sverdlovsk Region)". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 5, no 4 (20), pp. 52-75.
DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-4-52-75

the population. 6,521 vacancy announcements in the Sverdlovsk region were analyzed. 630 people (aged 18-60) were interviewed the sample was quoted by sex and age. The methods of data analysis include frequency distribution analysis, mean analysis, correlation analysis, and Chi-squared difference analysis. The authors have identified the main types of risks on the labor market: they are the problems of employment and the threat of unemployment; employment outside the studied specialty and “leaving” the profession; high differentiation of wages by industry and salary risks; non-compliance with labor legislation and social guarantees; involvement in informal employment. A detailed analysis of these risks is carried out and the threat level is assessed. The authors conclude that the greatest threat in the regional labor market is the mismatch of places of employment of existing qualifications and received specialty. This threat is dangerous not only on its own, leading to the loss of professional skills and competencies, a decrease in overall productivity, etc. Even worse, it increases the likelihood of other risks in the labor market. The employment outside the studied specialty correlates with violation of labor laws, non-compliance with labor rights of employees, and involvement in informal employment.

Keywords

Youth, labor market, job market, employment, unemployment, informal employment, risks, labor rights, Sverdlovsk Region.

DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-4-52-75

REFERENCES

1. Bobkov V.N. Litvinyuk A. A., Lednyova S. A. 2016. “Requirements of the Moscow employers to young specialists and problems of their preparation in educational institutions: regional specifics”. *Regional Economics*, vol. 12, no 4, pp. 1102-1112. [In Russian]
2. Gimpelson V. Ye., Kapyelyushnikov R. I. 2015. “Russian model of labour market: crisis proof”. *New Economic Association Magazine*, no 2 (26), pp. 249-253. [In Russian]
3. WCIOM. “The data from ‘Arkhiarius’ poll results”. Accessed 10 October 2019. http://old.wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=988&q_id=67934&date=19.10.2014 [In Russian]
4. Sverdlovsk Region Commissioner for Human Rights. 2019. “Welcome, or No Entrance: Special Report on Civil Rights at Employment Implementation”. <http://ombudsman.midural.ru/uploads/library>. [In Russian]
5. Erznkyan B. A., Arutyunyan S. M. 2018. “Labour market in digital era” *Economic Analysis. Theory and Practice*, vol. 17, no 12 (483), pp. 1388-1408. [In Russian]
6. Yerochkina N. V., Fedonina O. V. 2019. “Risk makers at regional labour market and their neutralization under stable development”. *Economics and Entrepreneurs*, no 5 (106), pp. 517-521. [In Russian]
7. Zolin I. Ye. 2015. “Modern labour market: theoretical problems and their application significance”. *National Interest: Priorities and Safety*, no 25, pp. 28-49. [In Russian]

8. Bondarenko N. V., Oykberg L. M., Kovalyova N. V., et al. 2018. Education Markers: 2018: Statistics Digest. Moscow: Higher School of Economics. [In Russian]
9. Kapyelyushnikov R. I. 2018. "Influence of the fourth industrial revolution on labour market". Stork on a Roof. Magazine of Demographics, no 6 (6), pp. 32-36. [In Russian]
10. Kapyelyushnikov R. I. 2001. Russian Labour Market: Adaptation without Restructuring. Moscow Higher School of Economics. [In Russian]
11. Kapyelyushnikov R. I. 2009. End of Russian Labour Market Model?. Moscow: Liberal Mission. [In Russian]
12. Romashkina G. F. (ed.). 2012. Youths in Social Regional Environment: multi-authored monograph. Tyumen: ITMN Publishing House. [In Russian]
13. Neustroyeva A. B. 2016. "Major labour risks of the Republic of Sakha (Yakutia)". Reporter of the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University. Series: Economics, Sociology, Cultural Studies, no 4 (04), pp. 24-30. [In Russian]
14. Panov A. M. 2016. "Unstable employment: conception of notion and assessment criteria". Territorial Development Issues, no 3 (33), pp. 10-21. [In Russian]
15. Retivina V. V. 2019. "Labour values and modern student attitudes". Higher Education in Russia, vol. 29, no 1, pp. 57-63. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-1-57-63. [In Russian]
16. Rekhina N. V., Krasnova G. A. 2017. "Youth employment problems in Russia (after sociological research materials)". Sociological Yearbook, no 8, pp. 167-174. [In Russian]
17. Rozhkova L. V., Shubina A. S. 2018. "Sociocultural components of youth opportunities under modern conditions". Search: Politics, Social Studies, Sociology, Culture, no 6 (71), pp. 25-38. [In Russian]
18. RF Federal Labor and Employment Service (Rostrud): Modern Challenge of Labour Market and Graduate Being in Demand Discussed at WorldSkills Hi-Tech. Accessed 5 November 2019. <https://nangs.org/news/education/rostrud-sovremennye-vyzovy-rynka-truda-i-vostrebovannosti-vypusnikov-obsudili-na-worldskills-hi-tech> [In Russian]
19. Savina T. N. 2017. "Economic safety threats at labour market: assessment and assumptions". National Interest: Priorities and Security, vol. 13, no 11 (356), pp. 2166-2184. [In Russian]
20. Sadykov R. M., Migunova Yu. V. 2016. "Threats at regional labour market and population employment problems". Regional Economy: Theory and Practice, no 3, pp. 156-168. [In Russian]
21. Sannikova L. V. 2010. "Modern problems of labour and employment market in the Saratov Region: view from the point of decent work". Upravlenets, vols. 11-12 (15-16). [In Russian]
22. Simonova M. V., Valitova A. A. 2016. Labour Market: Regional Aspect. Moscow. ITs RIOR, NITs INFRA-M. [In Russian]
23. RF Federal State Statistics Service. "Labour and Employment in Russia — 2017". Accessed 29 October 2019. https://gks.ru/bgd/regl/b17_36/Main.htm [In Russian]
24. WCIOM. "Labour rights: who is on guard?". Accessed 10 October 2019. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9157> 2014 [In Russian]
25. Nemirovskaya A. V. (ed.). 2019. Conditions and Ways to Enhance Youths Commitment as Subject of Innovations and Stable Regional Development: Proceedings of the 15th All-Russian Scientific and Practical Workshop under Initiative Program "Problems of

Sociocultural Evolution in Russia and Its Regions” (9-11 October, Saint Petersburg).
Compiled by N. I. Lapin and R. K. Salakhutdinova. Saint Petersburg: Renome.
[In Russian]

26. RF Federal Service for State Statistics: Official Site. Accessed 20 October 2019.
https://www.gks.ru/labour_force [In Russian]
27. Firova I. P., Bikezina T. V. 2018. “Risks and threats affecting operation of modern labour market considering digital technology development”. *Science and Business: Ways of Development*, no 4 (82), pp. 173-177. [In Russian]
28. Bandara A. 2019. “Youth labor market expectations and job matching in sub-Saharan Africa: evidence from school-to-work transition surveys”. *Applied Economics*, vol. 51, no 8, pp. 762-780.
29. Binelli C. 2019. “Employment and Earnings Expectations of Jobless Young Skilled: Evidence from Italy”. *Social Indicators Research*, vol. 145, no 1, pp. 201-231.
DOI: 10.1007/s11205-019-02106-y.
30. Dhakal S. P. 2018. “Inclusion and work: addressing the global challenges for youth employment”. *Equality, Diversity and Inclusion*, vol. 37, no 2, pp. 110-120.
31. Quintini G. 2011. “Over-qualified or under-skilled: a review of existing literature”. *OECD Social, Employment and Migration Working Papers*, no 121, pp. 3-47. Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/5kg58j9d7b6d-en
32. Rubery J. 2015. “Change at work: feminisation, flexibilisation, fragmentation and financialisation”. *Employee Relations*, October, vol. 37, no 6, pp. 633-644.
DOI: 10.1108/ER-04-2015-0067.
33. Turek D. 2015. “Competencies of young people on the labour market — employers expectations”. *E-Mentor*, no 3 (60), pp. 8-16.
DOI: 10.15219/em60.1179

Наталья Анатольевна КОСТКО¹
Анастасия Игоревна ДОЛГИХ²

УДК 316.42

КОНЦЕПЦИЯ «УМНЫЙ ГОРОД» И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ*

¹ доктор социологических наук, профессор
кафедры общей и экономической социологии,
Тюменский государственный университет
kostkonir@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1618-4548

² магистрант 1 курса направления «Экономическая социология»,
Тюменский государственный университет
dolgix.n@yandex.ru

Аннотация

Концепт «умный город» использует понятие «умный горожанин», понимание которого невозможно без понятия «человеческий капитал». Реализация концепции «умный город» напрямую связана с актуализацией человеческого капитала. Значимым является определение элементов человеческого капитала, которые характеризуют, обеспечивают успешность встраивания человека в процессы цифровизации, в современный социальный контекст. В статье дан обзор современных подходов к определению основных элементов человеческого капитала. Целью статьи является анализ зарубежных концепций, в которых дается характеристика структуры, основных элементов человеческого капитала, которые напрямую или косвенно влияют на цифровизацию общества, на возможность встраивания каждого человека в новые условия. Наличие общих глобальных изменений тем не менее имеет свою специфику по странам. Дополнительная ценность нашего исследования — это обогащение определения человеческого капитала с точки зрения комплексного подхода к определению данного понятия. Этот подход предполагает рассматривать человеческий

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект №19-29-07131 «Моделирование и измерение человеческого капитала и формы его проявления в контексте цифровизации экономики: ресурсы, потоки, институты».

Цитирование: Костко Н. А. Концепция «умный город» и человеческий капитал / Н. А. Костко, А. И. Долгих // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2019. Том 5. № 4 (20). С. 76-87.
DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-4-76-87

капитал как ценности, качества, ресурсы, навыки, компетенции, свойства личности. В результате авторы приходят к выводу о том, что человеческий капитал может быть принят как система агрегированных показателей социального, психологического, организационного и других капиталов. Кроме того, расширенная трактовка человеческого капитала с акцентом на его встроенность в социальный контекст общества позволяет обозначить условия, содействующие формированию умного горожанина как главного актора реализации концепта «умный город». Социальный компонент модели «умный город» в лице умного горожанина может быть реализован через его социальную активность, соучастие в управлении по реализации целей цифровизации общества.

Ключевые слова

Умный город, человеческий капитал, цифровизация, показатели человеческого капитала, оценка человеческого капитала.

DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-4-76-87

Введение

Происходящие в обществе изменения зафиксированы в теориях информационного, постиндустриального общества, общества знаний, что нашло свое отражение в моделях и концептах управления, в том числе управления развитием города. Концепция «умного города» легла в основу управленческих программ и планов многих современных городов, уже сейчас можно говорить о некотором опыте ее реализации. Технократический подход, акцент на технологизацию различных сфер жизнедеятельности общества в построении умного города показывает недостаточность принимаемых мер. Построение умного города без умного горожанина усложняет и без того неоднозначный и противоречивый переход к новым реалиям жизни. Определение понятия «умный горожанин» рассматривается в контексте развития теории человеческого капитала. Теория человеческого капитала постоянно дополняется, расширяется спектр обоснованных аргументов в пользу ее значения, обозначения и артикуляции ее базовых элементов с учетом указанных изменений. Полагаем, что обращение к структуре и содержательному определению понятия «человеческий капитал» через обзор последних исследований в данной области видится весьма обоснованным.

Умный город и умный горожанин

Библиометрический анализ научной литературы показывает, что «умный город» является доминирующей категорией среди 12 ключевых современных городских концепций. По оценкам правительства Великобритании, к 2020 г. будет создан глобальный «рынок умных городов» стоимостью 408 млрд долларов [6, с. 1]. В связи с растущим интересом появилась и мощная критика умного города.

Концепция умного города рассматривается как дискурсивная и прикладная, подчеркивается ключевая роль трех взаимосвязанных факторов: использования понятий кризиса в качестве плацдарма для политики, сохраняющейся роли

государства в стимулировании местного (умного) городского развития и важности специфического городского контекста при рассмотрении вопроса о переводе умного урбанизма в местные реалии [4, с. 1].

Критически оценивается технократический подход в управлении, когда результативность модели «умный город» определяется степенью распространенности и применимости новых информационных технологий, услуг, товаров и т. д. Данный тезис является продолжением имеющихся сценариев развития с акцентом на расширение инвестирования в те же объекты социальной инфраструктуры для достижения целей развития человеческого капитала, при этом не имея четких ориентиров отдачи от этих вложений. Превалирование технико-экономических элементов в реализации концепта «умный город» вызывает ряд вопросов. Во-первых, речь идет о возможности сужения когнитивной, ментальной составляющих человеческого капитала за счет увеличения в нем доли характеристик, обеспечиваемых современными информационными технологиями. Логика современного общества обусловлена сменой его типа и, как следствие, наличием слома, диссонанса между устоявшимися нормами и ценностями, идентификациями и самоидентификациями индивидов, новыми деятельностными практиками (от общественных до профессиональных), вызванными к жизни цифровизацией всех сфер жизнедеятельности. Каковы механизмы смягчения данных процессов, присутствуют ли они в моделях умного города? Социальный компонент модели «умный город» в лице умного горожанина может быть реализован через его социальную активность, соучастие в управлении по реализации целей цифровизации общества. Достижение данной целевой установки обеспечивается при обоюдном вкладе и действенности государства и индивидов. Отсюда внимание на индивида, т. е. субъекта социального действия, на его социальные ресурсы, в том числе человеческий капитал, и на его действия в условиях всеобщей цифровизации. Причем, если говорить академическим языком, фокус внимания (прежде всего в управлении развитием города) обращен не столько на то, как индивиды рассматриваются в роли тех, чья активность направлена на встраивание в социальные структуры, адаптацию к заданным извне условиям и требованиям социальной среды, а как на активный социальный субъект [2, с. 12].

Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2019) законодательно закрепляет целый набор мер вовлеченности граждан в процесс управления развитием городов. Но опыт, например, Великобритании показывает, что этот классический набор требует расширения уже хотя бы потому, что одним из элементов модели «умный город» является «умное правительство», повышающее легитимность форм участия граждан с помощью цифровых технологий. Что, по мнению наших коллег, открывает дискуссию о «перспективах „умного города“, создающего потенциально новый, отличительный гражданский дискурс посредством переопределения социальной субъектности и репрезентативных смыслов и практик» [6, с. 4].

Современные концепты управления городами, в том числе «умный город», являются следствием изменения типа общества, цифровизации всех сфер его жизнедеятельности. Цифровизация представляет собой проникновение информационных технологий в практику повседневной, рутинной жизни каждого человека. Цифровизация меняет основания существования всех сфер общества, национальных экономик, мира в целом. В новых условиях идет поиск новых принципов, норм, ресурсов развития и конкурентоспособности. Ужесточается борьба за все виды ресурсов. Материальные ресурсы имеют тенденцию к сокращению, что усложняется экологическим компонентом. Набор и выбор ресурсов сужается, и, как следствие, выход видится в расширении использования нематериальных ресурсов, а к таковым относится человеческий капитал и социальные аспекты его приложения. Согласно последним исследованиям, в число нематериальных ресурсов развития в рамках ресурсного подхода включается человеческий капитал.

Международные институты, включая ЕС, сосредоточивают свои усилия на человеческом капитале как решающем факторе будущего процветания. В ряду ведущих элементов человеческого капитала выделяется прежде всего образование. Образование принимается как ценность, ресурс, который создает условия для получения определенных навыков и компетенций, в том числе и в профессиональной сфере. Лиссабонская стратегия и стратегия развития ЕС 2020 ориентированы на образование. Они выражаются, в частности, в понятиях «экономика знаний» и «умный, устойчивый и инклюзивный рост». В контексте глобализации и усиления конкуренции Европейский Союз поставил перед собой три взаимосвязанные цели: ускорение и обеспечение стабильного экономического роста на основе экономики знаний и образования; предоставление полной и качественной занятости; движение к справедливому социальному обеспечению и социальной сплоченности общества (Стратегия «Европа 2020») [8, с. 86]

В теории человеческого капитала именно люди являются главным ресурсом для достижения целей и задач развития в рамках своих организаций [7, с. 81].

Теория человеческого капитала изменила отношение к людям с традиционной концепции на новую. В традиционном понимании человеческий капитал использовался только как основание для воспроизводственных процессов в обществе, но в новой концепции человеческий капитал рассматривается как ценность, которая может и должна быть инвестирована для получения общественных благ для многих людей и для общества. Человеческие ресурсы — это единственные капиталы, которые не уменьшаются при использовании и при этом еще и обладают свойством распространения [7, с. 80].

Установка на человека, на его капитал как главный ресурс и основание развития общества возвращает нас к словам, сказанным еще в начале XX в. С. Л. Франком о том, что «человек всегда должен рассматриваться как цель и никогда — как простое средство, и требует от нас уважения ко всякой человеческой личности как таковой» [3, с. 69].

В условиях закономерного изменения типа общества, где наряду с классическими факторами развития всё большую роль приобретает социальный фак-

тор через трансформацию роли человека из условия и инструмента в цель, когда человеческий капитал приобретает новые свойства и характеристики и из абстрактного понятия становится социально-экономическим показателем развития общества, национальной экономики, государства в целом. «Уровень экономического развития государств характеризуется не только объемом накопленного материального богатства, но и его структурой. Причем реальное накопление наблюдается лишь при увеличении в национальном богатстве доли человеческого капитала» [1, с. 11]. В ряде исследований доказывается влияние качества человеческого капитала на приток прямых иностранных инвестиций в страну. Авторы утверждают, что он существует не потому, что в стране низкая стоимость рабочей силы, а потому, что выявлена положительная корреляция между ростом иностранных инвестиций и такими показателями, как уровень занятости недавних выпускников высших учебных заведений (положительная корреляция) и количество патентов. Качество человеческого капитала, представленное в данном случае уровнем занятости недавних выпускников, является важным фактором прямых иностранных инвестиций и для Китая [12, с. 10].

Реализация, капитализация человеческого капитала в большей степени проявляется в трудовой сфере, на уровне организаций. Согласно ресурсному подходу, устойчивое конкурентное преимущество возможно благодаря уникальному управлению ресурсами, которое не может быть имитировано другими. Итак, для того, чтобы добиться конкурентных преимуществ, организация должна опираться на уникальные и неповторимые ресурсы. Нематериальные активы организации относятся к числу наиболее уникальных и неповторимых активов этой организации. Человеческий, социальный и психологический капиталы являются наиболее важными компонентами организационных нематериальных активов [7, с. 80]. Также авторы провели корреляционный анализ организационных нематериальных активов, их составляющих и корпоративного предпринимательства. В результате выявилось, что организационные нематериальные активы оказывают влияние на корпоративное предпринимательство с коэффициентом 0,65. То есть организационные нематериальные активы являются жизненно важным и уникальным ресурсом для поддержания успешной, инновационной предпринимательской деятельности организации и ее конкурентоспособности в эпоху экономики знаний. Авторы также считают, что данное утверждение справедливо для организаций любой отрасли [7, с. 87].

На сегодняшний день изменилось отношение к труду, всё большую роль стал играть вид выполняемой работы, а также возможность интеллектуального развития. Высказывается мнение о смещении вектора определения человеческого капитала в сторону необходимости актуализации человеческого капитала путем предоставления равных возможностей различным группам населения к накоплению и развитию этого капитала. Стремительное развитие современных технологий привело к росту спроса на различные виды профессиональной подготовки, которая является инструментом борьбы государства с безработицей. Для этого население должно получать и развивать соответствующие навыки и

компетенции. В связи с этим авторы предлагают дополнить классическую концепцию человеческого капитала еще одной важной с их точки зрения мерой — равные возможности для различных групп людей, в том числе на рынке труда, в уровне заработной платы, в доступе ко всему спектру профессий и повышению квалификации [11, с. 134].

Стоит обратить внимание, что в структуре концепции «умный город» есть такой элемент, как «умный горожанин», одним из показателей которого является человеческий капитал. Можно предположить, что главная задача реализации концепта «умный город» как раз и направлена на создание условий, режима наибольшего благоприятствования для формирования, распространения и применения человеческого капитала.

Цель и дополнительная ценность нашего исследования — это обогащение определения человеческого капитала с точки зрения комплексного подхода к определению данного понятия. Этот подход предлагает рассматривать человеческий капитал как ценность, качество, ресурс, навыки, компетенции, свойства личности. Человеческий капитал включает в себя как общие и специфические, так и традиционные и современные элементы. Базовый человеческий капитал создает знания, необходимые для высококачественных инноваций и предпринимательской деятельности [7, с. 80].

Эти знания трансформируются в навыки и компетенции, которые востребованы в современных условиях. Значимым является тип навыков, необходимый в данный момент. Если мы делаем акцент на цифровизацию, то набор навыков в сфере применения технологий с искусственным интеллектом или связанных с ним вполне может быть использован в качестве индикатора, характеризующего современный, специфический элемент человеческого капитала [11, с. 136].

Для целей обозначения элементов человеческого капитала наши польские коллеги предлагают обратить внимание на индекс цифровой экономики и общества (DESI), который имеет два подпространства, охватывающих «базовые навыки и использование» и «передовые навыки и развитие». Первый включает показатели использования Интернета отдельными лицами и наличие у них цифровых навыков. Последний включает показатели занятости специалистов в области ИКТ и выпускников в области науки, техники и математики [11, с. 135].

Активное включение человека в современные процессы цифровизации как показатель оценки человеческого капитала может быть дополнено такой характеристикой, как способность к накоплению знаний. Способность к накоплению знаний в свою очередь зависит от резервирования накопленных эксплицитных знаний, полученных в высших учебных заведениях, и имплицитных знаний, накопленных через опыт в данном контексте [7, с. 80].

Обращает на себя внимание расширенный список количественных показателей, который применяется в ЕС 28 странами для определения качества человеческого капитала: приток прямых иностранных инвестиций (USD, 2010 = 100), ВВП на душу населения в ППС, индекс образования, среднее число учебных лет, уровень занятости недавних выпускников, единовременная стоимость рабочей

силы, уровень занятости населения в третичном секторе, число патентов, число работников НИОКР, население с высшим образованием, расходы на образование как доля ВВП, доступ домохозяйств к Интернету (доля в общем объеме домохозяйств) [12, с. 9].

В Румынии этот список дополнен двумя показателями: участие населения в обучении на протяжении всей жизни; снижение отсева из школ и вузов [9, с. 143]. Надо признать, что использование данных маркеров соответствует современным реалиям и процессам в мире. Идет рост числа людей старшего трудоспособного возраста, старение населения, снижение доли трудоспособного населения и увеличение нагрузки на трудоспособное население в рамках солидарной пенсионной системы на одного работающего. В этих условиях вложения государства в систему пожизненного обучения не просто актуальны, а жизненно важны и экономически обоснованны.

Наше внимание привлекли работы, посвященные взаимодействию человеческого и психологического капиталов. «Психологический капитал рассматривается как конструкт „высшего порядка“, возникающий при объединении четырех конструктов надежды, самоэффективности, оптимизма и жизнестойкости» [7, с. 81; 5, с. 3030].

Психологический капитал оказывает прямое и существенное влияние на человеческие ценности. Кроме того, было подтверждено косвенное, но существенное влияние базовых психологических потребностей на человеческие ценности, а также психологического капитала на смысл жизни [10, с. 59].

Авторы утверждают, что существует четкая взаимосвязь между более высоким уровнем экономического развития страны и соблюдением демократических прав в области гендерного равенства, что способствует повышению уровня человеческого капитала и, следовательно, прогрессу во всех областях экономической и социальной жизни [11, с. 139].

Равенство, активность, социальная осведомленность, по мнению польских авторов, приводят к высвобождению заблокированного человеческого капитала [11, с. 134].

Повышение уровня человеческого капитала связано с понижением уровня бедности в стране, с уменьшением риска социальной и экономической изоляции индивидуумов, с повышением экономической активности населения и снижением уровня безработицы. Преодоление социальной и экономической изоляции, помимо очевидных преимуществ и возможностей, позволяет социализировать свой человеческий капитал. [9, с. 142-144].

Заключение

Влияние человеческого капитала можно рассматривать по трем уровням:

1. *Макроуровень*: влияние национального человеческого капитала на экономическое и техническое состояние страны, уровень развития экономики, доминирующий сектор экономики, объем иностранных инвестиций, уровень развития предпринимательской деятельности, распространение

экономики знаний, уровень безработицы, уровень экономически активного населения, уровень бедности, экономическое и социальное равенство групп населения.

2. *Мезоуровень*: влияние человеческого капитала на экономическую деятельность организации, внедрение инноваций и ее прогрессивное развитие, рост прибыли, уровень квалификации работников, развитие предпринимательской деятельности предприятия и его конкурентоспособности, развитие физического, финансового, социального и психологического капитала организации.
3. *Микроуровень*: индивид как носитель собственного человеческого капитала. На уровень личного человеческого капитала влияет образование, навыки, квалификации, собственные особенности и установки индивида. В свою очередь, уровень человеческого капитала индивида влияет на его конкурентоспособность на рынке труда, его доход, его уникальные компетенции, которые он готов предложить работодателю. Однако все это работает, если индивид является не пассивным носителем человеческого капитала, а активно использует его для развития.

В реализации концепта «умный город» приоритетными видятся актуализация и встроенность в социальный контекст человеческого капитала, учет которого, например в практике управления, без социального, психологического, организационного капиталов невозможен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валентей С. Д. Наднациональное смещение и многополярность современного мира / С. Д. Валентей // Экономическая наука современной России. 2009. № 4 (47). С. 7-16.
2. Как люди делают себя. Обычные россияне в необычных обстоятельствах: концептуальное осмысление восьми наблюдавшихся случаев / под общ. ред. В. А. Ядова, Е. Н. Даниловой, К. Клеман. М.: Логос, 2010. 388 с.
3. Франк С. Л. Сочинения. Политика и идеи. (О программе «Полярной Звезды») / С. Л. Франк. М.: Правда, 1990. С. 65-76.
4. Caprotti F. Varieties of smart urbanism in the UK: discursive logics, the state and local urban context / F. Caprotti, R. M. Cowley // Transactions of the Institute of British Geographers. 2019. Pp. 1-15. DOI: 10.1111/tran.12284
5. Djourova N. P. Individual profiles of psychological capital in a Spanish sample / N. P. Djourova, I. Rodríguez, L. Lorente-Prieto // Journal Of Social Science Research. 2019. No 14. Pp. 3029-3047. DOI: 10.21772/ripo.v37n2a02
6. Joss S. Smart Cities: towards a new citizenship regime? Analysis of the British Smart City Standard / S. Joss, M. Cook, Y. Dayot // Journal of Urban Technology. 2017. Vol. 24. Iss. 4. Pp. 29-49. DOI: 10.1080/10630732.2017.1336027
7. Keshvarz L. Organizational intangible assets (human, social and psychological capitals) and corporate entrepreneurship — case study: Ministry of Sport and Youth of Islamic

- Republic of Iran / L. Keshvarz, A. Farahani, M. Hadi Seyfi Saldehi // *International Journal of Pharmaceutical Research & Allied Sciences*. 2017. No 6 (3). Pp. 79-92.
8. Koleva-Stefanova D. The human capital and its significance for our present / D. Koleva-Stefanova // *E-Journal «Dialogue»*. 2019. No 1. Pp. 85-98.
 9. Manole C. The need to develop human capital for sustainable development of Romania / C. Manole, C. Alpopi, M. Florescu // *Economics, Management, and Financial Markets*. 2018. Vol. 13 (3). Pp. 139-147.
 10. Pirmoradi F. Development and testing of the relationship model of basic psychological needs on the meaning of life through the mediating roles of the psychological capital and human values / F. Pirmoradi, H. Ahmadian, J. Karami, Y. Yarahmadi // *Journal of Fundamentals of Mental Health*. 2019, Jan-Feb. Vol. 21 (1). Pp. 51-62.
 11. Sawicka J. Changes in human capital resources in the labour market in Poland from the perspective of the European Union and other countries / J. Sawicka, P. Stolarczyk // *Acta Scientiarum Polonorum. Oeconomia*. 2018. No 17 (4). Pp. 133-140.
 12. Simionescu M. The role of foreign direct investment in human capital formation for a competitive labour market / M. Simionescu, M. S. Naroş // *Management Research and Practice*. 2019. No 11 (1). Pp. 5-14.

Natalya A. KOSTKO¹
Anastasia I. DOLGIKH²

UDC 316.42

THE “SMART CITY” CONCEPT AND HUMAN CAPITAL*

¹ Dr. Sci. (Soc.), Professor, Department of General and Economic Sociology,
University of Tyumen
kostkonir@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1618-4548

² Master Student, University of Tyumen
dolgix.n@yandex.ru

Abstract

The concept of a “smart city” uses the notion of a “smart citizen”, which is impossible to understand without the concept of human capital. The implementation of the “smart city” concept directly relates to the actualization of human capital. It is important to define the elements of human capital that characterize and ensure the success of embedding a person in the processes of digitalization in the modern social context.

This article provides an overview of modern approaches to the definition of the main elements of human capital. The authors aim to analyze foreign concepts for determining the elements of human capital that directly or indirectly affect the digitalization of society, the possibility of embedding each person in new conditions.

The presence of general global changes, however, varies by countries. An additional value of this research lies in enriching the definition of human capital from the perspective of an integrated approach to the definition of this concept. This approach involves considering human capital as a value, quality, resource, skills, competencies, and personality traits.

The authors conclude that human capital can be accepted as a system of aggregated indicators of social, psychological, organizational, and other capitals. In addition, the expanded

* The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project No 19-29-07131 “Modeling and measurement of human capital and forms of its manifestation in the context of digitalization of the economy: resources, flows, institutions”.

Citation: Kostko N. A., Dolgikh A. I. 2019. “The ‘smart city’ concept and human capital”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 5, no 4 (20), pp. 76-87. DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-4-76-87

interpretation of human capital with an emphasis on its embeddedness in the social context of society allows identifying the conditions that contribute to the formation of a smart citizen as the main actor in the implementation of the ‘smart city’ concept. The social component of the “smart city” model in the person of a smart citizen can be implemented through their social activity, participation in the management of the implementation of the goals of digitalization of society.

Keywords

Smart city, human capital, digitalization, human capital indicators, human capital assessment.

DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-4-76-87

REFERENCES

1. Valentey S. D. 2009. “Supranational displacement and multipolarity of the modern world”. *Economics of Contemporary Russia* no 4 (47), pp. 7-16. [In Russian]
2. Yadov A., Danilova E. N., Kleman K. (eds.). 2010. *How People Make Themselves. Ordinary Russians in Unusual Circumstances: Conceptual Understanding of Eight Observed Cases*. Moscow: Logos. [In Russian]
3. Frank S. L. 1990. *Compositions. Politics and Ideas*. (About the program “Polar Star”). Moscow: Pravda. [In Russian]
4. Caprotti F., Cowley R. M. 2019. “Varieties of smart urbanism in the UK: discursive logics, the state and local urban context”. *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 44, pp. 587-601. DOI: 10.1111/tran.12284
5. Djourova N. P., Rodríguez I., Lorente-Prieto L. 2019. “Individual profiles of psychological capital in a Spanish sample”. *Journal of Social Science Research*, no 14, pp. 3029-3047. DOI: 10.21772/ripo.v37n2a02
6. Joss S., Cook M., Dayot Y. 2017. “Smart cities: towards a new citizenship regime? Analysis of the British smart city standard”. *Journal of Urban Technology*, vol. 24, no 4, pp. 29-49. DOI: 10.1080/10630732.2017.1336027
7. Keshvarz L., Farahani A., Saldehi M. H. S. 2017. “Organizational intangible assets (human, social and psychological capitals) and corporate entrepreneurship — case study: ministry of sport and youth of Islamic Republic of Iran”. *International Journal of Pharmaceutical Research & Allied Sciences*, no 6 (3), pp. 79-92.
8. Koleva-Stefanova D. 2019. “The human capital and its significance for our present”. *Dialogue*, no 1, pp. 85-98.
9. Manole C., Alpopi C., Florescu M. 2018. “The need to develop human capital for sustainable development of Romania”. *Economics, Management, and Financial Markets*, vol. 13, no 3, pp. 139-147.
10. Pirmoradi F., Ahmadian H., Karami J., Yarahmadi Y. 2019. “Development and testing of the relationship model of basic psychological needs on the meaning of life through the mediating roles of the psychological capital and human values”. *Journal of Fundamentals of Mental Health*, January-February, vol. 21, no 1, pp. 51-62.

11. Sawicka J., Stolarczyk P. 2018. “Changes in human capital resources in the labour market in Poland from the perspective of the European Union and other countries”. *Acta Scientiarum Polonorum. Oeconomia*, no 17 (4), pp. 133-140.
12. Simionescu M., Naroş M. S. 2019. “The role of foreign direct investment in human capital formation for a competitive labour market”. *Management Research and Practice*, no 11 (1), pp. 5-14.

Вадим Евгеньевич ЛЁВКИН¹
Анастасия Олеговна ЛЁВКИНА²

УДК 316.43

СУБЪЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД К УПРАВЛЕНИЮ КАЧЕСТВОМ ЖИЗНИ*

¹ кандидат философских наук, доцент кафедры общей и социальной психологии,
Тюменский государственный университет
v@orgpsiholog.com; ORCID: 0000-0002-5056-9946

² кандидат экономических наук, профессор
кафедры экономической безопасности, системного анализа и контроля,
Тюменский государственный университет
a.o.lyovkina@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-9938-5822

Аннотация

Проблема управления качеством жизни в первую очередь связана с определением объекта и предмета управления, что в отношении качества жизни сделать однозначно непросто из-за большого числа различающихся толкований. Новизна результатов исследования состоит в определении содержания феномена качества жизни и в разработке принципов управления им через прояснение методологической прескриптивной позиции, с помощью критериев, позволяющих отличить хорошее управление качеством жизни от плохого в контексте целей устойчивого развития общества и независимо от сложившейся структуры культуры. Понятие «способ взаимодействия человека с миром», а именно специфика предметов, механизмов и результатов взаимодействия человека с миром на разных уровнях (или сферах) жизнедеятельности, использовано нами как новый системообразующий концепт, позволяющий предложить систему принципов управления качеством жизни, согласующуюся с ведущими современными

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Курганской области в рамках научного проекта № 19-410-450005.

Цитирование: Лёвкин В. Е. Субъектно-ориентированный подход к управлению качеством жизни / В. Е. Лёвкин, А. О. Лёвкина // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2019. Том 5. № 4 (20). С. 88-102. DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-4-88-102

достижениями в области исследования качества жизни. Данная система принципов представлена тремя основными критериями оценки любых нововведений, изменяющих качество жизни людей (рациональность, гуманистичность, значимость), а также двенадцатью критериями хорошего управления качеством жизни — по два на каждую из шести сфер жизнедеятельности человека: континуальной (культурной), обстоятельств, физической, эмоциональной, интеллектуальной и духовной.

Ключевые слова

Качество жизни, управление качеством жизни, субъектно-ориентированный подход, устойчивое развитие, смысловое управление.

DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-4-88-102

Введение

Для эффективного управления и для адекватной оценки процессов управления качеством жизни необходимы строгие критерии. Именно эти критерии организуют процессы осознанного и ответственного принятия управленческих решений и, в конечном счете, определяют итог этого управления — те условия и возможности, в поле которых жизнь людей обретает определенное качество. Трудность в определении критериев или ориентиров для управления состоит в том, что существует несколько десятков наиболее используемых параметров качества жизни человека, разной степени обобщения, каждый из которых может претендовать на роль ориентира для управленца. Из всего множества подходов к пониманию «качества жизни» чаще всего выделяют: медицинский, экономический, экологический, демографический, социологический, психологический и философский [14]. В России сложилась целая система научных школ исследования качества жизни, как междисциплинарных, так и частнонаучных, раскрывающих качество жизни в отдельных аспектах (экономических, психологических и т. д.) [2]. Наибольшая часть авторов как российских, так и зарубежных школ утверждают комплексный характер феномена и, соответственно, междисциплинарный характер категории «качество жизни» [8, 9, 23] (в том числе Дж. Стиглиц, А. Сен, Ж.-П. Фитусси). Само «качество жизни» как объект управления всё еще истолковывается зачастую диаметрально противоположным образом — от понимания его как в большей степени субъективного или социально-психологического феномена (с этой стороны феномен изучали А. Кэмпбелл, Е. В. Давыдова, А. А. Давыдов, Г. М. Зариковский, С. Д. Н. Дагбаева, Е. В. Балацкий и мн. др.), до толкования его как в большей степени объективного феномена (с этой стороны феномен исследовали Дж. Форрестер, С. А. Айвазян, Н. М. Римашевская, П. М. Мстиславский, В. К. Бочкарева и мн. др.). При этом в практике управления качеством жизни, в контексте управления инновационным развитием распространена недооценка принципиального значения социально-гуманитарных технологий, которые, по В. Е. Лепскому, должны базироваться на субъектно-ориентированном подходе [10, с. 37].

Актуальность. От понимания объекта и предмета деятельности целиком зависят методы этой деятельности, т. о. для выбора ориентировочной основы деятельности требуется методологический взгляд, позволяющий вывести такие критерии, которые учитывали бы субъективную (а правильнее — субъектную) составляющую качества жизни, но не сводились бы к ней. Это критически важно, поскольку человек, во-первых, в силу текущего для него уровня личностного развития и других причин может заблуждаться и часто заблуждается относительно собственного качества жизни, и, во-вторых, высокое качество жизни предполагает развитие самой сферы потребностей индивида, через призму которых он ситуативно оценивает свое качество жизни на текущий период (соответственно, с изменением потребностей, содержания ценностно-смысловой сферы личности изменится и оценка качества жизни при тех же внешних условиях). Последнее обстоятельство указывает также на то, что невозможно корректно оценить качество жизни человека через оценку текущего уровня развития и удовлетворения его потребностей, и даже через оценку «располагаемых возможностей» [14, с. 154]. Нужна оценка с точки зрения увеличения арсенала человеческих возможностей [22], требуется оценка «жизненного потенциала», «жизнедеятельности» и «возможностей жизнедеятельности» [1, 4, 5], необходима оценка перспективной жизнеспособности и жизненных перспектив [12, 13].

Новизна и практическое применение. Исходным пунктом в поиске критериев для управления качеством жизни может стать позиция смыслодизайнера-гуманиста, позволяющая прояснить, что считать качественной и некачественной жизнью, а также позволяющая понять, зачем управлять качеством жизни, преследуя какую цель? И если на второй вопрос международное сообщество уже получило относительно ясный ответ (ради устойчивого развития общества счастливых людей), то на первый еще не существует такого общего ответа. При этом сам дискурс о том, что считать качеством жизни, как его измерять и как им управлять, и результаты этого дискурса имеют колоссальное значение для каждого человека на планете. Цель и основная научная новизна работы в том, чтобы из прескриптивной методологической позиции смыслодизайнера, на основе методологии субъектно-ориентированного подхода к управлению качеством жизни предложить практически применимую систему принципов управления качеством жизни, а также систему критериев оценки управления качеством жизни, позволяющих разрабатывать сценарные модели и практические рекомендации повышения качества жизни населения независимо от текущей структуры культуры, общественно-политического строя и экономической формы отношений.

Теоретическое обоснование

Поскольку существует множество существенно различающихся определений термина «качество жизни», нам следует раскрыть содержание используемого нами определения, начиная с принципиальной расшифровки категорий «качество» и «жизнь человека». В соответствии с общим смыслом управления (осу-

ществлять направленные воздействия для получения запланированного эффекта), категория «качество» в термине «качество жизни» используется нами в прескриптивном, а не дескриптивном смысле. Таким образом, «качество чего-либо» — это существенная определенность чего-либо, которая может быть описана системой свойств, характеризующих и обеспечивающих перспективы бытия этого чего-либо. Так, качественный автомобиль обеспечивает выполнение всех заявленных функций — как в данный момент, так и на перспективу (не ломается, выдерживает суровые условия эксплуатации). Его качество (в прескриптивном смысле) — это степень соответствия замыслу конструктора и тем вызовам, с которыми столкнутся их пользователи. Качество чего-либо обеспечивается устройством — составом и связями между элементами в системе. Это относится и к вещам, и к процессам. Например, качественное планирование (как процесс управления) отличается от некачественного тем, что первое предусматривает все необходимые задачи и ресурсы, обеспечивая такую структуру деятельности, которая в перспективе приведет к искомому результату.

Посредством постановки цели осуществляется диалектический переход из прескрипции (оценочной позиции) в дескрипцию (описательную позицию): цель полагается в статус действительного фактора, в восприятии человека подобного природным закономерностям. Такой фактор вплетается в дескриптивную логику системы управления как причина, имеющая «предшествующие состояния» [16, 7], но обладающая не дескриптивным, а прескриптивным прошлым [11].

В прескриптивном смысле категория качества применяется всегда к объектам культуры и не применяется к объектам природы. Так, мы часто слышим про качественные и некачественные вещи, продукты питания, лекарства, технику и прочее, но не услышим выражений «качественная муха», «качественный ручей», «качественное облако» и так далее, только если они не искусственные, то есть созданные человеком. К объектам природы категория качества в прескриптивном смысле применяется только тогда, когда они перестают быть собственно частью природы и встраиваются человеком в искусственные процессы как их неотъемлемая часть, например, когда становятся сырьем (как руда, нефть, древесина и прочее). Природная (биологическая) составляющая жизни человека также «встраивается» человеком в культуру, что делает понятие «качества жизни» применимым к человеку.

«Жизнь человека» — это состояние самоосуществления человека, которое проявляется на разных уровнях жизнедеятельности (на уровне континуума культуры, уровне конкретных событий, уровне тела, уровне эмоций, уровне мышления и уровне духа). Понятие «самоосуществление человека» отражает то, что «жить» для человека не сводится к «существовать», а подразумевает непрерывное развитие субъектности и самореализацию личности в деятельности. Эта деятельность не только осуществляется в самых разных областях (в личной, общественной, семейной, духовной и др.), но и обеспечивает собственное воспроизводство и совершенствование [9, с. 25]. Содержание самореализации и развития у разных субъектов при этом могут существенно отличаться,

однако, согласно Э. Фромму [17], стремление к жизни всегда будет отличаться от стремления к смерти.

«Качество жизни человека», таким образом, — это интегральная характеристика процесса взаимодействия человека с миром, которая может быть описана системой свойств, обеспечивающих возможности человека быть и определять форму своего бытия. Чем этой свободы (в настоящем и будущем) у субъекта больше, тем качественнее его жизнь. Но свободы осознанной и дальновидной, то есть ответственной. «С развитием диалектики свободы и необходимости пробуждается субъектность как сущностная человеческая характеристика, характеристика свободы и Самости» [18, с. 28]. В нацеленности на свободу субъекта, осознающего и учитывающего необходимость, состоит сущность предлагаемого нами субъектно-ориентированного подхода к управлению качеством жизни. Данный подход предполагает видение качества жизни как общенаучной категории, объем содержания которой (как и объем категории «жизнь») несводим к медицинской, экономической, социально-экономической, социально-психологической или иной достаточно обособленной предметной области. Соответственно, *субъектно-ориентированный подход к управлению качеством жизни* — это совокупность принципов организации междисциплинарного познания и формирования таких изменений бытия людей, которые приводят к повышению перспективной жизнеспособности и свободы бытия всех людей заданной территории.

Субъектно-ориентированный подход к управлению качеством жизни конфигурирует субъектную позицию, с которой управленец распознает обстоятельства и принимает управленческое решение. Этот подход, таким образом, следует отличать от субъектно-ориентированного подхода к пониманию качества жизни, в котором качество жизни оценивается преимущественно по субъективным критериям и истолковывается в отношении к имеющимся у субъекта потребностям.

Несомненно, субъективное понимание, переживание качества жизни, его истолкование субъектом обладает высочайшей значимостью для человека [3] (например, при высоком уровне жизни человек может быть несчастным и желать покончить с собой). При этом следует особо подчеркнуть, что обретение более лучшего качества жизни, в частности через новое осознание или поведение, далеко не всегда и не везде сопряжено с радостными переживаниями и чувством удовлетворения. Например, в сфере образования, в отличие от сферы услуг, является нормой, когда ожидания не оправдываются [20]. Более того, показателями глубокого образовательного опыта и конструктивных личностных изменений (а значит, и показателями роста качества жизни субъекта) могут быть и временные депрессивные состояния (как результат избавления от иллюзий или следствие глубокого переосмысления ценностей), а также испуг и тревога [21]. Это указывает на высокое значение текущих изменений во всех сферах жизнедеятельности для будущих жизненных перспектив субъекта, а не только для его состояния в настоящий момент.

Таким образом, жизнь высшего качества (или качественная жизнь) — это такое состояние самоосуществления, при котором человек на всех уровнях жизнедеятельности обладает наивысшей из доступных для человечества свободой быть и определять форму своего бытия, продолжая открывать и создавать новые жизненные перспективы в максимально возможной на данный момент гармонии с другими людьми и природной средой. Жизнь низшего качества — это, наоборот, такое состояние самоосуществления, при котором человек обладает наименьшей свободой быть и определять форму своего бытия, в наименьшей гармонии с другими людьми и природной средой, с минимальными жизненными перспективами (например, необратимо умирая от смертельно опасной болезни, от которой еще нет лекарства, или от ранения, нанесенного другим человеком, животным или вызванного природным явлением).

Поскольку свобода бытия во многом определяется используемыми техническими, мыслительными и социальными технологиями, то верхняя граница шкалы качества жизни всегда будет лимитирована доступностью лучших технологий (где под технологией понимается операционализированное знание), а также содержанием развивающихся потребностей и создаваемых смыслов (В. Франкл, Д. А. Леонтьев), а нижняя граница определяется принципиальной возможностью для человека быть живым (Э. Фромм, И. Т. Фролов).

Таким образом, шкала качества жизни человека может быть представлена как диапазон всех возможных состояний самоосуществления человека — от бессознательного состояния умирания в коме до состояния полного здоровья и счастья при наличии в доступе наилучших из созданных человечеством конструктивных технологий (технических, мыслительных и социальных), расширяющих перспективы бытия человека в максимально возможной на данный момент гармонии с другими людьми и природной средой.

Образно говоря, качественная жизнь, как и качественный автомобиль, не ломается, то есть устойчива в отношении различных угроз. Только, в отличие от качественного автомобиля (неживой системы), качественная жизнь человека — это процесс непрерывного развития, в ходе которого увеличивается способность человека и человечества жить, то есть самоосуществляться на всех уровнях жизнедеятельности, реализуя потребность быть и определять форму своего бытия.

Хорошее управление качеством жизни людей, таким образом, — это процесс, посредством которого осуществляется повышение степеней свободы и перспективной жизнеспособности людей, в максимально возможной (на существующем уровне технологий) гармонии с другими людьми и природной средой. Снижение же степеней свободы и перспективной жизнеспособности людей, уменьшение уровня гармонии между людьми, а также между людьми и природной средой является свидетельством плохого управления соответствующими свойствами, характеризующими бытие человека.

Система принципов управления качеством жизни

Поскольку в долгосрочной перспективе смыслом управления качеством жизни является повышение жизнеспособности и рост качества жизни всех людей на

планете (без этого устойчивое развитие общества невозможно), то базовыми принципами управления качеством жизни могут стать основные критерии оценки любых нововведений (решений), *изменяющих качество жизни людей* [13]:

1. Рациональность. Отдавать приоритет нововведениям (например, новым технологиям) и управленческим решениям, позволяющим решать проблему максимально системно (дальновидно) и с приемлемыми затратами (в особенности — человеческого труда). На основании данного критерия следует различать решения и нововведения: стратегические (направленные на устранение причин социальных проблем), тактические (профилактирующие социальные проблемы, но не устраняющие их причины) и оперативные (смягчающие последствия социальных проблем).
2. Гуманистичность. Отдавать приоритет нововведениям и управленческим решениям, все этапы осуществления которых соответствуют гуманистическим ценностям, основными из которых являются жизнь, свобода, возможности профессионального и творческого развития всех людей, включая отдаленные жизненные перспективы.
3. Значимость. Отдавать приоритет нововведениям и управленческим решениям, нацеленным, в первую очередь, на решение самых значимых для максимального числа людей задач.

О том, что управленческие решения рациональны, гуманистичны и значимы, в конечном счете скажут долгосрочные последствия этих решений, которые могут выступать в роли ключевых фактических критериев хорошего управления качеством жизни. Однако для эффективного управления такой «постфактумный» подход недопустим — безусловно необходимы критерии оценки управленческих решений еще на этапе их разработки. Поскольку качество жизни, как объект управления, находится одновременно на разных уровнях или сферах жизнедеятельности человека, то следует сформулировать критерии для каждой из них.

Сферы жизнедеятельности выделены нами в соответствии с ранее разработанной моделью состояния человека [11]. В основе данной модели лежит положение о том, что взаимодействие человека с миром осуществляется разными способами (если рефлексировать его как процесс) или на разных структуро-функциональных уровнях (если рефлексировать сферы жизнедеятельности). Каждый уровень (или сфера жизнедеятельности: континуальная (культурная), обстоятельств, физическая, эмоциональная, интеллектуальная и духовная) характеризуется собственным предметом, механизмом, результатом и энергией взаимодействия. Способ взаимодействия, раскрывающийся в каждой из сфер жизнедеятельности, — это системообразующий концепт, позволяющий обнаружить системные связи между различными принципами управления качеством жизни. Данная модель непротиворечиво согласуется с современными концепциями, системно описывающими и объясняющими многомерную жизнь человека, в том числе и положенными в основу практических диагностических инструментов. В первую очередь это теория качества жизни А. И. Субетто, в которой осуществлен онтологический, методологиче-

ский, аксиологический и прагматический синтез знаний о качестве жизни на разных уровнях — космическом (планетарном и космопланетарном), биологическом (индивидуальном и популяционном), социальном (личностном и общественном), субъектном [15, с. 152-153, 194-195], а также построенные на исследовании человеческого благополучия с учетом концепции устойчивого развития [23] и методики измерения «индекса развития человеческого потенциала» (HDI), «индекса лучшей жизни» (Better Life Initiative). Другим ярким примером современной концепции, а также диагностического инструмента является опросник Всемирной организации здравоохранения КЖ-100¹, в который заложен конструкт, включающий: окружающую среду, физическую сферу, социальную активность, психологическую независимость, духовность [6]. Дж. Стиглиц, А. Сен, Ж.-П. Фитусси предложили учитывать: материальные условия; здоровье; уровень образования и компетенций; личную (в т. ч. профессиональную) деятельность; гражданские права и возможность влиять на политику; социальные связи и отношения; наличное и будущее состояние окружающей среды; физическую и экономическую безопасность [23]. Позже ровно аналогичным образом статистическая служба Европейского союза разделила индикаторы качества жизни на группы [19], которые уместно понимать в роли предмета управления качеством жизни. В отношении данных групп возможно выделить критерии хорошего (искомого) управления качеством жизни.

Итак, предложим здесь следующий перечень критериев хорошего управления качеством жизни, учитывая ключевые тренды современных исследований и сферы жизнедеятельности человека.

Континуальная сфера жизнедеятельности (культура):

- повышается доступность наилучших из всех созданных технологий, автоматизируется рутинный труд, у людей высвобождается время для самообразования, воспитания детей, более интеллектуального и творческого труда;
- улучшается экологическая обстановка.

Сфера событий и обстоятельств:

- повышается защищенность от возможных антропогенных (техногенных, финансовых, политических) и природных неблагоприятных факторов и угроз;
- повышается степень гармонии между людьми и сообществами (снижается преступность, число деструктивных конфликтов, растет взаимная помощь и осуществляемый вклад в развитие других).

Физиологическая сфера жизнедеятельности:

- растет продолжительность здоровой и активной жизни;

* Разработка и апробация русской версии опросника ВОЗ КЖ-100 проводилась на базе отделения психопрофилактики и внебольничной психиатрии Санкт-Петербургского психоневрологического института им. В. М. Бехтерева.

— улучшаются показатели здоровья.

Эмоциональная сфера жизнедеятельности:

— растёт степень удовлетворенности жизнью (снижается степень эмоционального выгорания, становится больше счастливых людей);

— растёт вовлеченность людей в процессы улучшения жизни, увеличивается число людей с активной и конструктивной жизненной позицией.

Интеллектуальная сфера жизнедеятельности:

— повышается доступность образования всех направлений и уровней, повышается уровень образованности, компетентности;

— растёт вклад науки в непрерывное улучшение жизни.

Духовная сфера жизнедеятельности:

— повышается степень гуманности и справедливости социальных процессов;

— повышаются возможности для творческой и осмысленной самореализации человека, развития его субъектности.

Обсуждение системы принципов управления качеством жизни

Насколько качественна сама предложенная система принципов управления качеством жизни? Она обладает следующей системой свойств, имеющих принципиальное значение для процесса управления качеством жизни:

1. Согласованность с разумным стремлением человека жить и определять форму своего бытия (жить свободно, расширяя степени свободы, в максимально возможной гармонии с другими людьми и природной средой).
2. Согласованность с основными современными теоретическими концепциями, системно описывающими и объясняющими качество жизни, процессы развития человечества в контексте целей устойчивого развития.
3. Независимость от текущей формы развития человечества (типа цивилизации, структуры культуры, религиозной или национальной специфики, общественно-политического строя, экономической формы отношений), что имеет принципиальное значение для качественной оценки качества жизни (А. И. Субетто).
4. Сензитивность к текущей форме развития человечества (отражающейся в признании ведущей роли структуры культуры, соглашений по умолчанию между людьми в обществе — в обеспечении качества жизни человека). В настоящее время сильны тенденции к избыточной индивидуализации ответственности (О. Нойбергер), которая таким образом снимается с экономической и общественной системы, что совершенно неверно.
5. Операционализированность теоретических обобщений до уровня прикладной применимости (три предложенных принципа — рациональность, гуманистичность, значимость — и двенадцать сформулированных выше критериев можно удерживать в сознании, проектируя, принимая, реализуя и оценивая управленческие решения).

- б. Открытость к совершенствованию, *применению различных средств исследования, оценки и формирования качества жизни*. При том, что содержание представления о лучшей (более качественной) жизни меняется вместе с достижением нового этапа в развитии человечества, неизменным остается общий смысл управления качеством жизни — ради устойчивого (к угрозам) развития человечества счастливых людей.

Следует сделать вывод, что перечисленные свойства предложенной системы принципов управления качеством жизни и критериев его оценки позволяют ожидать позитивных эффектов от ее применения в роли ориентировочной основы деятельности во время проектирования, принятия, реализации и оценки эффектов управленческих решений.

Заключение

Предложенная в работе система принципов управления качеством жизни, на наш взгляд, должна быть отнесена к категории средств смыслового управления деятельностью человека. Осмысленность выбора приоритетов для целей принятия управленческих решений на основе осознания ценности жизни человека и жизненных перспектив следующих поколений отличает смысловое управление, как стратегическое, от распространенного в современной социальной жизни — ситуативного (оперативного и тактического) управления. Осуществленные в последние десятилетия во всем мире исследования качества жизни позволяют утверждать, что необходимая теоретическая база уже наработана и требуются исследования, позволяющие перевести теоретические конструкты на язык прикладной науки и управленческой практики. Авторы статьи выражают надежду, что предложенное здесь концептуальное средство смыслового управления в виде системы принципов управления качеством жизни также послужит целям устойчивого развития общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айвазян С. А. Анализ качества и образа жизни населения / С. А. Айвазян. М.: Наука, 2012. 432 с.
2. Бобков В. Н. Научные школы исследования качества жизни и обусловленных им социальных структур в России / В. Н. Бобков, В. Г. Квачёв, А. И. Субетто, О. И. Щербакова // Уровень жизни населения регионов России. 2016. № 4 (202). С. 7-23.
3. Дагбаева С. Н. Психологический подход в исследованиях качества жизни населения / С. Н. Дагбаева // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 5. С. 24-30.
4. Задесенец Е. Е. Методология измерения и оценки качества жизни населения России / Е. Е. Задесенец, Г. М. Зараковский, И. В. Пенова // Квалиметрия. Мир измерений. 2010. № 2. С. 37-44.

5. Зараковский Г. М. Качество жизни населения России / Г. М. Зараковский. М.: НПФ «Смысл», 2008. 400 с.
6. Использование опросника качества жизни (версия ВОЗ) в психиатрической практике / сост.: Г. В. Бурковский, А. П. Коцюбинский, Е. В. Левченко, А. С. Ломаченков, под ред. проф. М. М. Кабанова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского научно-исследовательского психоневрологического института им. В. М. Бехтерева, 1998. URL: http://www.medpsy.ru/dictionary/metod_03_001.php (дата обращения: 02.11.2019).
7. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант; пер. с нем. Н. Лосского. Минск: Литература, 1998. 490 с.
8. Качество жизни: вчера, сегодня, завтра. Актуальные проблемы вступления России в ВТО / под ред. д. э. н., проф. Г. В. Астратовой. Екатеринбург: Изд-во ГК «Стратегия позитива» ТМ, 2012. 648 с.
9. Качество жизни: сущность, оценка, стратегия формирования / под ред. Л. А. Кузьмичева, М. В. Федорова, Е. Е. Задесенеца. М.: Всероссийский науч.-исслед. ин-т технической эстетики, 2000. 122 с.
10. Лепский В. Е. Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию / В. Е. Лепский. М.: Когито-Центр, 2009. 208 с.
11. Лёвкин В. Е. Психические состояния: учебное пособие / В. Е. Лёвкин. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2015. 304 с.
12. Лёвкина А. О. Онтологические и гносеологические особенности концепции социально-экономической системы гуманного общества, ее проектирования и осуществления / А. О. Лёвкина, В. Е. Лёвкин, С. М. Халин // *Философия хозяйства*. 2018. № 3 (117). С. 55-71.
13. Лёвкина А. О. Устойчивое инновационное развитие общества: онто-гносеологические аспекты / А. О. Лёвкина. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 369 с.
14. Россошанский А. И. Современное состояние и развитие теории и методологии исследования качества жизни населения / А. И. Россошанский, Е. А. Чекмарева // *Проблемы развития территории*. 2016. № 1 (81). С. 145-159.
15. Субетто А. И. Теория качества жизни: монография / А. И. Субетто, под ред. д. э. н., проф. А. И. Горбунова. СПб.: Астерион, 2017. 280 с.
16. *Философский словарь* / под ред. И. Т. Фролова. М.: Изд-во полит. литер., 1986. 553 с.
17. Фромм Э. *Анатомия человеческой деструктивности* / Э. Фромм, пер. с англ. Э. М. Телятникова, Т. В. Панфилова. М.: АСТ, 2004. 635 с.
18. Щербинин М. Н. Идеалистическое выражение свободы и необходимости как обобщающих характеристик человеческой сущности / М. Н. Щербинин // *Общество: философия, история, культура*. 2016. № 11. С. 26-30.
19. Eurostat. Final Report of the Expert Group on Quality of Life Indicators. 2017. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/7870049/7960327/KS-FT-17-004-EN-N.pdf/f29171db-e1a9-4af6-9e96-730e7e11e02f> (дата обращения: 10.11.2019).
20. Fulford A. Education: expectation and the unexpected / A. Fulford // *Studies in Philosophy and Education*. 2015. No 35. Pp. 415. DOI: 10.1007/s11217-015-9495-y (дата обращения: 10.11.2019).
21. Munday I. Roots and rhizomes — some reflections on contemporary pedagogy / I. Munday // *Journal of Philosophy of Education*. 2012. No 46 (1). Pp. 42-59.

22. Nussbaum M. C. The Quality of Life / M. C. Nussbaum, A. Sen. Oxford: Clarendon Press, 1993. DOI: 10.1093/0198287976.003.0003 (дата обращения: 10.11.2019).
23. Stiglitz J. E. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress / J. E. Stiglitz, S. Amartya, J.-P. Fitoussi. 2009. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/118025/118123/Fitoussi+Commission+report>

Vadim E. LYOVKIN¹
Anastasia O. LYOVKINA²

UDC 316.43

SUBJECT-ORIENTED APPROACH TO QUALITY OF LIFE MANAGEMENT*

¹ Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor,
Department of General and Social Psychology, University of Tyumen
v@orgpsiholog.com; ORCID: 0000-0002-5056-9946

² Cand. Sci. (Econ.), Professor, Department of Economic Security,
System Analysis, and Control, University of Tyumen
a.o.lyovkina@utmn.ru; ORCID 0000-0002-9938-5822

Abstract

The problem of quality of life management is primarily associated with defining the object and subject of management, which in relation to the quality of life is definitely not easy due to the large number of different interpretations.

This article newly defines the quality of life phenomenon and develops the principles for its managing through clarification of the methodological and prescriptive position. This reveals the content of the category “quality of life” and criteria distinguishing good quality of life from bad in the context of sustainable development goals regardless of the current cultural structure. The concept of “a way of human interaction with the world” (namely, the specificity in the objects, mechanisms, and results of human interaction with the world at different levels or spheres of life) introduces a system of principles for managing quality of life, consistent with the current leading achievements in understanding the quality of life. This system of principles is represented by three main criteria for evaluating any innovations that change the quality of life of people (rationality, humanity, significance). Basing in these

* The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research and Kurgan Region according to the research project No 19-410-450005.

Citation: Lyovkin V. E., Lyovkina A. O. 2019. “Subject-oriented approach to quality of life management”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 5, no 4 (20), pp. 88-102.

DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-4-88-102

principles, the authors have developed twelve criteria for good quality of life management, two for each of the six areas human life: continuum (cultural), circumstances, physical, emotional, intellectual, and spiritual.

Keywords

Quality of life, quality of life management, subject-oriented approach, sustainable development, semantic management.

DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-4-88-102

REFERENCES

1. Ayvazyan S. A. 2012. Analysis of the Quality and Lifestyle of the Population. Moscow: Nauka. [In Russian]
2. Bobkov V. N., Kvachyov V. G., Subetto A. I. Shcherbakova O. I. 2016. "Scientific schools for the study of the quality of life and the resulting social structures in Russia". *Living Standards and Quality of Life*, vol. 202, no 4, pp. 7-23. [In Russian]
3. Dagbaeva S. N. 2009. "Psychological approach in studies of the quality of life of the population". *Buryat State University Buletin*, no 5, pp. 24-30. [In Russian]
4. Zadesenets E. E., Zarakovskiy G. M., Penova I. V. 2010. "Methodology for measuring and assessing the quality of life of the population of Russia". *Kvalimetriya. Mir izmereniy*, no 2, pp.37-44. [In Russian]
5. Zarakovskiy G. M. 2008. *The Quality of Life of the Population of Russia*. Moscow: Smysl. [In Russian]
6. Burkovskiy G. V., Kotsyubinskiy A. P., Levchenko E. V., Lomachenkov A. S., Kabanov M. M. (eds.) 1998. *Use of the Quality of Life Questionnaire (WHO Version) in Psychiatric Practice*. Saint Petersburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo nauchno-issledovatel'skogo Psikhonevrologicheskogo instituta im. V. M. Bekhtereva. Accessed 11 November 2019. http://www.medpsy.ru/dictionary/metod_03_001.php [In Russian]
7. Kant I. 1998. *Criticism of Pure Reason*. Translated from German by N. Losskiy. Minsk: Literatura. [In Russian]
8. Astratova G. V. (ed.) 2012. *Quality of Life: Yesterday, Today, Tomorrow. Actual Problems of Russia's Entry into the WTO*. Ekaterinburg: Strategiya pozitiva. [In Russian]
9. Kuzmichev L. A., Fedorov M. V., Zadesenets E. E. (eds.). 2000. *Quality of Life: Essence, Assessment, Formation Strategy*. Moscow: Vserossiyskiy nauchno-issledovatel'skiy institut tekhnicheskoy estetiki. [In Russian]
10. Lepskiy V. E. 2009. *Subject-Oriented Approach to Innovative Development*. Moscow: Kogito-Tsentr. [In Russian]
11. Lyovkin V. E. 2015. "Mental Conditions: Study Guide. Tyumen: UTMN Publishing House. [In Russian]
12. Lyovkina A. O., Lyovkin V. E., Khalin S. M. 2018. "Ontological and epistemological features of the concept of the socio-economic system of a humane society, its design and implementation". *Filosofiya khozyaystva*, vol. 117, no 3, pp. 55-71. [In Russian]

13. Lyovkina A. O. 2019. Sustainable Innovative Development of Society: Ontological and Epistemological Aspects. Moscow-Berlin: Direkt-Media. [In Russian]
14. Rossoshanskiy A. I., Chekmareva E. A. 2016. "Current state and development of the theory and the method to study quality of life of the population". Problems of Territory's Development, vol. 81, no 1, pp. 145-159. [In Russian]
15. Subetto A. I. 2017. Theory of Quality of Life. Saint Petersburg: Asterion. [In Russian]
16. Frolov I. T. (ed.) 1986. [Philosophical Dictionary. Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literatury. [In Russian]
17. Fromm E. 2004. Anatomy of Human Destructiveness. Translated from English by E. M. Telyatnikov and T. V. Panfilov. Moscow: AST. [In Russian]
18. Shcherbinin M. N. 2016. "An idealistic expression of freedom and necessity as generalizing characteristics of a human being". Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura, no 11, pp. 26-30. [In Russian]
19. Eurostat. 2017. "Final report of the expert group on quality of life indicators". Accessed 11 November 2019. <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/7870049/7960327/KS-FT-17-004-EN-N.pdf/f29171db-e1a9-4af6-9e96-730e7e11e02f>
20. Fulford A. 2015. "Education: expectation and the unexpected". Studies in Philosophy and Education, no 35, pp. 415. DOI:10.1007/s11217-015-9495-y
21. Munday I. 2012. "Roots and rhizomes — some reflections on contemporary pedagogy". Journal of Philosophy of Education, vol. 1, no 46, pp. 42-59.
22. Nussbaum M. C., Sen A. 1993. The Quality of Life. Oxford: Clarendon Press. Accessed 11 November 2019. DOI: 10.1093/0198287976.003.0003
23. Stiglitz J. E., Amartya S., Fitoussi J-P. 2009. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/118025/118123/Fitoussi+Commission+report>

ПРАВО

Олеся Леонидовна КАЗАНЦЕВА¹

УДК 342.553

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: ДЕ-ЮРЕ И ДЕ-ФАКТО

¹ кандидат юридических наук, доцент
кафедры конституционного и международного права,
Алтайский государственный университет (г. Барнаул)
verwaltung@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3697-9903

Аннотация

Анализ Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ, закрепляющего общие принципы организации местного самоуправления в Российской Федерации, демонстрирует последовательное внесение в него поправок, направленных на ограничение самостоятельности местного самоуправления, что явно противоречит конституционным положениям, посвященным местному самоуправлению. В этой связи представляется необходимым определиться с наличием низового уровня публичной власти (местного самоуправления), для чего следует выявить соответствие современных реалий местного самоуправления конституционным положениям и принятым в их развитие нормативным правовым актам, то есть соотнести де-юре и де-факто.

Большое влияние на формирование местного самоуправления в российском государстве оказывает высший орган конституционной юстиции — Конституционный Суд Российской Федерации. Именно он формирует правовые позиции по организационным, правовым, компетенционным, территориальным, экономическим основам местного самоуправления. В связи с этим интерес представляют правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации относительно самостоятельности местного самоуправления и его взаимоотношений с органами государственной вла-

Цитирование: Казанцева О. Л. Местное самоуправление в России: де-юре и де-факто / О. Л. Казанцева // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2019. Том 5. № 4 (20). С. 103-121.
DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-4-103-121

сти, которые претерпевали существенные изменения на протяжении всего периода реформирования местного самоуправления. В статье на основе проведенного анализа изменений законодательства о местном самоуправлении и правовых позиций Конституционного суда Российской Федерации продемонстрировано сворачивание присущих местному самоуправлению самоуправленческих начал. Так, в статье показано, что отсутствуют реальные и работающие механизмы осуществления местного самоуправления населением. В статье делается вывод о том, что сложившаяся ситуация требует от государства особого внимания и отношения, поскольку без целенаправленного изменения государственной политики в сфере местного самоуправления невозможно сохранение в нашем государстве таких закрепленных в Конституции России постулатов, как народовластие и местное самоуправление.

Ключевые слова

Местное самоуправление, муниципальная реформа, вертикаль власти, правовое регулирование, огосударствление местного самоуправления.

DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-4-103-121

Введение

В России местное самоуправление признается и гарантируется. Ст. 12 Конституции РФ закрепляет важнейший признак местного самоуправления — его самостоятельность [9]. Органы, осуществляющие местное самоуправление, не являются государственными, имеют общественную природу и не находятся в непосредственном подчинении государственных органов и органов государственной власти. Местное самоуправление — одна из важнейших и незыблемых основ конституционного строя, представляющая собой конституционную ценность [2]. Конституционные положения о местном самоуправлении являются программными установками, на которые необходимо ориентироваться при принятии нормативных правовых актов разного уровня (федерального, регионального, муниципального).

Право на местное самоуправление признает и Европейская хартия местного самоуправления 1985 г., согласно которой публичная власть преимущественно должна осуществляться теми органами власти, которые наиболее приближены к гражданам (п. 3 ст. 4) [13]. Согласно преамбуле Хартии, государства-участники считают, что основой демократического государства являются органы местного самоуправления, признают принципы демократии и децентрализации власти и наличие органов самоуправления, создаваемых демократическим путем, имеющими автономию при реализации своей компетенции [13].

Соблюдение принципа самостоятельности местного самоуправления рассматривается как один из основных критериев демократии. Однако преобразования, которые происходят на протяжении последних десятилетий в России в сфере местного самоуправления, не способствуют его дальнейшему развитию как де-

мократического института. Сложно говорить о наличии самостоятельного и самодостаточного местного самоуправления при нестабильном правовом регулировании концептуальных основ местного самоуправления, направленном на ограничение прав местного самоуправления и расширения компетенции субъектов РФ в сфере осуществления правового регулирования местного самоуправления.

В этой связи выявление причин, способствующих ослаблению позиций местного самоуправления, представляется актуальным не только для населения муниципальных образований, экспертного сообщества, стоящего на защите прав местного самоуправления, но и для государства, взявшего на себя обязательства по признанию и гарантированности местного самоуправления.

Основная часть

Основы местного самоуправления

В последнее время в научной литературе отмечается наступательная тенденция огосударствления местного самоуправления [7, 8, 19, 21]. Отчасти это происходит из-за изменения государственной политики в сфере местного самоуправления, на что не может не реагировать Конституционный Суд Российской Федерации, наполняя при толковании положений Конституции РФ букву закона соответствующим духом и смыслом.

Правовые позиции Конституционного Суда РФ имеют основополагающее значение для становления и развития местного самоуправления. Изначально Конституционный Суд РФ сформировал само понятие местного самоуправления, определив в качестве такового низовой уровень публичной власти, и задал определенный вектор развития местного самоуправления в российском государстве.

Так, например, в Постановлении от 24.11.1997 № 1-П Конституционный Суд РФ отметил, что невозможно лишить население установленного Конституцией РФ права на осуществление местного самоуправления, то есть права на самостоятельное решение вопросов местного значения [12]. Однако в дальнейшем принимаются акты, которые не учитывают назначение и суть местного самоуправления и вызывают множество дискуссий в научном сообществе.

В ч. 1. ст. 131 Конституции РФ закрепляется, что население самостоятельно определяет структуру органов местного самоуправления. Нормы Конституции являются основой для дальнейшего развития законодательства, а потому данное конституционное положение должно было найти свое развитие в федеральном законодательстве, закрепляющем соответствующие гарантии, обеспечивающие реализацию конституционного права граждан на местное самоуправление. Однако на самом деле это далеко не так. В последнее время наблюдается явно выраженная тенденция к централизации правового регулирования местного самоуправления. Федеральный закон о местном самоуправлении от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ все меньше содержит общих положений, принципов и рамочных установок и все больше детализирует основы местного самоуправления [18]. Такая ситуация сложилась применительно к структуре органов местного самоуправления.

Понятия структуры, как, впрочем, и системы органов местного самоуправления законодательство не содержит, в связи с чем возникают трудности в их интерпретации. Представляется, что под структурой принято понимать перечень органов и управленческие связи, возникающие между ними. Структура определяется представительным органом муниципального образования либо населением в небольших по численности муниципальных образованиях.

Так, в Постановлении от 30 ноября 2000 г. № 15-П Конституционный Суд РФ сформировал правовую позицию, согласно которой компетенционная самостоятельность местного самоуправления не может быть ограничена региональным законодателем [14]. Это означает, что решать вопросы о структуре органов местного самоуправления вправе либо сами органы местного самоуправления, либо население муниципального образования непосредственно. Органы государственной власти не должны вмешиваться в этот процесс.

С течением времени Конституционный Суд РФ в Постановлении от 01.12.2015 № 30-П сформулировал иную позицию, которая противоречит ранее принятой, а именно указал, что «федеральный законодатель... вправе не только выбирать оптимальные, на его взгляд, на данном этапе варианты (способы) формирования органов местного самоуправления, но и осуществлять разграничение относящихся к установлению общих принципов организации местного самоуправления полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ» [15].

Тем самым Конституционный Суд РФ указал на неабсолютность принципа организационной самостоятельности местного самоуправления, который должен рассматриваться в системе с другими принципами демократии и разделения властей. В настоящее время Федеральный закон № 131-ФЗ предусматривает наличие трех обязательных в структуре органов местного самоуправления, в частности представительного органа муниципального образования, главы муниципального образования, местной администрации. Законодательно определяется и внутренняя организация названных органов местного самоуправления. Например, определяется минимальная численность депутатов представительного органа и предельная квота работающих на постоянной основе и пр.

Знаковым является Постановление Конституционного Суда РФ № 9-П от 18.05.2011 [16]. Именно благодаря ему признается конституционным переход на формирование представительного органа муниципального района из глав входящих в состав муниципального района поселений и депутатов их представительных органов. В этой части Закон о местном самоуправлении признается соответствующим конституционным установкам.

Ряд судей Конституционного Суда РФ высказали свое несогласие с принятым решением, и сделано это было вполне обоснованно. В. Г. Ярославцев, например, призывает вернуться к прямым и справедливым выборам, отмечая, что именно такой способ формирования органов публичной власти соответствует Конституции РФ, учреждающей основы конституционного строя, в число которых входит и народовластие, предполагающее участие народа в принятии управлен-

ческих решений. В противном случае государство, которое не обеспечивает реализацию общепризнанных норм и принципов международного права, в том числе принципа народовластия, нельзя назвать демократическим.

Г. А. Гаджиев указал, что граждане, в соответствии с ч. 2 ст. 32 Конституции РФ, вправе избирать органы местного самоуправления, а согласно ч. 2 ст. 130 Конституции РФ, местное самоуправление осуществляется гражданами путем выборов, что соответствует международным документам, а именно Европейской хартии местного самоуправления (ч. 2 ст. 3).

Федеральный закон № 131-ФЗ закрепил пять организационных моделей местного самоуправления, в которых должности главы муниципального образования и должности главы местной администрации замещаются по-разному. Определение способа избрания главы муниципального образования регулируется региональной властью и закрепляется в региональных законах. Муниципальные образования дублируют положения законов субъектов в своих уставах, поскольку муниципальные правовые акты не должны противоречить законам субъектов РФ. Так, например, в Алтайском крае главы городских округов и муниципальных районов избираются в зависимости от числа переданных на местный уровень государственных полномочий. Закон Алтайского края от 27 ноября 2014 г. № 92-ЗС предусмотрел, что если органы местного самоуправления осуществляют пять и более государственных полномочий, то высшее должностное лицо муниципального образования города и района избирается представительным органом по результатам конкурса из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией. В этом случае он возглавляет местную администрацию. Если же органы местного самоуправления осуществляют менее пяти госполномочий, то законодательно закреплена вариативность избрания главы города и района, как представительным органом, так и на муниципальных выборах. Поскольку органы местного самоуправления городов и районов Алтайского края наделяются более чем пятью государственными полномочиями, то прямые выборы глав городов и районов в Алтайском крае не проводятся.

26 сентября 2019 г. на 35-й сессии Алтайского краевого Законодательного Собрания обсуждался вопрос о возвращении прямых выборов главы города в Барнауле посредством изменения краевого закона. Однако данная инициатива не была поддержана депутатами, и большинством голосом ее отклонили. Один из аргументов заключался в том, что для населения не важно, как избирается глава муниципального образования, главное, что он должен быть управленцем, хозяйственником, профессионально выполнять возложенные на него полномочия. Вместе с тем мнения самого населения никто не выяснял, а возможность участия в муниципальных выборах дает населению право непосредственно определиться с кандидатурой на должность главы муниципального образования, укрепляет связь между населением и главой города, повышает ответственность главы перед своими избирателями.

В частности, А. В. Шарапов, проводивший сравнительную характеристику способов избрания глав муниципальных районов и городских округов Сибир-

ского и Дальневосточного регионов, отмечает, что федеральный законодатель предоставил регионам возможность сокращать выборность местной власти, ограничивая избирательное право граждан, что демонстрирует имеющуюся тенденцию, при которой органы местного самоуправления формируются преимущественно не на муниципальных выборах [20]. Следовательно, население муниципальных образований не вовлекается в выборы главы муниципального образования. Данная ситуация свидетельствует об ограничении прямых выборов органов местного самоуправления и возможности губернаторов определять глав муниципальных образований, исходя из собственных предпочтений [1].

Не согласился с таким подходом судья Конституционного Суда РФ А. Н. Кокотов и в Особом мнении на Постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.2015 г. № 30-П указал, что нормы федерального законодательства существенно ограничивают конституционное право граждан на самостоятельное определение структуры органов местного самоуправления. В этом заключается несоответствие положений Федерального закона № 131-ФЗ статьям 12, 130 и 131 Конституции РФ. Субъекты РФ, по его мнению, получили неоправданно широкие права в определении способа избрания глав муниципальных образований, что «заводит муниципальные образования под регионы», встраивает в единую вертикаль власти.

Таким образом, законодательно предусмотрено реальное избрание населением только представительного органа местного самоуправления. Насколько справляется данный орган с выполнением представительских полномочий, можно судить по его практической деятельности. Представительный орган является избираемым на муниципальных выборах органом и состоит из депутатов. Депутаты представительного органа представляют интересы избравшего их населения муниципального образования. Выполнение представительских функций затрудняется, поскольку решения принимаются без учета мнения населения, руководствуясь зачастую своими собственными интересами. Что касается ответственности неработающих депутатов перед населением, то закрепленную процедуру отзыва депутатов невозможно осуществить, если депутаты избраны по партийным спискам. Кроме того, существующая процедура отзыва в отношении иных депутатов, закрепленная в законодательстве, достаточно громоздка, и требуется наличие не менее 50% голосов избирателей, поданных за отзыв депутата.

К обязательным органам местного самоуправления в муниципальных образованиях относятся представительный, исполнительно-распорядительный, глава муниципального образования. Представительным органом также может формироваться контрольно-счетный орган.

Поскольку структура органов местного самоуправления детально урегулирована на федеральном уровне, то можно говорить об ограничении конституционного права граждан на самостоятельное определение структуры органов местного самоуправления, поскольку на практике полномочия населения сводятся только к встраиванию в эту структуру дополнительных элементов.

Законодательно закреплена компетенционная самостоятельность местного самоуправления. Местное самоуправление в России предназначено для самостоятельного решения населением вопросов местного значения, а также для осуществления полномочий собственника в отношении объектов муниципальной собственности (ч. 1 ст. 130 Конституции РФ).

Ч. 3 ст. 16 Федерального закона № 131 предусматривает право субъектов федерации принимать законы, регламентирующие дополнительные вопросы местного значения городских округов с внутригородским делением с передачей необходимых для их осуществления соответствующих материальных и финансовых ресурсов. До этого нововведения перечень вопросов местного значения был исчерпывающим, а сейчас субъект РФ по своему усмотрению может его корректировать, что свидетельствует о снижении уровня гарантированности местного самоуправления.

Анализ компетенции органов местного самоуправления демонстрирует постоянное увеличение перечня отдельных государственных полномочий, передающихся для осуществления на местный уровень, а некоторые из них передаются ненадлежащим способом, что не позволяет муниципальным образованиям получить соответствующее финансирование. Решение вопросов местного значения, для реализации которых создаются органы местного самоуправления, отходит на второй план, что демонстрирует явное отклонение от предназначения местного самоуправления и его сути. Реализация отдельных государственных полномочий подчинена органам государственной власти того уровня, с которого они передаются органам местного самоуправления. В связи с этим усиливается и подчиненность органов местного самоуправления органам государственной власти, что существенно ограничивает самостоятельность местного самоуправления и не дает возможности надлежащим образом решать закрепленные за муниципальными образованиями вопросы местного значения.

Условия осуществления контроля и его порядок регламентируются федеральными и региональными законами. При этом необходимо руководствоваться принципом соразмерности степени вмешательства контролирующего органа значимости интересов, которые подлежат защите в результате такого вмешательства. В число контролирующих органов входят суды, органы прокуратуры, юстиции, счетные палаты и другие органы государственной власти.

В этой связи В. И. Гончаров справедливо отмечает, что государство в лице своих органов должно иметь возможность осуществлять контроль за исполнением компетенции органами местного самоуправления, а также реагировать в случае нарушения ими законодательства, но в то же время такой контроль не должен быть чрезмерным, поскольку это будет нарушать права местного самоуправления [6, с. 237].

Представляется, что определение форм и способов вмешательства государства в сферу местного самоуправления зависит от модели взаимоотношений государства и местного самоуправления. Вместе с тем следует считать, что в

основе таких взаимоотношений лежит дуализм, сочетающий необходимость обеспечения единства публичной власти и самостоятельность местного самоуправления.

Много вопросов вызывает и ч. 1.2 ст. 17 Федерального закона № 131-ФЗ, предусматривающая, что законами субъекта РФ может осуществляться перераспределение полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта РФ. Ранее перечень вопросов местного значения был сформулирован исчерпывающим образом и мог меняться только посредством изменения базового в сфере местного самоуправления федерального закона. В редакции 2016 г. вышеуказанная норма предоставляет субъекту РФ право по своему усмотрению перераспределять полномочия, в том числе и по решению вопросов местного самоуправления, что вызывает некоторое недоумение. Наблюдается явное противоречие Конституции РФ, поскольку государственные органы не должны подменять собой местные органы власти по решению вопросов местного значения. Кроме того, в постановлении от 30.11.2000 № 15-П Конституционный Суд РФ признал неконституционными нормы Устава Курской области, которые допускали передачу органам государственной власти полномочий, осуществлением которых должны заниматься только органы местного самоуправления или население муниципального образования непосредственно. Перераспределение полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъектов РФ, в соответствии с федеральными законами и законами субъектов РФ, фактически превращает местное самоуправление в один из уровней исполнительной власти.

Отношение Конституционного Суда РФ к самостоятельности местного самоуправления и его взаимоотношениям с органами государственной власти менялось на протяжении всего процесса реформирования местного самоуправления, что дало основание профессору А. Н. Костюкову сделать обоснованный вывод о ликвидации принципа народовластия в сфере местного самоуправления через «изменение компетенционных основ», «изменение территориальных основ», через «изменение организационных основ» [10].

В целях успешной реализации полномочий на уровне местного самоуправления формируется экономическая основа, которая состоит из следующих элементов: местный бюджет, муниципальная собственность и имущественные права муниципальных образований. Одной из задач муниципальной реформы являлось формирование экономической основы местного самоуправления, обеспечение финансовой стабильности муниципальных образований, соответствие расходных обязательств доходной части местных бюджетов, поскольку без финансовой и материальной основы местное самоуправление превратится в фикцию. Однако по-прежнему можно говорить о несоответствии доходов расходным обязательствам. Вопрос об увеличении доходной части местных бюджетов законодательно не решается.

Кроме того, сформировалась судебная практика по принятию решений об отказе в удовлетворении требований муниципальных образований к субъек-

там РФ о финансировании выполненных государственных полномочий. Субъекты РФ связывали завершение финансового года с прекращением принятых на себя финансовых обязательств, в том числе и по исполнению судебных решений. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 18 июля 2018 г. № 33-П указывается на неправоту субъектов РФ и подтверждается право муниципальных образований на удовлетворение их имущественных требований к субъекту РФ. Данное Постановление является знаковым и требует корректировки межбюджетных отношений, направленных в т. ч. на учет правовой позиции Конституционного Суда РФ.

В отличие от предыдущего, Федеральный закон № 131 не перечисляет объекты муниципальной собственности, а в ст. 50 предусматривает, что муниципальное имущество, находящееся в муниципальной собственности, предназначено для осуществления соответствующих полномочий. Из этого положения вытекает, что поскольку муниципальные образования разного вида наделены разным объемом полномочий, то, соответственно, и объекты муниципальной собственности будут различаться.

В последние годы формируется практика привлечения инвесторов в образование, благоустройство, здравоохранение, ЖКХ, то есть для решения публичных задач. Представляется, что этот механизм нуждается в дальнейшем совершенствовании, направленном на четкую регламентацию муниципально-частного партнерства. В 2018 г. в Государственную Думу был внесен проект Федерального закона № 509994-7 «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации», предусматривающий регистрацию региональных брендов, что будет выступать стимулом для повышения инвестиционной привлекательности соответствующей территории и возможностью пополнения местных бюджетов.

В последнее время население стало вовлекаться в финансирование различных проектов и вопросов местного значения (например, инициативное бюджетирование и самообложение). Посредством этих инструментов органы местного самоуправления перекладывают решение своих вопросов на население, что не совсем правильно.

К имущественным правам муниципальных образований традиционно следует относить право собственности, право хозяйственного ведения и оперативного управления, обязательственные права, сервитуты, реализация которых осуществляется на основании законодательства.

Формирование экономической основы местного самоуправления — это достаточно сложный процесс, тесно связанный с правовыми, организационными, территориальными, компетенционными основами местного самоуправления.

Территориальная организация местного самоуправления тоже имеет ряд проблем. Проводимая реформа территориальных основ характеризовалась децентрализацией и переходом к двухуровневой модели, предполагающей создание муниципальных образований отдельных поселений (городских и сельских), составляющих первый уровень, и муниципальных районов, составляющих второй

уровень территориальной организации местного самоуправления. В результате бессистемных изменений сложилось несколько структур территориальной организации местного самоуправления, которые сложно сочетаются на практике.

Изменение территориальных основ местного самоуправления, в силу действующего законодательства, допускается только с учетом мнения населения. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 24 января 1997 г. № 1-П определено, что референдум является наиболее подходящей формой, позволяющей учесть мнение населения при изменении территориальных основ. Таким образом, референдум называется в качестве одной из форм учета мнения населения, иных же форм при этом не предусматривается. Это вызывает некоторое недоумение, поскольку иные способы выявления мнения не будут способствовать реализации установленных законодательством правовых гарантий при изменении территориальных основ местного самоуправления. В этой связи представляется единственно верной процедурой проведение референдума.

В процессе изменения территории муниципальных образований мнение населения должно быть не только выявлено, но и учтено при принятии окончательного решения, поскольку законодатель придал данной норме императивный характер.

На сегодняшний день городские территории расширяются за счет сельских, однако имеющаяся правовая основа изменения территорий муниципальных образований не учитывает интересы городских и сельских территорий. Это не должен быть механический процесс. Любое преобразование необходимо обосновать, действуя по принципу «не навреди».

С мая 2019 г. введен новый вид муниципальных образований — муниципальный округ, представляющий собой несколько объединенных общей территорией населенных пунктов, не являющихся муниципальными образованиями, где местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления, которые могут осуществлять передаваемые им государственные полномочия федеральными или региональными законами. Считается, что если на местном уровне будет принято решение о создании муниципального округа, то он получит необходимые ресурсы, сократятся расходы на содержание органов местного самоуправления и число муниципальных служащих. Однако есть и риски. Напрямую мнения населения спрашивать по данному вопросу не будут, их интересы будут представлять их избранники.

В целом тенденция укрупнения муниципальных образований негативно отражается на поселенческом уровне местного самоуправления. Вместе с тем данный процесс противоречит ч. 1 ст. 131 Конституции РФ, которая закрепляет осуществление населением местного самоуправления в первую очередь на первичном — поселенческом — уровне.

Население как субъект местного самоуправления

В качестве субъекта местного самоуправления население предусмотрено в Конституции РФ, в ст. 130 которой определено: «Местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения...».

Представляется, что российское законодательство более демократично при определении местного самоуправления, чем Европейская хартия местного самоуправления. В ст. 1 Федерального закона № 131-ФЗ в решении вопросов местного значения отдается приоритет такому субъекту местного самоуправления, как население. Структура базового Закона о местном самоуправлении также свидетельствует о приоритетности и значимости населения и форм непосредственного осуществления местного самоуправления (эти нормы располагаются в начале).

Ст. 22-33 Федерального закона № 131-ФЗ устанавливают различные формы непосредственного осуществления воли населения в решении вопросов местного значения. Однако, несмотря на легальное закрепление широкого перечня форм непосредственного осуществления населением местного самоуправления и видов участия населения в осуществлении местного самоуправления, реализуются не все из них в равной мере. Это вызвано тем, что де-юре они закреплены, а де-факто механизмы реализации этих форм не отработаны, и реализовать их на практике невозможно либо проблематично.

Представляется интересной позиция С. Г. Соловьева, который раскрыл субъектный состав современного механизма осуществления местного самоуправления в России через население муниципального образования и муниципальных чиновников [17]. Буквально толкуя положения ч. 2 ст. 1 Федерального закона № 131-ФЗ, С. Г. Соловьев пришел к выводу, что субъектами осуществления местного самоуправления являются: 1) население непосредственно; 2) население непосредственно и органы местного самоуправления; 3) органы местного самоуправления. Следовательно, законодатель допускает возможность, при которой население муниципального образования не участвует в осуществлении местного самоуправления. В связи с этим абсолютно справедливо вызывает опасения у автора подобная правовая возможность, поскольку это подрывает демократическую основу местного самоуправления. Законодательное закрепление не исчерпывающего перечня форм непосредственного осуществления населением местного самоуправления и видов участия в нем не свидетельствует об их реальном использовании. К сожалению, ряд форм участия населения в местном самоуправлении являются не востребуемыми (напр., правотворческая инициатива граждан, публичные слушания, голосование по отзыву депутатов представительных органов муниципального образования) по причине громоздкости процедур реализации или недоверия жителей муниципального образования органам власти ввиду отсутствия реального механизма воздействия населения на принятие управленческих решений посредством органов местного самоуправления.

Местное самоуправление представляет собой одну из важнейших институциональных основ современной демократии, чем и обусловлено его конституционно-правовое установление. На такую особенность местного самоуправления обращал внимание и В. И. Васильев, который отмечал, что самоуправление населения муниципальных образований зачастую подменяется самоуправлением муниципальных чиновников [3, с. 5].

Соотношение компетенции органов местного самоуправления и населения демонстрирует явное преимущество органов местного самоуправления. С одной стороны, это оправдано тем, что органы местного самоуправления осуществляют его непрерывно, а следовательно, никаких сбоев в их работе и, соответственно, в жизнедеятельности населения муниципального образования не может произойти. Однако, с другой стороны, это означает ослабление правовых механизмов непосредственного участия населения в осуществлении местного самоуправления.

Население муниципального образования как субъект местного самоуправления все больше отодвигается от его реального осуществления. Это понимают и жители муниципальных образований, именно поэтому у них формируется пассивная позиция, о чем свидетельствует, например, явка избирателей на муниципальных выборах. Население становится незамотивированным, инертным, оно не может реально повлиять на принятие органами местного самоуправления управленческих решений.

Вместе с тем основной целью создания муниципального образования представляется объединение граждан для решения местных проблем, удовлетворения своих нужд и осуществления нормальной жизнедеятельности. Только осознав свою востребованность, понимая, что от него что-то зависит, население муниципального образования станет полноценным субъектом местного самоуправления.

Сегодня государство пытается вести диалог, активно взаимодействует с экспертами в сфере местного самоуправления, проводятся совместные мероприятия, создаются рабочие группы, организуются научные конференции, круглые столы, однако решения пока принимаются не в пользу местного самоуправления.

Еще 15 лет назад профессор В. И. Васильев писал: «...местное самоуправление в последнее десятилетие, будучи утвержденным в качестве одной из основ конституционного строя, оказалось на обочине государственных забот. Несмотря на многочисленные программы государственной поддержки местного самоуправления, муниципалитеты, во всяком случае значительная их часть, хирели. Конституционные принципы самостоятельности местного самоуправления привели на деле не только к отделению местного самоуправления от государства, но, к сожалению, и к отделению государства от самоуправления» [4, с. 6]. Вынуждены констатировать, что сказанное В. И. Васильевым в далеком 2004 г. актуально и в настоящее время.

Однако органы местного самоуправления и само население не должны быть пассивными и ожидать изменения курса государственной политики. Представляется, что важной задачей на данном этапе является развитие и воспроизводство человеческого капитала муниципальных образований. Задачи, стоящие перед органами местного самоуправления, свидетельствуют о новом качестве муниципальных служащих. В условиях рыночной экономики, глобальных процессов цифровизации требуются образованные, профессиональные лидеры, обладающие определенными личностными, психологическими качествами, коммуникативными навыками. Формирование местной элиты является процессом необхо-

димым и неизбежным для формирования местных сообществ. Воспроизводство местной элиты зиждется на таких механизмах, как включение в кадровый резерв, проведение конкурсных процедур, ротация, правовые процедуры отбора (например, выборы) и др. Для отражения интересов населения муниципального образования необходима активность политической и экономической элиты и понимание ею реальных ценностей демократии. В связи с этим потребуются качественное использование ресурсов, поддержка развития предпринимательского сообщества, активизация всех форм участия населения в решении местных дел, а также повышение эффективности деятельности органов местного самоуправления.

Процессы, связанные со встраиванием органов местного самоуправления в единую вертикаль власти и возложением на него государственных функций, имеют негативные последствия. Прежде всего это выражается в том, что население как основной субъект местного самоуправления не имеет права голоса при принятии решений, касающихся его же жизнедеятельности, вследствие чего у населения меняется отношение к власти, растет недоверие.

Критика местного самоуправления в вопросах инертности населения и нежелания брать на себя ответственность необъективна, поскольку нельзя нести ответственность за решение вопросов, в принятии которых не принимаешь участия. Проводимые реформы местного самоуправления способствуют снижению роли местного самоуправления и умаляют его назначение. В результате постоянных изменений в законодательстве о местном самоуправлении наблюдается увеличивающееся вмешательство государства в лице его органов в решение вопросов местного значения и ограничение права граждан на местное самоуправление уже на «законных» основаниях.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что существующее положение местного самоуправления не соответствует своему конституционно-правовому закреплению. Провозглашенные государством цели, направленные на совершенствование основ местного самоуправления и обеспечение гарантий его самостоятельности, не соответствуют реальным результатам. Проводимые муниципальные реформы разрушили организационные, территориальные, компетенционные, правовые основы местного самоуправления. У местного самоуправления отсутствует достаточная и эффективная база для своего дальнейшего развития. Местное самоуправление продолжает восприниматься как часть государственной системы, предназначенная претворять в жизнь проводимую государственную политику и решать вопросы на отдельных территориях. Население фактически отстранено от решения местных проблем, реальные механизмы его участия в осуществлении местного самоуправления отсутствуют. Формы непосредственного осуществления местного самоуправления и виды участия в осуществлении местного самоуправления применяются ограниченно, активность населения снижается, дистанция между населением и органами местного самоуправления

растет. Активное участие органов государственной власти субъектов Российской Федерации в жизни местного самоуправления, а также централизация правового регулирования основ местного самоуправления позволяют констатировать, что на современном этапе огосударствление местного самоуправления — свершившийся факт. Можно ли повернуть этот процесс вспять? Представляется, что это возможно только благодаря усилиям государства и применению целенаправленных политических методов. Следует согласиться с точкой зрения В. И. Васильева, что в российском государстве следует предусмотреть достаточные конституционные гарантии осуществления местного самоуправления. Это обусловлено тем, что местное самоуправление учреждается сверху, а не снизу, как и должно быть [5, с. 116]. Необходимо помнить, что в государстве, обладающем огромной территорией и региональными различиями, попытки установить жесткую вертикаль власти заведомо обречены [11, с. 135].

Имеющаяся система организации власти и распределение полномочий между различными уровнями нуждаются в пересмотре. Полномочия должен реализовывать тот уровень власти, у которого имеются соответствующие финансовые возможности для этого. При этом необходимо учитывать национальные, территориальные, культурные, климатические, экономические и иные особенности регионов и муниципальных образований.

В целях реализации реального участия граждан в осуществлении местного самоуправления и принятия управленческих решений необходимо направить государственную политику на пересмотр правовых основ местного самоуправления, предусмотреть действенные гарантии самостоятельности местных сообществ, усилить механизмы контроля населения над органами местного самоуправления, сосредоточить внимание на развитии форм непосредственного осуществления местного самоуправления и, конечно же, возврате всеобщих выборов глав муниципальных образований.

Построение местного самоуправления — это дорога с двусторонним движением. Если рассчитываем получить эффект от местного самоуправления, нужно определенно идти ему навстречу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеев Д. А. Демократическая иллюзия участия народа в формировании органов публичной власти в России / Д. А. Авдеев // Правовая политика и правовая жизнь. 2011. № 4 (45) С. 23-30.
2. Аничкин Е. С. Местное самоуправление как конституционная ценность в решениях Конституционного Суда РФ / Е. С. Аничкин, О. Л. Казанцева // Алтайский юридический вестник. 2013. № 4 (4). С. 19-24.
3. Васильев В. И. Законодательство о местном самоуправлении: сегодня и завтра / В. И. Васильев // Местное право. 2014. № 6. С. 5.
4. Васильев В. И. Государственная власть и местное самоуправление: продолжение спора / В. И. Васильев // Конституционные и законодательные основы местного самоуправления в Российской Федерации: сборник научных трудов. М., 2004. С. 6.

5. Васильев В. И. Местное самоуправление / В. И. Васильев. М., 1999. 453 с.
6. Гончаров В. И. Институализация системы местного самоуправления в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование / В. И. Гончаров. М.: Проспект, 2015. 272 с.
7. Казанцева О. Л. Местное самоуправление в России: курс на централизацию / О. Л. Казанцева // Алтайский юридический вестник. 2016. № 3 (15). С. 36-39.
8. Кандрина Н. А. Публичная власть в современной российской государственности / Н. А. Кандрина // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 3 (91). С. 92-96.
9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
10. Костюков А. Н. Исчезающее народовластие / А. Н. Костюков // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 8. С. 61-64.
11. Мирзаев М. А. Проблемы взаимодействия муниципальных органов власти и населения / М. А. Мирзаев, Р. М. Карибов // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2017. Том 32. № 3. С. 128-135.
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.01.1997 № 1-П «По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года „О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике“» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 5. Ст. 708.
13. Право Совета Европы и Россия / отв. ред. И. П. Скворцов. М.: Краснодар, 1996. С. 245-254.
14. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2000 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного Закона) Курской области в редакции Закона Курской области от 22 марта 1999 г. „О внесении изменений и дополнений в Устав (Основной Закон) Курской области“» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 50. Ст. 4943.
15. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 декабря 2015 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации“ и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области „Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области“ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Вестник Конституционного Суда РФ. № 2. 2016.
16. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.05.2011 № 9-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 части 4 и части 5 статьи 35 Федерального закона „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации“ в связи с жалобой гражданина Н. М. Савостьянова» // Сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 21.05.2019).
17. Соловьев С. Г. Местное самоуправление в России: самоуправление населения или самоуправление муниципальных чиновников? / С. Г. Соловьев // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 8. С. 61-65.

18. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
19. Чихладзе Л. Т. Развитие местного самоуправления в рамках концепции федеральных законов «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 4. С. 40-48.
20. Шарапов А. В. Региональные практики применения процедур избрания глав муниципальных образований в период 2015-2017 гг. (на примере Сибирских и Дальневосточных регионов) / А. В. Шарапов // Society and Security Insights. 2018. Том 1. № 4. С. 158-167.
21. Шугрина Е. С. «Огосударствление» местного самоуправления: формы и пределы / Е. С. Шугрина // Регионоведение. 2005. № 4 (53). С. 47-60.

Olesya L. KAZANTSEVA¹

UDC 342.553

LOCAL GOVERNMENT IN RUSSIA: DE JURE AND DE FACTO

¹ Cand. Sci. (Jur.), Associate Professor,
Department of Constitutional and International Law,
Altai State University (Barnaul)
verwaltung@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3697-9903

Abstract

The analysis of the RF Federal Law of 6 October 2003 No 131-FZ, which enshrines the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation, demonstrates the consistent introduction of amendments aimed at restricting the autonomy of local self-government, which clearly contradicts the constitutional provisions on local self-government. In this regard, it seems necessary to determine the presence of the lower level of public authority (local self-government), for which it is necessary to reveal the conformity of the modern realities of local self-government with constitutional provisions and normative legal acts adopted for their development, that is, correlate de jure and de facto.

The Constitutional Court of the Russian Federation, the highest constitutional justice body, has a great influence on the formation of local self-government in the Russian state. It forms the legal position on the organizational, legal, competence, territorial, financial and economic foundations of local self-government. In this regard, researchers are interested in the legal positions of the RF Constitutional Court regarding the autonomy of local self-government and its relations with state authorities, which have undergone significant changes throughout the entire period of reforming local self-government.

Based on the analysis of changes in the legislation on local self-government and the legal positions of the RF Constitutional Court, this article shows the inconsistency of local self-government at the present stage of its development. Thus, the author proves that there are no working mechanisms for the implementation of local self-government by the population.

This article concludes that the current situation requires special attention and attitude from the state, since without purposeful changes in the state policy in the sphere of local

Citation: Kazantseva O. L. 2019. "Local government in Russia: de jure and de facto". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 5, no 4 (20), pp. 103-121. DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-4-103-121

self-government it is impossible to preserve such postulates enshrined in the Russian Constitution, as democracy and local government.

Keywords

Local self-government, municipal reform, vertical of power, legal regulation, state of local self-government.

DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-4-103-121

REFERENCES

1. Avdeev D. A. 2011. "Democratic illusion of people's participation in forming public authorities in Russia". *Pravovaya politika i pravovaya zhizn*, no 4 (45), pp. 23-30. [In Russian]
2. Anichkin E. S., Kazantseva O. L. 2013. "Local self-government as constitutional value in decisions of constitutional court of the Russian Federation". *Altai Law Journal of Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia*, no 4 (4), pp. 19-24. [In Russian]
3. Vasilyev V. I. 2014. "Legislation on local self-government: today and tomorrow". *Mestnoe pravo*, no 6. [In Russian]
4. Vasilyev V. I. 2004. "State power and local self-government: continuation of the dispute". In: *Constitutional and Legislative Bases of Local Self-Government in the Russian Federation: A Collection of Scientific Papers*. Moscow. [In Russian]
5. Vasilyev V. I. 1999. *Local Self-Administration*. Moscow. [In Russian]
6. Goncharov V. I. 2015. *Institutionalization of the Local Self-Government System in the Russian Federation: Constitutional and Legal Research*. Moscow: Prospekt. [In Russian]
7. Kazantseva O. L. 2016. "Local self-government in Russia: towards the centralization". *Altai Law Journal of Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia*, no 3 (15), pp. 36-39. [In Russian]
8. Kandrina N. A. 2016. "Public Authority in the Modern Russian Statehood". *Izvestiya of Altai State University Journal*, no 3 (91), pp. 92-96. [In Russian]
9. RF Constitution (accepted by the popular vote 12 December 1993) (including the amendments introduced in the RF Laws on the amendments to the RF Constitution of 30 December 2008 No 6-FKZ, of 30 December 2008 No 7-FKZ, of 5 February 2014 No 2-FKZ, of 21 July 2014 No 11-FKZ). *Sobranie zakonodatelstva RF*, 2014, no 31, art. 4398. [In Russian]
10. Kostyukov A. N. 2017. "The disappearing power of the population". *Konstitutsionoe i munitsipalnoe pravo*, no 8, pp. 61-64. [In Russian]
11. Mirzaev M. A., Karibov R. M. 2017. "Problems of interaction between municipal authorities and population". *Herald of Dagestan State University. Series 3. Social Sciences*, vol. 32, no 3, pp. 128-135. [In Russian]
12. RF Constitutional Court Resolution of 24 January 1997 No 1-P "The case concerning verification of the constitutionality of the Udmurt Republic Act of 17 April 1996"

- ‘On the system of state authorities in the Republic of Udmurtia’’. *Sobranie zakonodatelstva RF*, 1997, no 5, art. 708. [In Russian]
13. Skvortsov I. P. (ed.). 1996. *Council of Europe Law and Russia*. Moscow, Krasnodar. [In Russian]
 14. RF Constitutional Law Resolution of 30 November 2000 No 15-P “On the case of verification of constitutionality of certain provisions of the Charter (Fundamental Law) of the Kursk Region as amended by the Law of the Kursk Region of 22 March 1999 ‘On introducing amendments and additions to the Charter (Fundamental Law) of the Kursk Region’”. *Sobranie zakonodatelstva RF*, 2000, no 50, art. 4943. [In Russian]
 15. RF Constitutional Law Resolution of 1 December 2015 No 30-P “On the case of verification of the constitutionality of parts 4, 5, and 5.1 of the Article 35, parts 2 and 3.1 of the Article 36 of the RF Federal Law ‘On the general principles of local self-government organization in the Russian Federation’ and part 1.1 of the Article 3 of the Irkutsk Region Law ‘On certain issues of formation of local self-government bodies of the Irkutsk Region municipalities’ in connection with the request of a group of State Duma deputies”. *Vestnik Konstitucionnogo Suda RF*, 2016, no 2. [In Russian]
 16. RF Constitutional Law Resolution of 18 May 2011 No 9-P “On the case of verification of the constitutionality of the provisions of paragraph 1 of part 4 and part 5 of the Article 35 of the RF Federal Act on the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation in connection with a complaint by the citizen N. M. Savostyanov”. RF Constitutional Court website. Accessed 21 May 2019. <http://www.ksrf.ru> [In Russian]
 17. Solovyov S. G. 2018. “Local self-government in Russia: self-government of the population or self-government of municipal officials?”. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, no 8. [In Russian]
 18. RF Federal Law of 6 October 2003 No 131-FZ “On the general principles of local self-government organization in the Russian Federation” (revised and extended). *Sobranie zakonodatelstva RF*, 2003, no 40, art. 3822. [In Russian]
 19. Chihladze L. T. 2015. “Development of a local self-government within the framework of the concept of the RF Federal Laws ‘On the general principles of local self-government organization in the Russian Federation’ No 154-FZ of 28 August 1995 and ‘On the general principles of local self-government organization in the Russian Federation’ No 131-FZ of 6 October 2003’”. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no 4, pp. 40-48. [In Russian]
 20. Sharapov A. V. 2018. “Regional practices in the application of procedures for the election of heads of municipal entities in the period 2015-2017 (the case of Siberian and Far East regions)”. *Society and Security Insights*, vol 1, no 4, pp. 158-167. [In Russian]
 21. Shugrina E. S. 2005. “‘Stateization’ of local government: forms and limits”. *Regionologiya*, no 4 (53), pp. 47-60. [In Russian]

Алмаз Фирзьярович АБДУЛВАЛИЕВ¹

УДК 343.1+34.1+91

СУДЕБНАЯ ГЕОГРАФИЯ КАК ПРАВОВАЯ НАУКА И УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА

¹ кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и процесса,
Тюменский государственный университет
a.f.abdulvaliev@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-0390-393X

Аннотация

В статье представлены концептуальные основы для формирования нового научного направления «Судебная география», включая предпосылки его создания, научной и теоретической разработанности, как в России, так и за рубежом. Целью исследования является изучение возможности применения географических методов и средств в уголовном праве, уголовном процессе и в судебной деятельности в целом через научное направление «Судебная география».

Автором дается подробное описание основных элементов судебной географии и ее роли и значимости для таких правовых наук, как уголовное право, уголовный процесс, криминалистика, криминология, а также в гражданском процессе и в арбитражном процессе.

Для исследования в качестве основного научного метода выбрана гипотеза, позволяющая показать основные векторы развития судебной географии с учетом тех достижений, которые были ранее достигнуты отечественными и зарубежными учеными. В статье автором указывается роль и место судебной географии в системе правовых наук.

Предложена концепция использования научных географических методов при исследовании различных правовых явлений уголовного и уголовно-процессуального характера, рассмотрена идея построения судебных органов и судебных инстанций с учетом географических и климатических факторов. В связи с этим считается целе-

Цитирование: Абдулвалиев А. Ф. Судебная география как правовая наука и учебная дисциплина / А. Ф. Абдулвалиев // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2019. Том 5. № 4 (20). С. 122-137. DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-4-122-137

сообразным ввести спецкурс «Судебная география», который позволил бы студентам юридических факультетов изучать специфику деятельности судебных органов и органов предварительного расследования с географической точки зрения, а также использовать различные географические методы, включая метод картирования, в учебной и практической деятельности.

Автором резюмируется, что судебная география может стать новой вехой для последующих научных изысканий в географии и юриспруденции.

Ключевые слова

Судебная география, суд, судебная деятельность, уголовное право, уголовный процесс, криминалистика, подсудность, географический фактор, преступление, следственные действия.

DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-4-122-137

Введение

Потребность в изучении влияния географических факторов на уголовное судопроизводство появилась в ходе исследования различных уголовных дел и текстов судебных приговоров по преступлениям, совершенным вне крупных населенных пунктов и на территории с особыми географическими условиями. Впервые подобные детальные исследования начали проводиться автором в 2014 г. Начиная с 2015 г. стали публиковаться первые статьи, посвященные географическому детерминизму в уголовном судопроизводстве. Проведенные исследования позволили выявить закономерность влияния географических факторов на проведение предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел по преступлениям, совершенным в различных удаленных и труднодоступных районах Российской Федерации [1, с. 97-104].

Подробные исследования теории географического детерминизма в уголовном праве и уголовном судопроизводстве обусловили необходимость в изучении нового междисциплинарного научного явления — «Судебной географии».

Теоретическая основа исследования

В качестве основного метода исследования был использован анализ научных трудов отечественных и зарубежных ученых, чьи труды прямо или косвенно затрагивают вопросы взаимоотношения географических наук с правовыми.

В настоящее время существуют различные научные направления географического цикла, изучающие географические явления, в том числе связанные с деятельностью человека. Это экономическая география, политическая география, военная география, аграрная география, гуманитарная география, образная география, геоурбанистика и др., например, есть также теория о создании такого научного направления, как «География чрезвычайных ситуаций (география деятельности МЧС России)» [11]. По аналогии с данными научными направлениями, судебная география смогла бы позаимствовать у этой группы методы и

средства научного познания, а также различные инструменты и подходы, чтобы по-новому, с географической точки зрения, взглянуть на деятельность судебных органов и на правосудие. И в то же время судебная география смогла бы органично вписаться в систему географических и правовых наук. Дело в том, что судебная география может быть междисциплинарной правовой наукой, позволяющей разрешить некоторые юридические вопросы, выстроить эффективную судебную систему и систему подсудности, а также решить многие процессуальные вопросы, с которыми сталкиваются теоретики, практики и законодатели на местах, особенно в тех районах и регионах России, где преобладают особые географические и климатические условия.

На Западе и в других странах подробно изучается такое научное направление, как «Геофорензика», которая по своей сути очень близка к судебной географии, но в основном изучает криминалистические аспекты, вскользь затрагивая судебные органы и уголовно-процессуальные проблемы. Немало зарубежных работ посвящено криминалистическому разделу геофорензики, связанной, например, с поиском захоронений тел [20], использованием географических информационных систем для анализа географических и демографических моделей, связанных с местами совершения преступлений при восстановлении человеческих останков [16], а также применением в криминалистике геоморфологии для изучения рельефа местности и почв в месте совершения преступлений [21].

Успешно за рубежом развивается и изучается такая наука, как «криминалистическая или судебная геология» [19], которая позволяет использовать в криминалистике методы таких наук, как педология, почвоведение, минералогия и петрология, геоморфология, геофизика, географические информационные системы.

В 2019 г. было опубликовано несколько интересных зарубежных научных работ, посвященных, например, вопросам размещения судебных органов в городской среде [14], пространственности судебных процессов с географической точки зрения [17], пробелам правовой системы при рассмотрении дел и споров, возникающих по поводу гидрографических объектов и использования подземных вод [15], и др.

В отличие от зарубежных исследований в нашей отечественной науке дела обстоят несколько иначе. Исследования, связанные непосредственно с судебной географией, практически не проводились. Хотя имеются работы о влиянии географических факторов на те или иные правовые институты [4, с. 79-84; 8]. Отдельные географические аспекты, в частности, рассматривались в трудах ученых-процессуалистов в ходе изучения деятельности органов предварительного расследования [12, с. 16-20; 5, с. 23-24].

Тем не менее следует признать, что судебная география требует отдельного и самостоятельного исследования, в первую очередь с юридической точки зрения — для того, чтобы урегулировать многие вопросы, например уголовно-правового и уголовно-процессуального характеров, через призму методов географических наук.

Судебная география в системе правовых наук

Судебная география в «чистом» виде и как самостоятельная наука пока официально не представлена и детально не изучена. Сложность заключается в том, что данное научное направление имеет междисциплинарный прикладной характер, требующий определения собственного содержания. В то же время существуют и другие научные направления со схожим наименованием и содержанием. Так, в теории права в рамках сравнительного правоведения применяется такое научное направление, как «Правовая география» (или «Юридическая география»), целью которой является изучение правовых систем различных государств на карте мира, их истории и эволюции развития. Однако судебная география все же имеет мало общего с правовой географией, так как имеет несколько иные цели и задачи, а также иные предмет и объект исследования.

Кроме того, существует еще одно научное направление — «Криминальная география» (или «География преступности»), — исследуемое подробно в том числе и отечественными учеными [13], целью которого является изучение криминальной обстановки и уровня преступности в различных регионах страны. Так или иначе, судебная география имеет много общего с данным научным направлением, но в то же время способна изучать иные стороны совершённого преступления, в первую очередь связанные с судебной деятельностью.

По своей сути и характеристикам судебная география может являться, например, частью «Судебной деятельности» и «Уголовного процесса», так как с ними плотно соприкасается. Есть все основания предполагать, что судебная география имеет сходный с этими правовыми науками объект исследования — правоотношения, складывающиеся в связи с деятельностью судов, реализующих функции правосудия и судебного контроля, в том числе в рамках уголовного судопроизводства. Отличительной особенностью в данном случае может быть только изучение деятельности судебных органов с географической точки зрения. Мало того, судебная география, равно как и судебная деятельность и уголовный процесс, имеет схожий с ними метод научного исследования, представляющий собой систему философских, общенаучных и специально-юридических средств и способов познания [10]. При этом она позволит дополнить существующие в правовых науках методы новыми географическими научными средствами, позволяющими по-новому взглянуть на судебную систему и на правосудие по гражданским, арбитражным, административным и уголовным делам.

Судебная география может стать частью такой области исследования в рамках уголовного судопроизводства, как «Современное состояние и тенденции развития науки уголовного процесса», привнеся в нее новые веяния, концепции, идеи и перспективы. В рамках науки «Судебная деятельность» она может существенно трансформировать парадигму во многих областях исследования, посвященных судебным органам.

Судебная география дает возможность для изучения некоторых правовых явлений, правовых вопросов и проблем деятельности судебных органов через такие основные научные географические направления, как экономическая гео-

графия, гидрология, климатология, гляциология, геология, метеорология и др. Подобный подход будет полезен не только судебным, но и следственным органам, а также органам дознания и прокуратуры.

Судебная география как научное направление может органично вписаться в схему прикладных правовых наук, расположенных на стыке юриспруденции и других наук, которые также готовы привнести в судопроизводство свои методы и средства: судебная медицина, судебная психиатрия, судебная фотография и др.

Стоит отметить, что судебная география не должна изучаться только учеными-правоведами и процессуалистами. Очевидно, что она должна также изучаться географами и специалистами из других прикладных наук. Это позволит подчеркнуть междисциплинарный характер судебной географии и даст основу для новых научных открытий, как в юриспруденции, так и в географии.

Нет сомнений в том, что еще предстоит провести немало исследований с тем, чтобы определить место судебной географии в системе правовых и географических наук, а также определить объект и предмет исследования данного научного направления.

Основные векторы научного направления «Судебная география»

Сейчас, в эпоху непрекращающихся судебных реформ, на законодательном уровне разрабатываются новые положения и внедряются новые технологии в существующее судоустройство и в судебную систему в целом, затрагивая еще при этом деятельность органов предварительного расследования и иных участников судопроизводства. Особенно это проявляется при реализации норм права в местностях, обусловленных различными географическими и климатическими факторами.

В свете этого и ввиду своей трансдисциплинарности судебная география может оказать «содействие» в решении многих существующих проблем теории и практики и способна изучать многообразные вопросы правового и организационного характера, в том числе и с использованием географических методов.

В рамках научного направления «Судебная деятельность» таковыми могут быть:

- вопросы территориального устройства судебных органов в регионах, районах и иных муниципальных образованиях Российской Федерации; определение оптимального месторасположения судебных органов на отдельных удаленных территориях (топология суда);
- вопросы оптимального расположения судебных органов в агломерациях и конурбациях, а также в иных городских средах и сельских поселениях;
- вопросы определения территориальной подсудности судебных органов, в том числе отнесение к подсудности тех районов, которые находятся в других регионах или районах субъектов РФ, но географически ближе к судебному органу и имеют хорошую транспортную доступность;
- вопросы установления оптимальной численности и количественного состава судей в судебных органах для правильного распределения нагрузки

- на судей с учетом численности проживающего на подсудной территории населения, количества и сложности рассматриваемых дел с географической точки зрения;
- вопросы целесообразности упразднения судов в одних районах и муниципальных образованиях и их укрупнения в других муниципальных образованиях;
 - вопросы создания новых судебных органов на новых территориях, регионах и районах России;
 - вопросы экстерриториального подхода при формировании кассационных и апелляционных судов (судебных кругов) с учетом географических факторов в России, в том числе и при обеспечении конституционного принципа доступности правосудия [2, с. 43-47];
 - вопросы организации мировой юстиции и перспективы создания сельских судов в «глубинках» Российской Федерации, особенно учитывая тот факт, что нынешние участки мировых судей формируются без учета местной специфики правоотношений [7, с. 10-21];
 - вопросы организации выездных судебных заседаний и формирования института постоянного судебного присутствия в других поселениях (включая вахтовые поселения), тем более что в настоящее время на законодательном уровне и на практике возникло немало трудностей, связанных с созданием подобных судебных органов [9, с. 142-151];
 - вопросы применения цифровых технологий, системы видеоконференц-связи и ГАС «Правосудие» в российских регионах, находящихся на территории с особыми географическими и климатическими условиями.

В рамках уголовного процесса:

- вопросы оптимального построения родовой подсудности с учетом специфики отдельных уголовных дел (на примере передачи уголовных дел по преступлениям террористической направленности по подсудности военным судам);
- вопросы обеспечения доступа участников уголовного судопроизводства и иных граждан к правосудию с учетом отдельных географических и климатических условий;
- вопросы минимизации процессуальных издержек в судопроизводстве, в том числе и для участников уголовного процесса, проживающих на значительном удалении от места расположения судебного органа;
- вопросы обеспечения прав подозреваемого при задержании вне населенных пунктов и в поселениях, расположенных в удаленной местности;
- вопросы организации законного порядка проведения отдельных следственных действий и применения технических средств с учетом особых географических и климатических условий;
- вопросы применения географических методов при проведении отдельных следственных и судебных действий;

- вопросы обеспечения судебного контроля в рамках предварительного расследования и при проведении, например, следственных действий на территориях с особыми географическими и климатическими условиями (как правильно обеспечить осмотр, обыск, выемку и иные процессуальные действия без судебного решения в труднодоступной местности и ввиду невозможности соблюдения процессуальных сроков и требований, указанных в ч. 5 ст. 165 Уголовно-процессуального кодекса РФ, и в тех случаях, когда добраться до судебного органа и уведомить суд о проведении следственного действия ввиду территориальной удаленности и плохой транспортной доступности не представляется возможным);
- вопросы организации предварительного расследования в труднодоступных местностях, в удаленных вахтовых поселениях, зимовках, полярных станциях и геологоразведочных партиях;
- вопросы создания дифференцированных форм уголовного судопроизводства для осуществления предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел по преступлениям, совершенным в арктических регионах и иных районах Арктики, Севера России и Дальнего Востока;
- вопросы создания дифференцированных форм уголовного судопроизводства для осуществления предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел по преступлениям, совершенным в условиях высокогорья;
- вопросы, связанные с отводами судей и реализацией права обвиняемого на рассмотрение его уголовного дела законным составом суда в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 30 УПК РФ, особенно в «малосоставных» судах (где работает трое судей с разной специализацией);
- вопросы организации и проведения процедуры формирования коллегии присяжных заседателей с учетом этнографических и национальных особенностей того или региона Российской Федерации, в том числе и с учетом жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера;
- вопросы планирования и организации оптимальных маршрутов к следственным и судебным органам, связанных, например, с доставкой уголовных дел, направлением жалоб и иных процессуальных документов;
- вопросы совершенствования механизма уголовно-процессуального регулирования с учетом применения норм уголовно-процессуального законодательства на территориях с особыми географическими и климатическими условиями.

В рамках уголовного права:

- вопросы, связанные с особенностями назначения наказания (особенно ограничение свободы, принудительные работы и лишение свободы) и особенностями применения иных мер уголовно-правового характера;
- вопросы отнесения особых географических и климатических условий к обстоятельствам, смягчающим наказание;

- вопросы определения времени совершения преступного деяния (равно как и действие уголовного закона во времени) на территориях с разными часовыми поясами;
- вопросы определения территории действия уголовного закона в пространстве, в том числе в территориальных водах, на континентальном шельфе и исключительной экономической зоне Российской Федерации в Арктике;
- вопросы привязки мест совершения преступлений к природным ресурсам, транспортной инфраструктуре, городским агломерациям, гидрологическим объектам и т. п.;
- вопросы применения геоинформационных систем в уголовном праве.

Отдельно стоит отметить, что судебная география также может направить свои «взоры» на изучение аспектов уголовно-исполнительного права через призму географии: особенности организации и размещения исправительных центров и исправительных учреждений на территории России, особенности исполнения и отбывания наказания в исправительных учреждениях, расположенных на территории с особыми географическими и климатическими условиями, и т. д. Тем более что в российской науке уже проводились фундаментальные исследования в данной области [3].

Судебная география смогла бы многое привнести в криминалистику, позволив с географической позиции дополнить существующие разделы, например, новыми тактическими приемами проведения отдельных следственных действий, новыми способами применения технико-криминалистических средств, например, для получения доказательств в особых географических и климатических условиях и т. п.

Кроме того, судебная география может способствовать изучению криминологических аспектов совершения преступлений. Например, можно по-новому взглянуть на специфику совершаемых преступлений в регионах и районах России в зависимости от урбанистических, географических, климатических и геологических факторов, том числе и в зависимости от социально-экономического благополучия субъектов РФ, или изучить специфику преступлений, совершаемых коренными малочисленными народами Севера.

При этом следует сказать о том, что для решения вышеизложенных вопросов допустимо применение научных методов и механизмов, находящихся на стыке географических и юридических наук, либо имеющих комбинированный характер, например, в области уголовного права, уголовного процесса и географии. В частности, такими методами и механизмами могут быть: использование ГИС-систем и картирование мест совершения преступления в рамках уголовного права и мест расположения судебных органов в рамках уголовного процесса; применение методов экономической географии и географии регионов для определения, в том числе, степени транспортной доступности к следственным и судебным органам, выявления взаимосвязи между уровнем социального-экономического развития районов и уровнем преступности по отдельным деяниям и т. п.

В связи с этим становится очевидной потребность в проведении отдельных научных исследований, посвященных взаимодействию географии и юриспруденции с помощью научных методов.

Нет сомнений в том, что новое научное направление способно выйти за рамки уголовно-правовых наук и может также оказать содействие в изучении гражданского, административного и арбитражного судопроизводства через призму географических наук. Кроме того, есть основания предполагать, что судебная география может послужить теоретической основой для выхода отечественного судопроизводства за пределы нашего государства в случае распространения юрисдикции Российской Федерации на другие государства. Тем более что ст. 12 Уголовного кодекса РФ позволяет это делать, особенно в тех случаях, если преступление было направлено против интересов Российской Федерации либо гражданина Российской Федерации, а также в иных случаях, предусмотренных международным договором Российской Федерации или иным документом международного характера. Подобное правило касается также иностранных граждан и лиц без гражданства, совершивших преступление вне пределов Российской Федерации. В дальнейшем на этой основе может быть сформирована концепция российской судебной системы как международного судебного арбитра, в том числе и по некоторым уголовным делам, что позволит нашей стране сформировать иную геополитику в мире.

Судебная география как учебная дисциплина

В настоящее время в высших учебных заведениях появляются возможности для создания новых учебных курсов, в том числе и с помощью индивидуальных образов, с использованием современных интерактивных технологий и технологий сети Интернет, которые позволили бы студентам познать различные стороны и актуальные проблемы, допустим, уголовного права и процесса, с географической точки зрения. Тем более что за рубежом такая практика уже сложилась.

Судебная география как учебная дисциплина успешно применяется в странах Запада и преподается в университетах. Вот выдержка из аннотации по дисциплине «Судебная география», преподаваемой в Калифорнийском государственном университете (г. Нортридж): «Этот курс предназначен для того, чтобы помочь студентам научиться использовать инструменты и методы судебного географа, чтобы они могли подготовиться к проведению исследований в области криминологии или к карьере в области уголовного процесса» [16].

Есть все основания полагать, что судебная география может преподаваться для студентов, обучающихся на старших курсах юридических факультетов. Причем на первоначальном этапе ее следует рассматривать как спецкурс, позволяющий студентам научиться пользоваться многими инструментами и средствами, позаимствованными из географических наук.

Помимо теоретических основ, студенты в рамках судебной географии могут освоить следующие навыки:

- работа с географическими картами регионов, районов и муниципальных образований для определения территориальной подсудности судебных органов различных инстанций;
- картирование мест совершения преступлений с последующим определением закономерностей и поиском взаимосвязей между деяниями и местностью, где они совершались;
- использование теории и методики «образной географии» [6, с. 25-50], например, в построении графов, схем и иных изображений;
- сопоставление полученных геоданных с судебной статистикой и другими показателями по преступности;
- работа с базами данных судебных решений по регионам и муниципальным образованиям;
- использование навыков картографии и топографии при отображении графических данных в процессуальных документах (например, при составлении схемы дорожно-транспортного происшествия или осмотра места происшествия);
- анализ специфики территории совершаемых преступлений, имеющих особые социально-экономические, географические и климатические условия, будь то регионы с горной местностью, арктические регионы, труднодоступные регионы, малозаселенные регионы, регионы с развитой и неразвитой транспортной инфраструктурой, ресурсодобывающие регионы, регионы с промышленными центрами, сельскохозяйственные регионы, богатые и бедные регионы и т. п.

Данный спецкурс может научить студентов заниматься пространственным анализом в рамках правовых дисциплин, веб-картографированием места преступления и применять инструменты прогнозного картирования преступлений, в том числе использование предиктов для прогнозирования преступлений в городских и сельских поселениях. Нет сомнений в том, что при дальнейшем развитии научных знаний на стыке географии и юриспруденции можно расширить тематику преподаваемой для студентов дисциплины.

В целом предмет «Судебная география» с учетом его прикладного характера поможет студентам применять различные научные методы географических наук в судебной и в правоохранительной деятельности.

Заключение

Итак, что из себя представляет судебная география? Может ли она считаться наукой, есть ли у нее собственный предмет и метод исследования? Может ли она дать новый вектор развитию судебной системы и другим отраслям права? И географическим наукам, и правовым наукам предстоит дать точные ответы на поставленные вопросы. Но уже сейчас можно выделить некоторые тезисы:

1. Судебная география представляет собой геоправовое междисциплинарное прикладное научное направление, целью которого является изучение дея-

- тельности, прежде всего, судебных органов с географической точки зрения, а равно изучение применения географических методов в правовых науках.
2. Несмотря на то, что у нее есть много общего с другими геоправовыми науками, будь то криминальная география, правовая география, гуманитарная география, геофорензика, судебная география может иметь собственный объект исследования, рамки которого еще предстоит установить при последующем изучении данного явления.
 3. Уже сейчас можно сказать, что судебная география способна изучать многие вопросы касательно деятельности судебных органов, включая вопросы месторасположения судов и реализации их эффективности с географической точки зрения. Она способна изучать вопросы уголовно-процессуального характера, связанные, например, с особенностями проведения следственных действий в труднодоступных местностях, с обеспечением доступа к правосудию участников уголовного судопроизводства, проживающих на территории с особыми географическими и климатическими условиями, с реализацией функции судебного контроля и функции правосудия с учетом географических факторов и т. п. Данное научное направление способно по-новому взглянуть на преступления, исполнение наказания и на преступность в целом, предложив для их изучения географические и картографические способы.
 4. Судебная география ввиду своей трансдисциплинарности не может ограничиваться только уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными явлениями. Она способна также изучать деятельность судебных органов в рамках арбитражного, административного и гражданского судопроизводства, и даже выйти за пределы отечественного правосудия.
 5. В рамках познавательной деятельности и когнитивистики в образовательных учреждениях высшего образования считается целесообразным начать преподавать спецкурс «Судебная география» для того, чтобы научить студентов использовать различные методы географических наук в юридической сфере, в том числе и при изучении деятельности следственных и судебных органов и т. п.
 6. В целом судебная география способна дать новый вектор развития для различных научных исследований, как для географов, так и для ученых-правоведов и ученых-процессуалистов, позволив вывести правовую науку на новый уровень.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулвалиев А. Ф. Труднодоступная местность как особое географическое условие, влияющее на расследование и рассмотрение уголовных дел / А. Ф. Абдулвалиев // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 1 (43). С. 97-104.

2. Брежнев О. В. Реформа судебной системы России 2018 г.: конституционно-правовое измерение / О. В. Брежнев // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 1. С. 43-47.
3. Грушин Ф. В. Система факторов, определяющих развитие уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства: автореферат дис. ... доктора юридических наук / Ф. В. Грушин; Ур. гос. юрид. акад. Екатеринбург, 2019. 43 с.
4. Грушин Ф. В. Экономико-географические факторы формирования уголовно-исполнительной политики, уголовно-исполнительного права и законодательства / Ф. В. Грушин // Сибирский юридический вестник «Вопросы уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии». 2016. № 1 (72). С. 79-84.
5. Гумеров Г. Г. О критериях труднодоступности при толковании нормы, предусмотренной ч. 3 ст. 170 УПК РФ / Г. Г. Гумеров // Сборник материалов криминалистических чтений. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2010. С. 23-24.
6. Замятин Д. Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие гуманитарных наук / Д. Н. Замятин // Социологическое обозрение. 2010. Том 9. № 3. С. 25-50.
7. Клеандров М. И. О суде уровня звенности ниже мировой юстиции / М. И. Клеандров // Мировой судья. 2018. № 5. С. 10-21.
8. Малешин Д. Я. Гражданская процессуальная система России / Д. Я. Малешин. М.: Статут, 2011. 495 с.
9. Малков В. П. О судоустройственном и гражданско-правовом статусе постоянного судебного присутствия в составе районного и областного суда общей юрисдикции / В. П. Малков, А. А. Хайдаров // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2014. Вып. 4 (26). С. 142-151.
10. Паспорт специальности 12.00.09, Паспорт специальности 12.00.11 // Официальный сайт Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. Паспорта научных специальностей. URL: <http://arhvak.minobrnauki.gov.ru/316> (дата обращения: 28.08.2019).
11. Пчелкин В. И. Географический фактор в деятельности МЧС России: проблема и пути ее решения: монография / В. И. Пчелкин // МЧС России. М.: ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2013. 130 с.
12. Россинский С. Б. Задержание подозреваемого как мера уголовно-процессуального принуждения / С. Б. Россинский // Российский следователь. 2017. № 3. С. 16-20.
13. Шоткинов С. А. География преступности: вопросы теории и региональные проблемы Сибири / С. А. Шоткинов // Сибирский Юридический Вестник. 2001. № 3.
14. Branco P. City/courthouse building: a mirror game. Examining connections between courthouse buildings and location in the urban environment / P. Branco // International Journal for the Semiotics of Law. 2019. No 32. Pp. 597-620. DOI: 10.1007/s11196-019-09622-7
15. Campero C. 2019. The legal geographies of water claims: seawater desalination in mining regions in Chile / C. Campero, L. M. Harris // Water. 2019. Vol. 11. Iss. 5. 886. DOI: 10.3390/w11050886
16. Forensic geography / Dr. S. M. Graves // California State University, Northridge Site. URL: http://www.csun.edu/~sg4002/courses/Forensic/497F_home.html (дата обращения: 30.08.2019).

17. Jeffrey A. Legal geography 1: Court materiality / A. Jeffrey // *Progress in Human Geography*. 2019. Vol. 43. Iss. 3. Pp. 565-573. DOI: 10.1177/0309132517747746
18. Kolpan K. E. Utilizing Geographic Information Systems (GIS) to analyze geographic and demographic patterns related to forensic case recovery locations in Florida / K. E. Kolpan, M. Warren // *Forensic Science International*. 2017. No 281. Pp. 67-74. DOI: 10.1016/j.forsciint.2017.10.014
19. Mazhari S. A. An introduction to Forensic Geosciences and its potential for Iran / S. A. Mazhari // *Journal of Geography and Geology*. 2010. September. Vol. 2. No 1. DOI: 10.5539/jgg.v2n1p77
20. Molina C. M. Geophysical and botanical monitoring of simulated graves in a tropical rainforest, Colombia, South America / C. M. Molina, J. Pringle, M. Saumett, G. T. Evans // *Journal of Applied Geophysics*. 2016. Vol. 135. Pp. 232-242. DOI: 10.1016/j.jappgeo.2016.10.002
21. Ruffell A. Forensic geomorphology / A. Ruffell, J. McKinley // *Geomorphology*. 2014. Vol. 206. Pp. 14-22. DOI: 10.1016/j.geomorph.2013.12.020

Almaz F. ABDULVALIEV¹

UDC 343.1 + 34.1 + 91

JUDICIAL GEOGRAPHY AS A LEGAL SCIENCE AND ACADEMIC DISCIPLINE

¹ Cand. Sci. (Jur.), Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure, University of Tyumen
a.f.abdulvaliev@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-0390-393X

Abstract

This article presents the conceptual foundations for the formation of a new research field “Judicial Geography”, including the prerequisites for its creation, academic, and theoretical development, both in Russia and abroad. The purpose of the study is to study the possibility of applying geographical methods and means in criminal law, criminal procedure, and in judicial activity in general via the academic direction “Judicial Geography”.

The author describes in detail the main elements of judicial geography and its role and significance for such legal sciences, as criminal law, criminal procedure, criminalistics, and criminology among others.

The employed research methods allow showing the main vectors of the development of judicial geography, taking into account the previous achievements of Russian and worldwide academics. The author indicates the role and place of judicial geography in the system of legal sciences.

This study suggests a concept of using scientific geographical methods in the study of various legal phenomena of a criminal and criminal-procedural nature when considering the idea of building judicial bodies and judicial instances, taking into account geographical and climatic factors. In this regard, the author advises to introduce the special course “Judicial Geography”, which would allow law students to study the specifics of the activities of the judiciary and preliminary investigation authorities from a geographical point of view, as well as to use various geographical methods, including the mapping method, in educational and practical activities.

Citation: Abdulvaliev A. F. 2019. “Judicial geography as a legal science and academic discipline”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 5, no 4 (20), pp. 122-137.

DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-4-122-137

The author concludes that forensic geography may become a new milestone for subsequent scientific research in geography and jurisprudence.

Keywords

Judicial geography, court, judicial activity, criminal law, criminal procedure, forensic science, jurisdiction, geographical factor, crime, investigative actions.

DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-4-122-137

REFERENCES

1. Abdulvaliev A. F. 2018. "Hard-to-reach terrain as a special geographical condition affecting the investigation and consideration of criminal cases". *Yuridicheskaya nauka i pravooxranitelnaya praktika*, no 1 (43), pp. 97-104. [In Russian]
2. Brezhnev O. V. 2019. "Reform of the Russian judicial system in 2018: constitutional and legal dimension". *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, no 1, pp. 43-47. [In Russian]
3. Grushin F. V. 2019. "The system of factors determining the development of the criminal executive policy and the criminal executive law". Dr. Sci (Jur.) diss. abstract. Ekaterinburg: Ural State Law University. [In Russian]
4. Grushin F. V. 2016. "Economic and geographical factors of formation penal policy, criminal law enforcement and legislation". *Siberian Law Herald*, no 1 (72), pp. 79-84. [In Russian]
5. Gumerov G. G. 2010. "On the criteria for inaccessibility in the interpretation of the norm provided for in Part 3 of Art. 170 Code of Criminal Procedure". *Proceedings of Forensic Readings*, pp. 23-24. Barnaul: Barnaulskiy yuridicheskiy institut MVD Rossii. [In Russian]
6. Zamyatin D. N. 2010. "Humanitarian geography: space, imagination and the interaction of the humanities". *Sociologicheskoe obozrenie*, vol. 9, no 3, pp. 25-50. [In Russian]
7. Kleandrov M. I. 2018. "On the court of the level of links below world justice". *Mirovoy sudya*, no 5, pp. 10-21. [In Russian]
8. Maleshin D. Ya. 2011. *The Civil Procedure System of Russia*. Moscow: Statut. [In Russian]
9. Malkov V. P., Khaydarov A. A. 2014. "On the judicial and civil legal status of a permanent judicial presence in the district and regional courts of general jurisdiction". *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Yuridicheskie nauki*, no 4 (26), pp. 142-151. [In Russian]
10. The official Website of the RF Higher Attestation Commission under the RF Ministry of Science and Higher Education. "The passport of the profession 12.00.09, The passport of the profession 12.00.11". Accessed 28 August 2019. <http://arhvak.minobrnauki.gov.ru/316> [In Russian]
11. Pchelkin V. I. 2013. *The Geographical Factor in the Work of the Russian Emergencies Ministry: The Problem and Its Solutions*. Moscow: FGBU VNII GOChS (FTs). [In Russian]

12. Rossinskiy S. B. 2017. "Detention of a suspect as a measure of criminal procedural coercion". *Rossijskij sledovatel*, no 3, pp. 16-20. [In Russian]
13. Shotkinov S. A. 2001. "The geography of crime: theory and regional problems of Siberia". *Siberian Law Herald*, no 3. [In Russian]
14. Branco P. 2019. "City/courthouse building: a mirror game. Examining connections between courthouse buildings and location in the urban environment". *International Journal for the Semiotics of Law*, vol. 32, no 3, pp. 597-620.
DOI: 10.1007/s11196-019-09622-7
15. Campero C., Harris L. M. 2019. "The legal geographies of water claims: seawater desalination in mining regions in Chile". *Water*, vol. 11, no 5, art. 886.
DOI: 10.3390/w11050886
16. Graves S. M. "Forensic Geography". California State University. Accessed 30 August 2019. http://www.csun.edu/~sg4002/courses/Forensic/497F_home.html [In Russian]
17. Jeffrey A. 2019. "Legal geography 1: court materiality". *Progress in Human Geography*, vol. 43, no 3, 565-573. <https://doi.org/10.1177/0309132517747746>
18. Kolpan K. E., Warren M. 2017. "Utilizing Geographic Information Systems (GIS) to analyze geographic and demographic patterns related to forensic case recovery locations in Florida". *Forensic Science International*, vol. 281, pp.67-74.
DOI: 10.1016/j.forsciint.2017.10.014
19. Mazhari S. A. 2010. "An introduction to forensic geosciences and its potential for Iran". *Journal of Geography and Geology*, vol. 2, no 1, September. DOI: 10.5539/jgg.v2n1p77
20. Molina C. M., Pringle J., Saumett M., Evans G. T. 2016. "Geophysical and botanical monitoring of simulated graves in a tropical rainforest, Colombia, South America". *Journal of Applied Geophysics*, vol. 135, pp. 232-242.
DOI: 10.1016/j.jappgeo.2016.10.002
21. Ruffell A., McKinley J. 2014. "Forensic geomorphology". *Geomorphology*, vol. 206, pp. 14-22. DOI: 10.1016/j.geomorph.2013.12.020

ЭКОНОМИКА

Ирина Сергеевна АНТОНОВА¹
Евгений Анатольевич ПЧЕЛИНЦЕВ²
Светлана Николаевна ПОПОВА³

УДК 332.14

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ КЛАСТЕРИЗАЦИЯ МОНОГОРОДОВ И ДИНАМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА*

¹ кандидат экономических наук, доцент
Школы инженерного предпринимательства,
Томский политехнический университет
antonovais@tpu.ru; ORCID: 0000-0002-4993-2904

² Ph. D., кандидат физико-математических наук, доцент
кафедры математического анализа и теории функции,
Томский государственный университет
evgen-pch@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-7496-2606

³ кандидат экономических наук, доцент
Школы инженерного предпринимательства,
Томский политехнический университет
snp@tpu.ru

Аннотация

Статья посвящена проблемам экономического роста и пространственного развития регионов с высокой концентрацией моногородов. Целью исследования является вы-

* Работа выполнена при поддержке гранта президента Российской Федерации для молодых ученых № МК-5598.2018.6.

Цитирование: Антонова И. С. Пространственная кластеризация моногородов и динамическая модель экономического роста / И. С. Антонова, Е. А. Пчелинцев, С. Н. Попова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2019. Том 5. № 4 (20). С. 138-154.
DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-4-138-154

явление факторов развития моногородов на микроэкономическом уровне на основе кластеризации и динамического моделирования моногородов в трех регионах с наивысшей их концентрацией — Кемеровской, Свердловской и Челябинской областях. В работе проводится кластеризация моногородов по показателям энтропии и числу вновь созданных предприятий, позволяющая выделить три «центральных» моногорода в каждом из регионов соответственно — Новокузнецк, Нижний Тагил, Магнитогорск. Кластеризация моногородов с применением нормированного на численность населения показателя числа вновь созданных предприятий позволяет отнести данные города к двум разным кластерам: Новокузнецк против Нижнего Тагила и Магнитогорска с доминированием различных параметров. Корреляционный анализ агрегированной выручки, основных средств, доли моноотрасли, энтропии выручки, числа вновь созданных предприятий трех моногородов позволяет предложить динамическую регрессионную модель. Особенностью данной модели является включение в качестве переменной числа вновь созданных предприятий Нижнего Тагила для всех рассматриваемых городов, а также включение дамми-переменной, отражающей год введения программы развития моногородов. Значимость введения данной переменной подтверждается с применением бутстрап-метода для Новокузнецка. Результаты исследования позволили выявить как общие закономерности развития регионов — положительный эффект снижения доли моноотрасли, а также моноцентричное положение моногородов в регионах на экономический рост, так и их различия — противоречивое влияние фактора разнообразия в «центральных» моногородах, а также отнесение Новокузнецка и Нижнего Тагила с Магнитогорском к разным кластерам. В заключении авторы обосновывают досрочное завершение программы диверсификации моногородов, призванной неэффективной в 2019 г.

Ключевые слова

Моногород, диверсификация, экономический рост, пространственное развитие, энтропия, агрегированная выручка, бутстрап-метод, динамическая регрессионная модель.

DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-4-138-154

Введение

Пространственное развитие городов с позиций новой экономической географии принято связывать с растущим эффектом от масштаба, агломерационным эффектом, вызванным высокой концентрацией трудовых ресурсов и видов экономической деятельности на одной территории, а также значительной диверсификацией экономики. В данной системе факторов моногород, призванный занимать «центральное положение», постепенно переходит на «периферию», что вызвано высокой концентрацией промышленности на одной территории с одной стороны, и низкой диверсификацией видов экономической деятельности, не позволяющей обеспечить достаточный уровень устойчивости городской системе, с другой. Такой «живой» организм, как называет его Н. В. Зубаревич, не

имеет эндогенных источников развития, поскольку создавался искусственным, а не эволюционным путем, отвечая наличию достаточно благоприятных условий, конкурентных преимуществ, эффекта внешнего масштаба и т. д.

В таких условиях поиск факторов экономического роста моногородов, которые послужат дальнейшему развитию, носит крайне актуальный характер. Целью данного исследования является выявление факторов развития моногородов на микроэкономическом уровне на основе кластеризации и динамического моделирования моногородов в трех регионах с наивысшей их концентрацией — Кемеровской, Свердловской и Челябинской областях.

Обзор литературы

Гармоничное развитие города должно сочетать в себе два противоположных вектора развития: концентрацию промышленного производства и укрупнение промышленных структур с одной стороны, достижение разнообразия экономических видов активности и диверсификацию экономики с другой стороны [3, с. 15-28]. При этом существует необходимость достижения определенного баланса между этими векторами, который обеспечит привлекательность города для инвестиционного капитала и развития бизнеса, но при этом сохранит независимость от крупных концентрированных производств и мобильность экономической и социальной среды. При этом диверсификация экономической среды и достижение разнообразия экономических форм, как правило, формируется эволюционно под влиянием географических, исторических факторов [11]. При этом отмечается, что «меньшим» городам труднее достичь разнообразия в экономической структуре. Им не хватает эффекта масштаба.

В условиях высокой централизации государства и жесткого государственного управления возникают искусственные промышленные концентрации и «сверхцентрализованные» институты [13]. Это оказывает влияние на рост асимметрии и неравномерности развития городов. Как пишет Д. Я. Герцберг, политика централизованного перераспределения ресурсов со стороны государства приводит к созданию искусственных городских агломераций, нежизнеспособных в условиях рыночной конкурентной среды [2].

П. Кругман считает, что пространственного неравенства избежать нельзя. Есть факторы «первой природы» (географическое положение и обеспеченность природными ресурсами), и «второй природы» (преимущества агломерационного эффекта, развития человеческого капитала и институциональной среды), которые формируют естественный фон развития каждого города [12]. В каждом случае их сочетание будет различно. Поэтому неравенство развития городов представляет собой естественный процесс, которого невозможно избежать.

Каждая территория, по мнению Д. Норга и Б. Хиггинса, имеет свои «точки роста» [10, 14]. Важно их определить и сформировать модель эффективного развития территории, которая позволит гармонично сочетать потенциал города и современные ограничения социальной и экономической среды. Так, Дж. Фридман предлагает для неравномерно развивающихся территорий модель «центр — пе-

риферия», базовой задачей которой является развитие периферийных городов за счет обеспечения обратного трансфера технологий [9]. В соответствии с положениями модели Алонсо — Мута — Миллса, необходимо учитывать и использовать тот факт, что стоимость аренды земли и плотность населения уменьшаются от центра к периферии [3, с. 45-48].

Глубокая база научных исследований, посвященная развитию городов, тем не менее слабо адаптирована на примере моногородов. Данное исследование вносит теоретический вклад в вопросы пространственного и динамического развития моногородов на основе существующих концепций территориального развития.

Методы исследования

Диверсификация может быть эффективна только при условии снижения концентрации видов экономической деятельности без потери положительной динамики экономической активности. Устраняя проблему агрегированного показателя выручки по моногороду (инфляция, проблема «двойного счета» в отсутствии данных о добавленной стоимости), в данном исследовании предлагается применить динамику численности вновь созданных предприятий в качестве индикатора экономической активности территории (*QCE*), а также *QCE* на 10 тыс. численности населения для устранения эффекта масштаба. Показатель диверсификации предлагается оценить на основе показателя энтропии (*E*), представленного в формуле (1).

Энтропия как показатель диверсификации моногородов определена как:

$$E_i = \sum_{i=1}^n Y_i \ln \frac{1}{Y_i}, \quad (1)$$

где Y_i — соотношение выручки предприятия и агрегированной выручки моногорода.

Сопоставление параметров *E* и *QCE* на основе кластерного анализа позволит выявить группы моногородов с различным уровнем эффективности диверсификации. При этом выявленные кластеры предлагается исследовать с точки зрения пространственного развития. Неоднократные исследования факторов экономического роста территорий (в т. ч. моногородов) свидетельствуют о том, что именно численность населения становится как ключевым параметром развития муниципалитета, так и «лакмусовой бумажкой» потенциальных мест концентрации экономической активности. Выборка моногородов для кластерного анализа включает 49 моногородов трех регионов — Кемеровской, Свердловской и Челябинской областей из сформированной ранее базы данных [1]. Данные получены на основе финансовой отчетности предприятий, представленной в информационно-аналитической системе «СПАРК» за 19 лет (1999-2017 гг.).

Для выявления факторов городского роста предлагается динамическая регрессионная модель, объясняющая факторы изменения агрегированной выручки на примере крупнейших моногородов Кемеровской, Свердловской и Челябинской областей — соответственно моногородов Новокузнецка, Нижнего Тагила и Магнитогорска. Данными для модели являются показатели за 1999-2017 гг. по агре-

гированной выручке (B_i), энтропии выручки (E_i), доле моноотрасли (CR_i), основным средствам (OC_i) с введением дамми-переменной (DV), отражающей факт начала реализации программы диверсификации экономики моногородов. Для формализации модели при $i = 1$ значение переменной характеризует Новокузнецк, при $i = 2$ — Нижний Тагил; при $i = 3$ — Магнитогорск. Для повышения качества статистического анализа данных применяется бутстрап-метод на примере моногорода Новокузнецка.

Результаты исследования

Простое сопоставление показателей E и QCE по данным за 2017 г. представлено на рис. 1. Рисунок четко отражает пространственное неравенство на территории каждого из рассматриваемых регионов. Сформировано моноцентричное распределение экономической деятельности не только в пределах муниципалитетов, но и на уровне региона. То есть помимо внутримunicipального неравенства, связанного с природой функционирования моногородов, присутствует межмуниципальное неравенство, сконцентрированное в Новокузнецке (Кемеровская область), Нижнем Тагиле (Свердловская область) и Магнитогорске (Челябинская область). Мы видим проявление модели «центр — периферия» [9] среди моногородов.

Новокузнецк, Нижний Тагил и Магнитогорск среди моногородов становятся некими «центральными местами», укрепляющими существование остальных моногородов в регионе. Тот факт, что это крупнейшие из моногородов в регионах, «вторые города» [5], позволяет им активно пользоваться агломерационным эффектом. Для того чтобы сопоставить уровень диверсификации (E) без учета эффекта масштаба, поделим QCE на 10 тыс. населения и проведем кластеризацию моногородов методом k -средних. Результаты позволяют выделить 6 кластеров моногородов, что представлено на рис. 2 и в таблице 1.

Принимая во внимание динамику параметров за период 2013-2017 гг., следует отметить тот факт, что без учета масштаба городов не удастся выделить очевидных лидеров, имеющих одновременно высокий уровень диверсификации и число вновь созданных предприятий на 10 тыс населения. Так, кластер 1, имея наиболее высокие показатели числа вновь созданных предприятий, при этом имеет наиболее концентрированную экономическую активность. Напротив, кластер 6, имея сравнительно более низкое число вновь созданных предприятий с учетом численности населения, в целом более диверсифицирован. При этом крупнейшие города Новокузнецк, Нижний Тагил и Магнитогорск попадают в различные кластеры — 4 и 6 (таблица 1). Таким образом, моногорода развиваются либо за счет относительно более высокой диверсификации, либо большего числа вновь созданных предприятий.

Особенностью полученной кластеризации является то, что Новокузнецк, попадая в кластер 6 с максимальной энтропией и относительно низким числом вновь созданных предприятий, отличается от Нижнего Тагила и Магнитогорска, имеющих естественные природно-географические сходства.

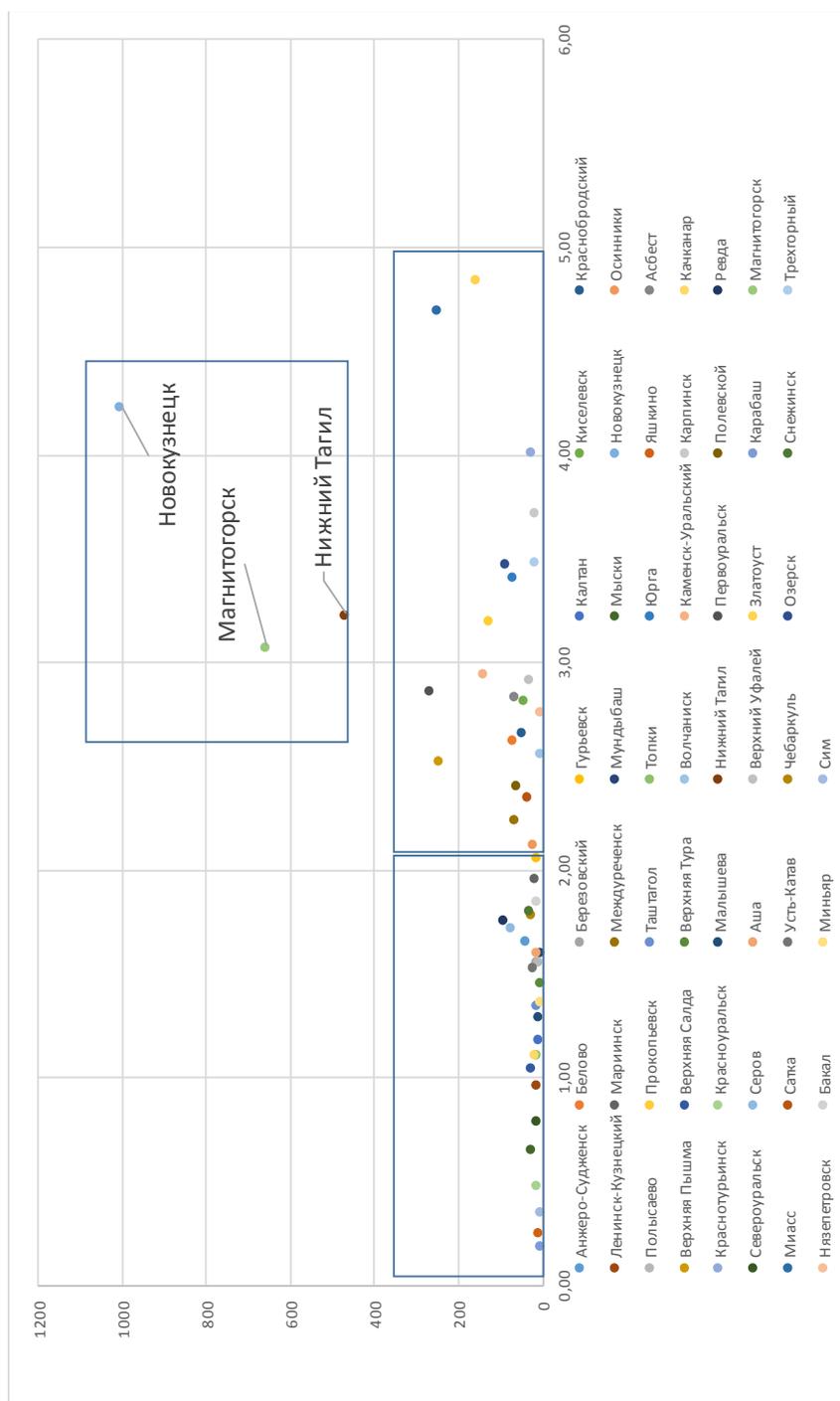

Рис. 1. Распределение моногородов по параметрам E (ось абсцисс), QCE (ось ординат) в 2017 г.

Fig. 1. Single-industry towns by E (abscissa axis), QCE (ordinate axis) in 2017

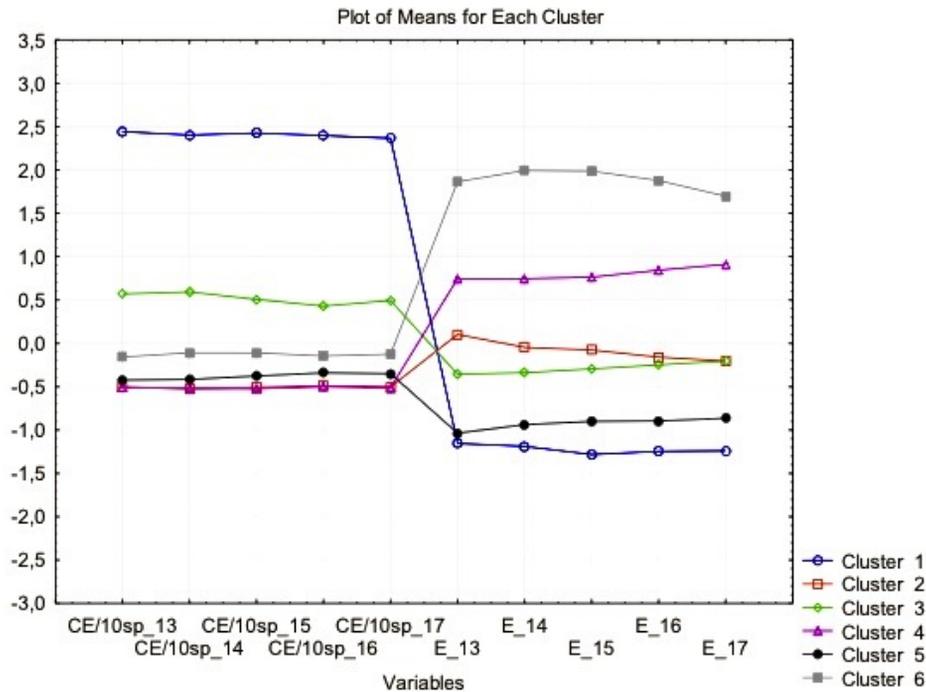

Рис. 2. Кластеризация моногородов по параметрам E и QCE на 10 тыс. населения за период 2013-2017 гг.

Fig. 2. Clusters of single-industry towns by E and QCE per 10,000 people in 2013-2017

Эти города представляют кластер 4, который ниже и по диверсификации, и по числу вновь созданных предприятий. Таким образом, наиболее крупные и развитые моногорода рассматриваемых регионов являются более диверсифицированными, но это не сопровождается сопоставимым числом вновь созданных предприятий, хотя в целом создается в этих городах предприятий значительно больше (см. рис. 1). В связи с этим полагаем, что влияние числа вновь созданных предприятий и диверсификации на экономический рост имеет более сложный характер, для чего проведем корреляционный анализ (таблица 2).

Результаты корреляционного анализа подтверждают возможность применения основных средств и доли моноотрасли 1999-2017 гг. В предыдущих исследованиях [1] авторы приходят к выводу о том, что число вновь созданных предприятий напрямую зависит от ликвидированных, что характерно для Кемеровской области. Авторы связывают данное предположение с возможностью получения налоговых льгот в связи с перерегистрацией, в связи с чем число вновь созданных предприятий в Кемеровской области не в полной мере отражает экономическую активность муниципалитета. Руководствуясь схожестью рассматриваемых «центральных» моногородов Новокузнецка, Нижнего Тагила и Магнитогорска, авторы предлагают проверить гипотезу о «заменяемости»

данного параметра на параметр другого моногорода. Так, число вновь созданных предприятий Новокузнецка заменено на данные Нижнего Тагила, для которого такой зависимости между созданными и ликвидированными предприятиями не наблюдается. То же предложено и для Магнитогорска. Предлагаемая динамическая регрессионная модель имеет вид:

$$y_{1,2,3} = b_1 \times OC_{1,2,3} + b_2 \times CR_{1,2,3} + b_3 \times E_{1,2,3} + b_4 \times QCE_{HT} + b_5 \times DV + \varepsilon, \quad (2)$$

где y — агрегированная выручка 1 — Новокузнецка (соответствует модели 1 в таблице 2), 2 — Нижнего Тагила (модель 2), Магнитогорска (модель 3); OC — основные средства соответственно 1 — Новокузнецка (OC_1), 2 — Нижнего Тагила (OC_2), 3 — Магнитогорска (OC_3); CR — доля моноотрасли городов (в той же последовательности); QCE — число вновь созданных предприятий Нижнего Тагила; DV — дамми-переменная, отражающая год начала реализации программы диверсификации экономики моногорода; b — параметр модели (коэффициент бета); ε — остаток.

Таблица 1

Кластеры моногородов по параметрам E и QCE на 10 тыс. населения за период 2013-2017 гг.

Table 1

Clusters of single-industry towns by E and QCE per 10,000 people in 2013-2017

Кластер	Кемеровская область	Свердловская область	Челябинская область
1	Яшкино	Красноуральск, Североуральск	Карабаш, Чебаркуль
2	Анжеро-Судженск, Березовский, Гурьевск, Мариинск, Междуреченск, Мыски, Осинники	Верхняя Пышма, Полевской, Ревда	Снежинск
3	—	Верхняя Тура, Серов	Аша, Верхний Уфалей, Сатка, Бакал, Миньяр
4	Белово, Киселевск, Юрга,	Асбест, Каменск-Уральский, Карпинск, Краснотурьинск, Нижний Тагил , Первоуральск	Магнитогорск , Трехгорный
5	Калтан, Ленинск-Кузнецкий, Мундыбаш, Полысаево, Таштагол, Топки	Верхняя Салда, Качканар, Малышева	Сим
6	Новокузнецк , Прокопьевск	—	Златоуст, Миасс, Озерск

Оценка параметров модели с применением программного продукта STATISTICA показывает результаты, представленные в таблице 3.

Таблица 2
Корреляционные коэффициенты корреляции $OC_i, B_i, CR_i, E_i, QCE_i$
за период 1999-2017 гг.

Факторы	1	2	3	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1 OC_1	1													
2 OC_2	0,9	1												
3 OC_3	0,9	0,9	1											
4 B_1	0,9	0,7	0,8	1										
5 B_2	0,9	0,9	0,9	0,8	1									
6 B_3	0,9	0,8	0,9	0,9	1,0	1								
7 CR_1	-0,7	-0,6	-0,6	-0,8	-0,6	-0,6	1							
8 CR_2	-0,8	-0,7	-0,5	-0,7	-0,6	-0,6	0,6	1						
9 CR_3	0,5	0,3	0,3	0,5	0,4	0,4	-0,4	-0,7	1					
10 E_1	0,5	0,6	0,6	0,3	0,6	0,6	0,2	-0,4	0,2	1				
11 E_2	0,9	0,7	0,7	0,8	0,7	0,7	-0,6	-0,9	0,6	0,4	1			
12 E_3	0,8	0,8	0,7	0,6	0,6	0,6	-0,5	-0,7	0,1	0,4	0,8	1		
13 QCE_1	0,1	0,2	0,2	0,1	0,4	0,3	0,0	0,3	-0,4	0,2	-0,3	0,1	1	
14 QCE_2	0,3	0,4	0,5	0,2	0,5	0,5	-0,1	0,2	-0,4	0,3	-0,1	0,3	0,9	1
15 QCE_3	0,1	0,1	0,1	0,1	0,3	0,2	-0,1	0,1	-0,3	0,0	-0,2	0,1	0,8	0,7

Таблица 3

Динамическая регрессионная модель роста агрегированной выручки моногородов на примере Новокузнецка (модель 1), Нижнего Тагила (модель 2), Магнитогорска (модель 3) за период 1999-2017 гг.

Table 3

Dynamic regression model of growth of aggregate revenue of single-industry towns on the example of Novokuznetsk (model 1), Nizhny Tagil (model 2), Magnitogorsk (model 3) for the period 1999-2017

	Модель 1		Модель 2		Модель 3	
	<i>b</i>	Std. Err. of <i>b</i>	<i>b</i>	Std. Err. of <i>b</i>	<i>b</i>	Std. Err. of <i>b</i>
Остаток	0	—	0	—	0	—
$OC_{1,2,3}$	0,7766	0,3121	0,6258	0,2435	0,6258	0,2435
$CR_{1,2,3}$	-0,3693	0,2546	-0,1276	0,2891	-0,1275	0,2890
$E_{1,2,3}$	-0,0310	0,2330	0,0998	0,3044	0,0998	0,3043
QCE_{HT}	0,0116	0,1043	0,2966	0,1593	0,2966	0,1593
DV	-0,1367	0,1881	-0,0264	0,1995	-0,0264	0,1995
R_2	0,885		0,847		0,838	
нормированный R_2	0,841		0,732		0,720	
Std. Err. of estimate	0,39901		0,444		0,456	
<i>p</i>	< 0,05					

Примечания: остатки нормально распределены с выборочными средним 0,0274 и дисперсией 0,1178. Данные стандартизированы.

Note: remains are normally distributed with a sample average of 0.0274 and a dispersion of 0.1178. The data are standardized.

Полученные модели свидетельствуют о следующем:

1. Ключевым фактором изменения выручки являются основные средства, что соответствует производственной функции Кобба — Дугласа и является достаточно очевидным выводом. Однако высокая значимость данного фактора подтверждает высокую роль моноотрасли в экономическом росте территории.
2. Рост выручки рассматриваемых моногородов определяется одновременным снижением доли моноотрасли, что является фактором эффективности диверсификации.
3. Уровень энтропии положительно влияет на выручку Нижнего Тагила и Магнитогорска и негативно — для Новокузнецка, что позволяет выделить Новокузнецк по данному параметру.

4. Заложенная в модель дамми-переменная, отражающая годы реализации программы диверсификации, значима, но влияет негативно, что характеризует низкую эффективность программы в целом и оправдывает ее досрочное закрытие в 2019 г.

Далее для проверки статистической значимости результатов регрессионного анализа при введении параметра QCE по Нижнему Тагилу для трех моногородов применялся бутстрап-метод по остаткам. Генерировались 1 000 случайных выборок остатков из нормального распределения с выборочными средним 0,0274 и дисперсией 0,1178 (выборочные оценки параметров нормального распределения остатков) и каждый раз проводилась идентификация модели. Результаты усреднялись, полученные параметры модели представлены в таблице 4, сопоставление предсказанного и реального значений — на рис. 3.

Таблица 4

Динамическая регрессионная модель роста агрегированной выручки моногородов на примере Новокузнецка с применением бутстрап-метода за период 1999-2017 гг.

Table 4

Dynamic regression model of growth of aggregate revenue of single-industry towns on the example of Novokuznetsk using the bootstrap method for the period 1999-2017.

	<i>b</i>	Std. Err. of <i>b</i>
OC_1	0,6842	0,1833
CR_1	-0,3868	0,1524
E_1	-0,0254	0,1395
QCE_{HT}	-0,0012	0,0621
DV	-0,0674	0,1073
R_2	0,938	
Нормированный R_2	0,864	
Std. Err. of estimate	0,240	

Таким образом, значимость полученной модели, подтвержденная бутстрап-методом, обуславливает возможность применения числа вновь созданных предприятий на душу населения моногородов — региональных лидеров, находящихся в значительном отдалении. Это подтверждает схожесть процессов экономического развития моногородов в регионах с высокой их концентрацией.

Обсуждение результатов исследования

Зависимость агрегированной выручки от основных средств моногорода в динамике подтверждает один из основных принципов пространственного развития города: инвестиции и производство тянутся к более благоприятной среде, лучшим условиям, где сконцентрированы ресурсы [6]. Рассматриваемые моногорода, обе-

спеченные факторами «первой природы», по П. Кругману [12], с одной стороны, имеют все экономические предпосылки развития, с другой, искусственное их создание, отсутствие эволюционного пути развития не позволяет сформировать достаточно эндогенных факторов устойчивости и развития.

Результаты исследования показывают, что концентрация моногородов в пределах одного региона приводит к внутрирегиональным различиям [8]: четко выделяется региональное «ядро» моногородов в лице Новокузнецка, Нижнего Тагила и Магнитогорска — «вторых городов» Урала [4] и Сибири. Они берут на себя функцию промышленного центра. Однако принцип “cumulative causation” («совокупная причина») [6], проявляющийся в том, что богатые богатеют, бедные беднеют, проявляется не в полной мере. С учетом числа вновь созданных предприятий на 10 тыс. жителей мы не можем однозначно идентифицировать изменения, соответствующие указанному принципу.

Активная государственная политика, к сожалению, пока не дает достаточных результатов, что подтверждается отрицательным влиянием введенной дамми-переменной на агрегированный объем выручки рассматриваемых моногородов. Государственная программа, признанная неэффективной, досрочно прекращена, а все силы направлены на разработку новой. Попытка сформировать точки роста (“growth poles”, [10, с. 31-47]) через территории опережающего социально-экономического развития также не свидетельствуют об эффективности.

Снижение доли моноотрасли рассматриваемых моногородов положительно влияет на агрегированную выручку, при этом общая энтропия растет только для Нижнего Тагила и Магнитогорска. Новокузнецк испытывает отрицательное вли-

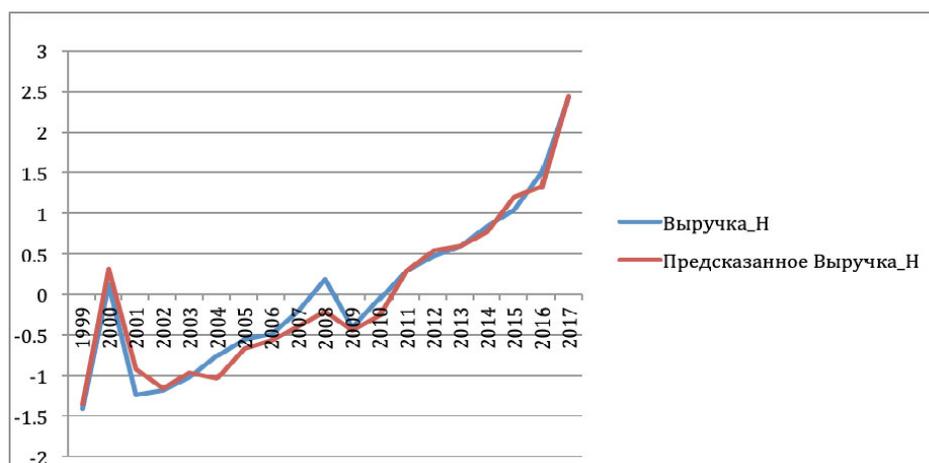

Рис. 3. Модель зависимости агрегированной выручки Новокузнецка от параметров OC , CR , E , DV , QCE в период 1999-2017 гг.

Fig. 3. The model of dependence of the aggregate revenue of Novokuznetsk on the parameters of OC , CR , E , DV , QCE in the period 1999-2017

яние энтропии, что представляет интерес. То есть несмотря на схожесть «вторых» городов Урала и Сибири, позволяющую заменить показатель QCE Новокузнецка тем же параметром Нижнего Тагила в полученной модели, общее разнообразие существующих предприятий по-разному влияет на экономический рост городов.

Несмотря на высокую значимость полученных моделей, из поля зрения не следует упускать и модели «случайного роста» [7], которые фокусируются именно на исследовании остатков, формирующих, помимо основной тенденции, потенциал роста. Данное направление может быть крайне актуальным в плане продолжения исследований с применением регрессионных моделей.

Заключение

Данное исследование посвящено проблемам экономического роста, диверсификации и пространственного развития моногородов. В работе удалось установить как общие закономерности развития регионов с высокой концентрацией моногородов — Кемеровской, Свердловской и Челябинской областей, так и их различия. К числу общих закономерностей следует отнести положительный эффект снижения доли моноотрасли, а также моноцентричное положение моногородов в регионах. Среди различий выделяются различное влияние фактора разнообразия в «центральных» моногородах, а также отнесение Новокузнецка и Нижнего Тагила с Магнитогорском к разным кластерам. Принимая полученные закономерности во внимание, авторы обосновывают общую неэффективность программы развития моногородов и ее досрочное закрытие с надеждой на разработку новой, более эффективной программы развития моногородов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонова И. С. База данных динамического моделирования пространственного развития экономики моногородов / И. С. Антонова, Е. А. Пчелинцев // Информационные технологии в науке, управлении, социальной сфере и медицине: сборник научных трудов VI Международной конференции / под ред. О. Г. Берестневой, В. В. Спицына, А. И. Труфанова, Т. А. Гладковой. Томск: Изд-во Томского политехнического ун-та, 2019. С. 201-204.
2. Герцберг Д. Я. Агломерации как объект экономической политики, государственного регулирования и территориального планирования / Д. Я. Герцберг // *Academia*. Архитектура и строительство. 2015. № 4. С. 98-106.
3. Зубаревич Н. В. Стимулы, парадоксы, провалы. Город глазами экономистов: сборник / Н. Зубаревич, Т. Михайлова, Д. Сиваев, С. Бобылев, Р. Ениколопов, В. Новиков, Л. Полищук, А. Белянин, Ш. Вебер, А. Табах, К. Никитин; сост. В. Азуан. М.: Strelka Press, 2016. 230 с.
4. Трубехина И. Е. Анализ механизмов пространственной концентрации (на примере малого бизнеса в Сибирском Федеральном Округе) / И. Е. Трубехина // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. 2014. Том 14. Вып. 2. С. 101-117.

5. Тургель И. Д. «Вторые» города Урала: от города-завода — к многофункциональным центрам / И. Д. Тургель, Н. Ю. Власова // Региональные исследования. 2016. № 2 (52). С. 43-54.
6. Antonova I. S. Internal market concentration of company town / I. S. Antonova, E. A. Pchelintsev, E. A. Maleeva // Proceedings of XIV International Conference “Russian Regions in the Focus of Changes”. Ekateringurg, 2019. [In Press.]
7. Benini R. Regional disparities and economic growth in Russia: new growth patterns and catching up / R. Benini, A. Czyzewski // Economic Change and Restructuring. 2007. Vol. 40. No 1-2. Pp. 91-135.
8. Duranton G. The Growth of Cities. Handbook of Economic Growth / G. Duranton, D. Pura. Elsevier, 2014. Vol. 2. Pp. 781-853.
9. Friedmann J. The world city hypothesis / J. Friedmann // Development and Change. 1986. Vol. 17. Iss. 1. Pp. 69-83.
10. Higgins B. François Perroux / B. Higgins // Regional Economic Development: Essays in Honour of Francois Perroux / B. Higgins, D. J. Savoie (eds.). London: Routledge, 2017. Pp. 31-47.
11. Jacobs J. The Economy of Cities / J. Jacobs. London: Vintage, [1969]; Routledge, 2016. 288 p.
12. Krugman P. A Dynamic Spatial Model (Working Paper № 4219) / P. Krugman. National Bureau of Economic Research, 1992. URL: <https://www.nber.org/papers/w4219.pdf>
13. Liebowitz S. J. Path dependence, lock-in, and history / S. J. Liebowitz, S. E. Margolis // Journal of Law, Economics, & Organization. 1995. Vol. 11. Iss. 1. Pp. 205-226.
14. North D. C. Institutions / D. C. North // Journal of Economic Perspectives. 1991. Vol. 5. Iss. 1. Pp. 97-112.

Irina S. ANTONOVA¹

Evgeny A. PCHELINTSEV²

Svetlana N. POPOVA³

UDC 332.14

**SPATIAL CLUSTERING OF SINGLE-INDUSTRY TOWNS
AND A DYNAMIC MODEL OF ECONOMIC GROWTH***

¹ Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, School of Engineering Entrepreneurship,
Tomsk Polytechnic University
antonovais@tpu.ru; ORCID: 0000-0002-4993-2904

² Ph. D., Cand. Sci. (Phys.-Math.), Associate Professor,
Department of Mathematical Analysis and Function Theory, Tomsk State University
evgen-pch@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-7496-2606

³ Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, School of Engineering Entrepreneurship,
Tomsk Polytechnic University
snp@tpu.ru

Abstract

This article studies the problems of economic growth and spatial development of regions with a high concentration of single-industry towns. The authors aim to identify the factors of development of single-industry towns at the microeconomic level on the basis of clustering and dynamic modeling of single-industry towns in three regions with the highest concentration — Kemerovo, Sverdlovsk, and Chelyabinsk Regions. This paper performs the clustering of single-industry towns by entropy indicators and the number of newly created enterprises, which allows distinguishing three “central” single-industry towns in each of the respective regions: Novokuznetsk, Nizhniy Tagil, and Magnitogorsk.

* The research is supported by the President of Russian Federation Grant
No MK-5598.2018.6 (Agreement No 075-02-2018-276).

Citation: Antonova I. S., Pchelintsev E. A., Popova S. N. 2019. “Spatial clustering of single-industry towns and a dynamic model of economic growth”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 5, no 4 (20), pp. 138-154.
DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-4-138-154

The clustering of single-industry towns with the use of the population-normalized index of the number of newly created enterprises allows us to refer these cities to two different clusters: Novokuznetsk against Nizhniy Tagil and Magnitogorsk with different parameters dominating. The correlation analysis of aggregate revenue, fixed assets, the share of the single industry, the entropy of revenue, the number of newly created enterprises of three single-industry towns allows suggesting a dynamic regression model. The peculiarity of this model is the inclusion as a variable of the number of the newly created enterprises in Nizhniy Tagil for all the cities under consideration, as well as the inclusion of a dummy variable reflecting the year of introduction of the program for the development of single-industry towns. Using the bootstrap method for Novokuznetsk, the authors have confirmed the significance of the introduction of this variable.

The results of the study have revealed both common patterns of regional development — the positive effect of reducing the share of monaurally and monocentric provision of single-industry towns in the regions for economic growth — and their differences — a contradictory effect of diversity in the central towns, as well as the assignment of Novokuznetsk and Nizhniy Tagil with Magnitogorsk from different clusters. In conclusion, the authors justify the early completion of the program of diversification of single-industry towns, designed to be ineffective in 2019.

Keywords

Single-industry town, diversification, economic growth, spatial development, entropy, aggregate revenue, bootstrap method, dynamic regression model.

DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-4-138-154

REFERENCES

1. Antonova I. S., Pchelintsev E. A. 2019. “Data base for dynamic modelling of spatial development of company towns, Information technologies in science, management, social sphere and medicine”. Proceedings of the 6th International Conference “Information technologies in science, management, social, and medical fields”. Edited by O. G. Berestneva, V. V. Spitsyn, A. I. Trufanov, T. A. Gladkova. Pp. 201-204. Tomsk: Tomsk Polytechnic University. [In Russian]
2. Herzberg D. J. 2015. “Agglomerations as an object of economic policy, state regulation and territorial planning”. *Academia. Architecture and Construction*, no 4, pp. 98-106. [In Russian]
3. Zubarevich N., Mikhailova T., Sivaev D., Bobylev S., Enikolopov R., Novikov V., Polishchuk L., Belyanin A., Weber Sh., Tabakh A., Nikitin K. 2016. *Incentives, Paradoxes, Failures. The City through the Eyes of Economists*. Compiled by V. Azuan. Moscow: Strelka Press. [In Russian]
4. Trubekhina I. E. 2014. “Analysis of spatial concentration mechanisms (small business in the Siberian Federal District)”. *Vestnik Novosibirsk State University. Series: Socio-economic sciences*, no 14 (2), pp. 101-117. [In Russian]

5. Turgel I. D., Vlasova N. Yu. 2016. "The 'second' cities of the Urals: from the factory city to multifunctional centers". *Regional Studies*, no 2 (52), pp. 43-54. [In Russian]
6. Antonova I. S., Pchelintsev E. A., Maleeva E. A. 2019. "Internal market concentration of company town". Proceedings of 14th International Conference "Russian Regions in the Focus of Changes". Ekaterinburg. [In Press] [In Russian]
7. Benini R., Czyzewski A. 2007. "Regional disparities and economic growth in Russia: new growth patterns and catching up". *Economic Change and Restructuring*, vol. 40, no 1-2, pp. 91-135.
8. Duranton G., Pura D. 2014. *The Growth of Cities. Handbook of Economic Growth*. Vol. 2, pp. 781-853. Elsevier.
9. Friedmann J. 1986. "The world city hypothesis". *Development and Change*, vol. 17, no 1, pp. 69-83.
10. Higgins B. [1988] 2017. "François Perroux". In: Higgins B., Savoie D. J. (eds.). *Regional Economic Development: Essays in Honour of Francois Perroux*, pp. 31-47. Routledge.
11. Jacobs J. [1969] 2016. *The Economy of Cities*. London: Vintage; Routledge.
12. Krugman P. 1992. "A dynamic spatial model". Working Paper no 4219. National Bureau of Economic Research. <https://www.nber.org/papers/w4219.pdf>
13. Liebowitz S. J., Margolis, S. E. 1995. "Path dependence, lock-in, and history". *Journal of Law, Economics, & Organization*, vol. 11, no 1, pp. 205-226.
14. North D. C. 1991. "Institutions". *Journal of Economic Perspectives*, vol. 5, no 1, pp. 97-112.

Марсель Малихович НИЗАМУТДИНОВ¹
Алсу Расилевна АТНАБАЕВА²

УДК 338.27

ИНСТРУМЕНТАРИЙ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО И МИГРАЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА НА ОСНОВЕ МЕТОДОВ ИМИТАЦИОННОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ*

¹ кандидат технических наук, доцент,
заведующий сектором экономико-математического моделирования,
Институт социально-экономических исследований —
обособленное структурное подразделение
Уфимского федерального исследовательского центра РАН
marsel_n@mail.ru

² научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований —
обособленное структурное подразделение
Уфимского федерального исследовательского центра РАН
alsouy@mail.ru

Аннотация

Демографическая политика Российской Федерации направлена на повышение численности населения в стране. В связи с этим управленческие решения, принимаемые на уровне регионов, направлены на привлечение квалифицированных мигрантов, повышение рождаемости и снижение смертности. С одной стороны, политика влияет на численность населения, с другой — реакция населения может скорректировать политику. В свою очередь государственные программы рассчитаны на длительный

* Исследование выполнено в рамках государственного задания № 007-00256-18-01 ИСЭИ УФИЦ РАН на 2019 г.

Цитирование: Низамутдинов М. М. Инструментарий прогнозирования естественного и миграционного движения населения региона на основе методов имитационного моделирования / М. М. Низамутдинов, А. Р. Атнабаева // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2019. Том 5. № 4 (20). С. 155-168.

DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-4-155-168

промежуток времени, и возникает необходимость в оценке эффективности принимаемых решений. Для этого нами предложена концепция агент-ориентированной модели демографических процессов на региональном уровне и разработана непосредственно агентная модель, которая нацелена на появление точности прогнозирования численности населения в условиях изменения социально-экономических показателей. В качестве агентов представлены «Человек» и «Регион», каждый из которых обладает своим набором характеристик. Для описания логики поведения агентов применялись статистические (регрессионный и кластерный анализ) и вероятностные (Бернулли, гамма-, бета-, экспоненциальное распределение) методы. Жизненный цикл агента «Человек» представлен в разработанной диаграмме состояний. Апробация агент-ориентированной модели проводилась в рамках задачи прогнозирования численности населения конкретного региона — Республики Башкортостан. В статье также приведены результаты экспериментальных исследований по двум сценариям развития экономики региона (базовому и консервативному). Представлена оценка изменения уровней рождаемости, смертности и миграции на основе применения кластерного и регрессионного анализа.

Ключевые слова

Демографические процессы, миграция, естественное движение населения, агент-ориентированная модель.

DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-4-155-168

Основная часть

На сегодняшний день демографическая политика страны направлена на повышение уровня рождаемости, уменьшение смертности и миграционного оттока населения. Управленческие решения, необходимые для регулирования данных показателей, принимаются на региональном уровне. В связи с этим необходимо формирование эффективных стратегических решений. Для выполнения данной задачи представляется целесообразной разработка демографической модели региона, позволяющей проводить экспериментальные расчеты и обосновывать сценарии развития. Эффективным инструментом является метод имитационного моделирования микро- и макропроцессов. На сегодняшний день как отечественные, так и зарубежные исследователи большее внимание уделяют тому, как социально-экономическая среда влияет на поведение человека [2, 6, 10-11]. Социально-экономическая среда — это место с географически определенными границами, которое также имеет экономические, социальные, информационные и институциональные характеристики. В этом контексте создание модели демографического развития региона, которая будет включать в себя взаимодействующих друг с другом экономических агентов, является актуальной задачей. В статье представлена модель региона для задач прогнозирования численности населения на основе агент-ориентированного моделирования (АОМ). Агент-

ориентированная модель — это совокупность агентов, их характеристик, правил поведения и взаимодействия друг с другом. Отличительной особенностью АОМ является возможность моделирования реакций агентов на внешние социально-экономические факторы и формирование механизмов регулирования численности населения.

В качестве объекта исследования выбран регион с естественным приростом населения (на 2018 г.) — Республика Башкортостан. На основе проведенного анализа поведения человека и влияния на него внешней среды была разработана концепция, описывающая поведение человека, максимально приближенное к реальности (рис. 1). АОМ представлена как набор элементов: агентов («Человек» и «Регион») и блоков естественного и миграционного движения. Для этого были учтены социально-экономические показатели регионов, в которых «проживают» агенты, а также правила поведения человека в определенных условиях.

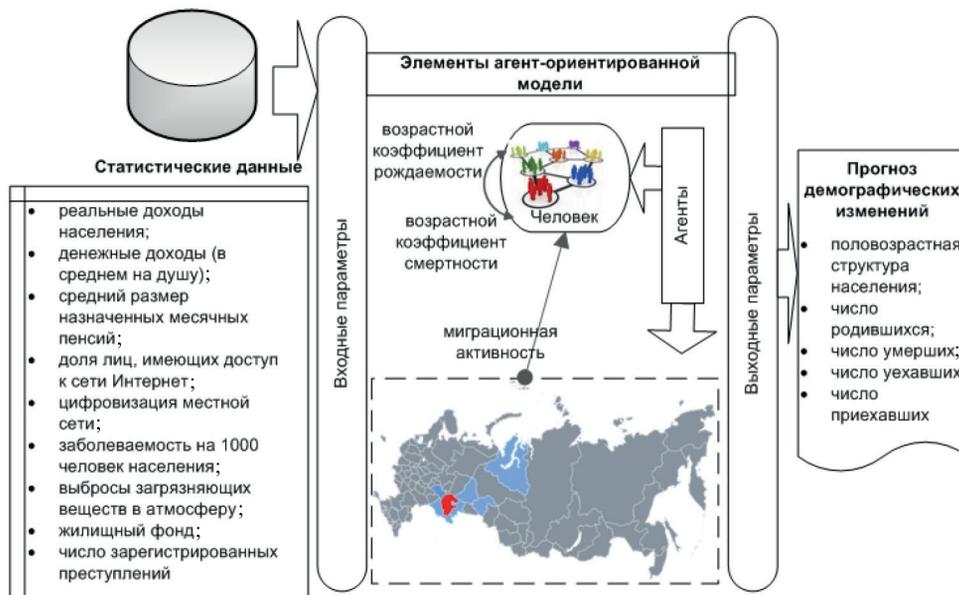

Рис. 1. Концепция агент-ориентированной модели демографических процессов на региональном уровне

Fig. 1. The concept of an agent-based model of demographic processes at the regional level

Для анализа социально-экономических факторов, влияющих на уровень жизни населения, были рассмотрены социальные, экономические, информационные показатели и показатели для сферы здравоохранения. На основе корреляционно-регрессионного анализа были сформированы индивидуальные группы показателей рождаемости, смертности и миграции с учетом возраста и пола, а также получены соответствующие уравнения регрессии, описания которых представлены в ранее опубликованных статьях [1, 7]. На рис. 1 представлен фрагмент схемы, на базе которой проведена оценка влияния социально-эконо-

мических показателей на поведение агентов. В качестве входных данных выступают социально-экономические показатели региона, значения которых формировались на основе долгосрочного прогноза Министерства экономического развития Республики Башкортостан (см. рис. 2).

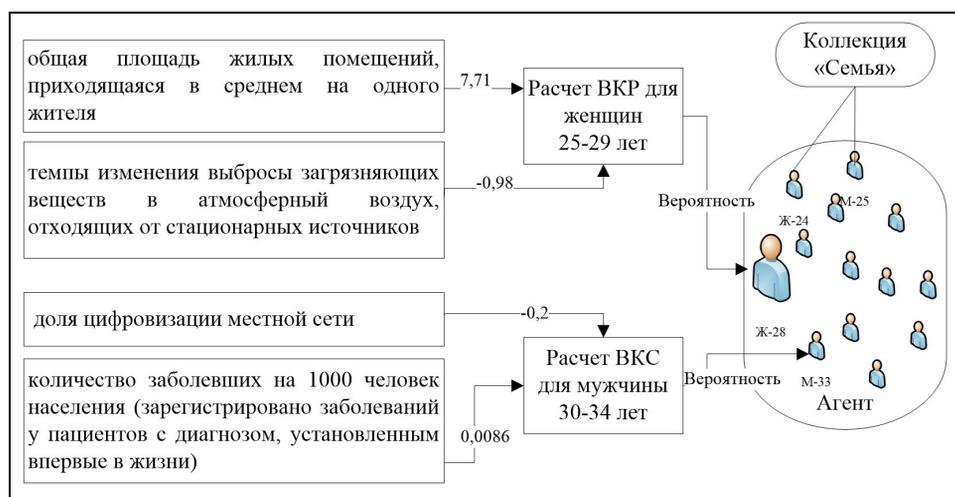

Рис. 2. Фрагмент схемы оценки влияния социально-экономических факторов на поведение агентов

Fig. 2. A fragment of the scheme for assessing the impact of socio-economic factors on agent behaviour

Результаты моделирования формируются в виде статистических данных и выгружаются во внешний Excel-файл в виде табличных данных. В качестве выходных данных выступают:

- численность населения;
- половозрастная структура населения;
- численность населения по трудоспособному возрасту;
- число родившихся в отчетном периоде;
- число умерших;
- число уехавших и приехавших в регион.

Для описания логики поведения агентов в модели применялись следующие экономико-математические методы [4]:

- метод передвижки возрастов для определения возрастной структуры населения;
- вероятностные методы (Бернулли, гамма-, бета-, экспоненциальное распределение) для описания поведения агентов, наиболее приближенного к реальности;
- статистические методы (регрессионный и кластерный анализ), необходимые для прогнозирования значений социально-экономических показателей региона и их влияния на коэффициенты смертности, рождаемости и миграции.

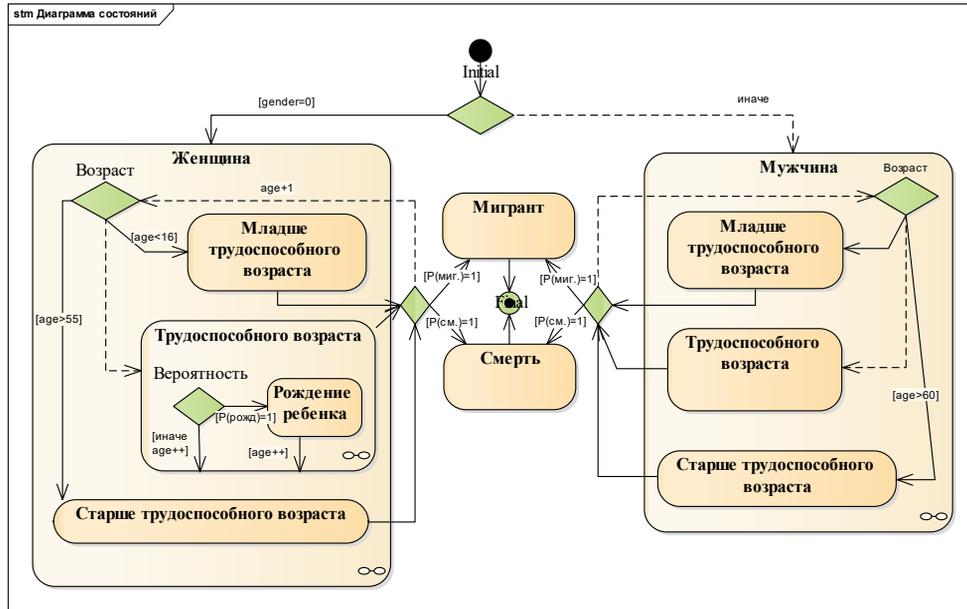

Рис. 3. Диаграмма состояний агента «Человек»

Fig. 3. State diagram of the agent "Person"

Для описания поведения агента в модели построена диаграмма состояний, которая представлена в виде блоков и переходов, описывающих все возможные состояния, в которых может находиться агент (рис. 3). Алгоритм описывает два псевдосостояния: начальное, в котором находится вновь созданный агент, и конечное состояние, которое агент не может покинуть. Диаграмма разделена на 2 больших блока, которые характеризуют состояния агентов женского и мужского пола. Отличие этих блоков заключается в том, что для агентов женского пола есть блок состояний «репродуктивный возраст», в котором реализован механизм создания нового агента.

Проверка вероятности перехода агента из одного состояния в другое и сам переход осуществляется один раз в год, путем сопоставления коэффициентов смертности и миграции. Таким образом, жизнь агентов в модели зациклена, период изменения состояния составляет один календарный год. За этот период агент может перейти в одно из новых состояний (рождение агента, смерть и миграция) или остаться в исходном состоянии, поменяв индивидуальные характеристики в соответствии с заданной логикой.

Для обеспечения адекватности модели были введены такие характеристики агента:

1. «Возраст» — переменная принимает целочисленные значения.
2. «Пол» — это коэффициент, определяющий гендерную принадлежность агента. Может принимать значение 0 (женщина) или 1 (мужчина). Для вновь созданных «родившихся в модели» агентов — «детей» коэффициент

определяется на основе расчета вероятности Бернулли (0,52), что соответствует логике «на 100 девочек рождается в среднем 105 мальчиков (с отклонениями от 104 до 107)» [3].

3. «Место жительства» — данный показатель делит население на городское и сельское, без привязки к географическому расположению.
4. «Интеллект IQ» — это коэффициент оценки общего уровня интеллекта по шкале IQ. Расчет уровня IQ формируется на основе результатов исследований [9], которые утверждают, что уровень интеллекта среди населения подчиняется нормальному закону распределения, где средним значением является 100 баллов и стандартное отклонение 15 ($normal(15, 100)$).
5. «Вид экономической деятельности» — переменная принимает целочисленные значения, соответствующие одному из 15 видов экономической деятельности. Для этого была построена функция вероятностного гамма-распределения, которая имеет вид $F(x)=gamma(1, 15, 2, 0, 3)$, где 1-15 — это диапазон значений, 2 — альфа, порядок смещения распределения, 3 — значение, показывающее, насколько будет растянуто распределение (см. рис. 4).

Рис. 4. Доля трудоспособного населения по видам экономической деятельности

Fig. 4. The share of the working population by types of economic activity

6. «Желаемое число детей» — это количество детей, которое женщина хочет иметь в «идеальных» условиях. На желаемое число детей влияют репродуктивные установки и социально-экономические факторы, формирующие благоприятные или неблагоприятные условия. В основе расчетов вероятностного распределения данного показателя использованы результаты обследования «Семья и рождаемость», проведенного Росстатом [5]. Так, свыше половины респондентов (57,7% женщин) при наличии всех необходимых условий хотели бы иметь двоих детей, а немногим более четверти (25,2% женщин) — троих. С учетом этих данных использовано

экспоненциальное распределение для определения желаемого количества детей, которое имеет вид $exponential(0, 4, 0, 1)$.

7. «Фактическое число детей» — в отличие от предыдущих показателей, рассчитывается в модели и хранит информацию о количестве родившихся детей у одного агента женского пола.

Также в модели реализовано три блока поведения агента «Человек»:

1. Рождение. Данное состояние характерно только для агентов женского пола в возрасте от 15 до 44 лет. Для каждого агента формируются такие показатели, как желаемое и фактическое количество детей. Первый показатель формируется на основе уровня доходов семьи и жилищных условий. Вероятность рождения нового агента определяется путем расчета возрастного коэффициента рождаемости. Для этого был проведен регрессионный и корреляционный анализ на статистических данных по Республике Башкортостан за 2001-2018 гг., в итоге было построено 6 линейных функций демографического потенциала [7].
2. Смерть. Вероятность возникновения неблагоприятного события сопровождает агента на протяжении всего периода проведения эксперимента. В начале каждого годового цикла для агента рассчитывается вероятность смерти на основе возрастного коэффициента смертности, который, в свою очередь, зависит от социально-экономических характеристик региона. В случае, если вероятность будет равна единице, то агент удаляется из модели. Для каждого имитационного периода рассчитываются свои коэффициенты смертности в зависимости от социально-экономических характеристик региона с применением корреляционно-регрессионного анализа. Результаты исследования представлены в работе [1, с. 83].
3. Миграция. В модели рассматриваются два вида миграции — положительная и отрицательная, которые характеризуют количество прибывших и выбывших из региона человек соответственно. На протяжении всего периода проведения эксперимента агент может принять решение о переезде. Для каждого агента «Человек» проводится сравнительный анализ уровня заработной платы и уровня жизни относительно других регионов. Если данное значение выше порогового, агент (с определенной вероятностью) принимает решение о переезде и удаляется из модели. Агенты, приехавшие в регион, создаются в модели с определенными половозрастными характеристиками в зависимости от причины миграции. Для этого были построены 2 линейные функции миграционной активности, описание которых приведено в работе [7].

Для учета половозрастной специфики мигрантов были выявлены пропорциональные отношения по причинам миграции. За последние 10 лет средняя доля убывших в связи с учебной составила 17%, трудовой — 13%, остальная часть характеризует миграцию по другим причинам и составляет 70%. В учебной миграции участвуют агенты в возрасте от 18 до 24 лет, что характеризует

поведение абитуриентов при поступлении в вузы. В трудовой миграции участвуют агенты в возрасте от 25 до 55 лет для женщин и до 60 для мужчин. В связи с тем, что разброс мигрантов в этой возрастной группе неравномерный, применяется гамма-распределение миграционной активности, которое имеет вид $F(x)=\text{gamma}(25,60,30,1,1)$, где 25-60 — это диапазон значений, 30 — порядок смещения распределения, 1 — значение, показывающее, насколько будет растянуто распределение.

Миграция по другим причинам включает в себя значительную долю (70%) из всех мигрантов. В связи с этим в модели был создан агент «Регион», который включает в себя регионы, куда, по статистике, мигрируют чаще всего. Для реализации миграционного поведения агентов для каждого агента «Регион» задается параметр «Уровень жизни», который рассчитывается по данным рейтингового агентства «РИА Рейтинг» [8]. Далее для каждого агента на основе уровня заработной платы и уровня IQ рассчитывается предпочтительный уровень жизни. После расчета порогового значения сопоставляются значения агента со значением параметра «Уровень жизни» в Республике Башкортостан; если пороговое значение выше, рассчитывается вероятность миграции агента на основе коэффициента миграции.

Апробация агент-ориентированной модели для решения задачи прогнозирования

При построении агент-ориентированной модели использовались данные из приведенных ниже источников:

1. Статистический сборник «Республика Башкортостан в цифрах» (с 2010 по 2017 г.).
2. Статистический сборник «Социально-экономическое положение Республики Башкортостан в январе-июне 2019 года».
3. Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 года, утвержденная Постановлением Правительства Республики Башкортостан от 20.12.2018 № 624.
4. Долгосрочный прогноз социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 года, одобренный распоряжением Правительства РБ от 26 декабря 2016 года № 1497-р.

Разработанная агент-ориентированная модель позволяет проводить вычислительные эксперименты по оценке влияния социально-экономических факторов на демографическую ситуацию в регионе. Перед проведением вычислительных экспериментов необходимо проверить адекватность модели с целью обеспечения точности получаемых прогнозных значений.

Для оценки модели были проведены 10 экспериментов с одинаковыми входными параметрами. Как видно из таблицы 1, расчетные данные отличаются от фактических примерно на 2%, что подтверждает высокую прогностическую способность модели.

Таблица 1

Численность населения Республики Башкортостан, тыс. человек

Table 1

The population of the Republic of Bashkortostan, thousand people

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Фактические данные	4 072	4 064	4 060	4 069	4 072	4 071	4 067	4 063
Эксперимент 1	4 070	4 071	4 071	4 071	4 072	4 073	4 069	4 066
Эксперимент 2	4 072	4 064	4 063	4 068	4 069	4 068	4 065	4 054
Эксперимент 3	4 074	4 070	4 070	4 064	4 070	4 070	4 070	4 070
...
Эксперимент 10	4 066	4 062	4 058	4 068	4 077	4 082	4 083	4 075
Среднее значение экспериментов	4 072	4 065,5	4 059	4 067,6	4 073	4 071	4 066	4 062

Для прогнозирования численности населения были использованы прогнозные значения социально-экономических показателей Республики Башкортостан и темпы их изменения, представленные Министерством экономического развития по двум сценариям — базовому и консервативному. В соответствии с редакцией Постановления Правительства Российской Федерации от 18.05.2019 № 615, «Базовый вариант (Б) среднесрочного прогноза характеризует основные тенденции и параметры развития экономики в условиях консервативного изменения внешних условий. Консервативный вариант (К) среднесрочного прогноза разрабатывается на основе консервативных оценок темпов экономического роста с учетом возможности ухудшения внешнеэкономических условий».

На основе представленных показателей было проведено 10 экспериментов по базовому и консервативному сценариям. Так как в модели заложены множественные вероятностные характеристики и при каждом проведенном эксперименте выходные данные не совпадали, в качестве прогноза были рассмотрены средние значения по всем экспериментам. Разработанная модель дает возможность получать результаты прогнозирования за любой период времени, ограничением является лишь наличие прогнозных данных социально-экономических факторов или их темпов роста.

На рис. 5 представлены данные по двум сценариям социально-экономического развития Республики Башкортостан. Количество агентов с 2020 г. в обоих сценариях убывает, и сценарии отличаются лишь темпами снижения численности населения. В частности, можно сделать вывод, что разница по темпам роста заработной платы в 2% может привести к разнице в снижении численности населения в 17 тыс. человек.

На примере базового сценария рассмотрим подробнее естественное и миграционное движение населения. Эксперименты, проводимые по базовому

сценарию, показывают, что численность населения в ближайшие 10 лет снизится примерно на 2%, что объясняется естественной убылью и высокой миграционной активностью населения в Республике Башкортостан (рис. 6).

Для прогноза населения по трудовым группам использовалось значение пенсионного возраста до реформы 2018 г. (женщины — 55 лет, мужчины — 60 лет). В период до 2030 г. произойдут значительные изменения в численности населения в отдельных возрастных группах и количественных соотношениях между ними. Уменьшение числа трудоспособного населения и повышение числа пенсионеров изменит социально-экономическое развитие региона.

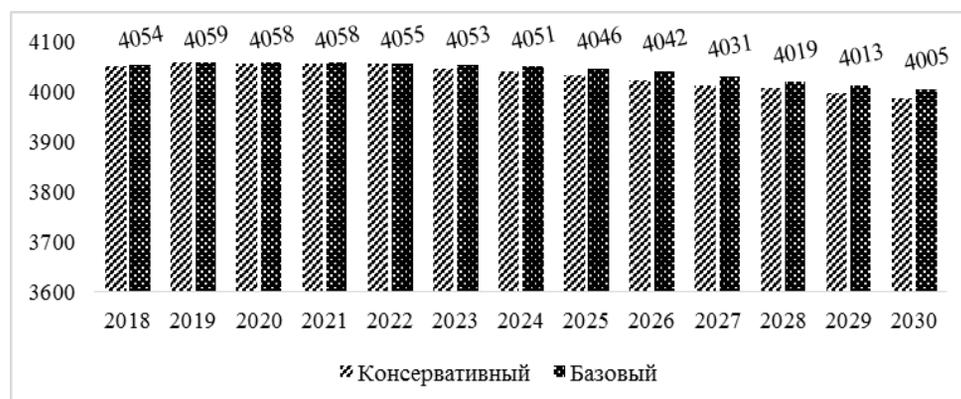

Рис. 5. Численность населения с 2018 по 2030 г., тыс. человек

Fig. 5. Population in 2018-2030, thousand people

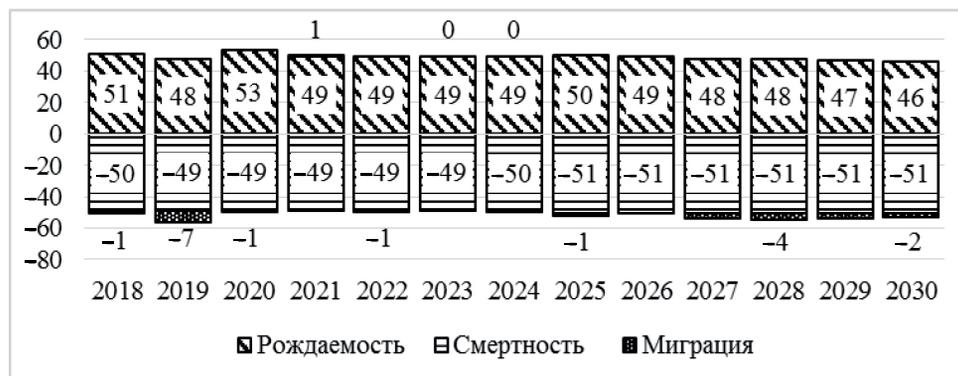

Рис. 6. Естественное и миграционное движение населения (базовый сценарий), тыс. человек

Fig. 6. Natural and migration movement of the population (basic scenario), thousand people

Заключение

Исследования в области имитационного моделирования миграционного поведения людей ведутся довольно давно. Однако для того, чтобы отразить поведение реального мира, необходима глубокая детализация правил. В связи с этим любая поставленная задача требует разработки своего АОМ. В статье представлена концепция агент-ориентированной модели демографических процессов на региональном уровне, которая основана на идее учета пространственной мобильности и территориального размещения человеческого капитала на основе имитационного моделирования микропроцессов (поведения человека). С целью сценарного прогноза динамики численности населения региона разработана агент-ориентированная модель демографических процессов, отличительной особенностью которой является возможность оценки влияния социально-экономических характеристик региона на поведение человека. Модель позволяет проследить динамику естественного и миграционного движения населения на уровне микропроцессов, а именно оценить реакцию агентов на управляющие воздействия и обосновать меры механизмов регулирования численности населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атнабаева А. Р. Исследование естественного движения населения в Республике Башкортостан с применением параметрического метода / А. Р. Атнабаева // Известия УНЦ РАН. 2019. № 3. С. 81-86.
2. Бахтизин А. Р. Агент-ориентированные модели экономики / А. Р. Бахтизин. М.: Экономика, 2008. 279 с.
3. Бедный М. С. Мальчик или девочка?: (медико-демографический анализ) / М. С. Бедный. М.: Статистика, 1980. 119 с.
4. Гайнанов Д. А. Концепция агент-ориентированной модели регионального развития / Д. А. Гайнанов, Е. А. Гафарова // Информационные технологии интеллектуальной поддержки принятия решений: труды Третьей международной конференции. 2015. С. 180-183.
5. Краткие итоги пилотного обследования «Семья и рождаемость». URL: https://www.gks.ru/free_doc/2006/demogr.htm (дата обращения: 12.05.2019).
6. Макаров В. Л. Искусственное общество и реальные демографические процессы / В. Л. Макаров, А. Р. Бахтизин, Е. Д. Сушко, А. Ф. Агеева // Экономика и математические методы. 2017. Том 53. № 1. С. 3-18.
7. Низамутдинов М. М. Концептуальные и методические аспекты разработки агент-ориентированной модели демографических процессов на региональном уровне (на примере Республики Башкортостан) / М. М. Низамутдинов, А. Р. Атнабаева // Искусственные общества. 2019. Том 14. Вып. 4. URL: <https://artsoc.jes.su/S207751800007514-4-1> (дата обращения: 11.02.2020). DOI: 10.18254/S207751800007514-4
8. Рейтинг качества жизни в регионах РФ. URL: <https://ria.ru/20190218/1550940417.html> (дата обращения: 18.02.2019).

9. Fu Zhaohao. Agent-Based Modeling of China's rural-urban migration and social network structure / Fu Zhaohao, Hao Lingxin // *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*. 2018. Vol. 490. Pp. 1061-1075. DOI: 10.1016/j.physa.2017.08.145
10. Lynn R. IQ and Global Inequality / R. Lynn, T. Vanhanen. Augusta: Washington Summit Publishers, 2006. 442 p.
11. Silverman E. When demography met social simulation: a tale of two modelling approaches / E. Silverman, J. Bijak, J. Hilton, V. Dung Cao, J. Noble // *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*. 2013. No 16 (4). DOI: 10.18564/jasss.2327

Marsel M. NIZAMUTDINOV¹

Alsu R. ATNABAEVA²

UDC 338.27

**TOOL OF FORECASTING THE NATURAL AND MIGRATION
MOVEMENT OF THE POPULATION IN THE REGION
BASED ON SIMULATION METHODS***

¹ Cand. Sci. (Tech.), Associate Professor, Head of the Sector of Economic and Mathematical Modelling, Institute of Social and Economic Research of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences
marsel_n@mail.ru

² Research Associate, Institute of Social and Economic Research
of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences
alsouy@mail.ru

Abstract

The demographic policy of the Russian Federation is aimed at increasing the population in the country. In this connection, management decisions made at the regional level focus at attracting skilled migrants, increasing the birth rate, and reducing mortality. On the one hand, such politics affects the size of the population; on the other hand, the reaction of the population can adjust the policy. In turn, state programs are intended for a long period of time, thus, there is a need to assess the effectiveness of the taken decisions. Therefore, the authors have proposed a concept of an agent-based model of demographic processes at the regional level. In addition, they have developed the model itself, which aims to increase the accuracy of forecasting the population in the face of changing socio-economic indicators. Each of the agents (represented by “Person” and “Region”) have their own set of characteristics. To describe the logic of the agent behavior, the authors have used statistical

* The study was carried out as part of state assignment No 007-00256-18-01 ISEI UFITs RAS for 2019.

Citation: Nizamutdinov M. M., Atnabaeva A. R. 2019. “Tool of forecasting the natural and migration movement of the population in the region based on simulation methods”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 5, no 4 (20), pp. 155-168. DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-4-155-168

(regression and cluster analysis) and probability (Bernoulli, Gamma, Beta, exponential distribution) methods. The life cycle of the agent “Person” is presented in the developed state diagram. The testing of the agent-based model was performed in solving the problems of forecasting the population in the Republic of Bashkortostan on the basis of the prognosis data from the RF Ministry of Economic Development.

The article also presents experimental research on two scenarios of economic development (basic and conservative). An assessment of changes in fertility, mortality, and migration based on the use of cluster and regression analysis is presented.

Keywords

Demographic processes, migration, natural population movement, agent-based model.

DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-4-155-168

REFERENCES

1. Atnabaev A. R. 2019. “Study of the natural movement of the population in the Republic of Bashkortostan using the parametric method”. Proceedings of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, no 3, pp. 81-86. [In Russian]
2. Bakhtizin A. R. 2008. Agent-Based Models of the Economy. Moscow: Economics. [In Russian]
3. Bedniy M. S. 1980. Boy or Girl?: (Medical-Demographic Analysis). Moscow: Statistika. [In Russian]
4. Gaynanov D. A., Gafarova E. A. 2015. “The concept of agent-based model of regional development”. Proceedings of the 3rd International Conference “Information Technologies of Intellectual Decision Support”, pp. 180-183. [In Russian]
5. Brief results of the pilot survey “Family and Fertility”. https://www.gks.ru/free_doc/2006/demogr.htm [In Russian]
6. Makarov V. L., Bakhtizin A. R., Sushko E. D., Ageeva A. F. 2017. “Artificial society and real demographic processes”. Economics and Mathematical Methods, vol. 53, no 1, pp. 3-18. [In Russian]
7. Nizamutdinov M. M., Atnabaeva A. R. 2019. “Conceptual and methodological aspects of developing an agent-based model of demographic processes at the regional level (on example of the Republic of Bashkortostan)”. Artificial Societies, vol. 14, no 4. DOI: 10.18254/S207751800007514-4
8. RIA Novosti. 2019. “Quality of life rating in the regions of the Russian Federation”. <https://ria.ru/20190218/1550940417.html> [In Russian]
9. Fu Z., Hao L. 2018. “Agent-based modeling of China’s rural-urban migration and social network structure”. Physica A: Statistical Mechanics and Its Applications, vol. 490, pp. 1061-1075. DOI: 10.1016/j.physa.2017.08.145
10. Lynn R., Vanhanen T. 2006. IQ and Global Inequality. Augusta: Washington Summit Publishers.
11. Silverman E., Bijak J., Hilton J., Dung Cao V., Noble J. 2013. “When demography met social simulation: a tale of two modeling approaches”. Journal of Artificial Societies and Social Simulation, vol. 16, no 4, art. 9. DOI: 10.18564/jasss.2327

Людмила Михайловна СИМОНОВА¹
Анастасия Олеговна ДОРОХОВА²

УДК 339.564

ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ НА РАЗВИТИЕ НЕСЫРЬЕВОГО ЭКСПОРТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

¹ доктор экономических наук, профессор
кафедры менеджмента и бизнеса,
Финансово-экономический институт,
Тюменский государственный университет
lsim@utmn.ru; ORCID: 0000-0003-4858-0940

² аспирант третьего года обучения,
специальности «Экономика и управление народным хозяйством»,
кафедры менеджмента и бизнеса,
Финансово-экономический институт,
Тюменский государственный университет
anna.tpp-to@mail.ru

Аннотация

В качестве цели исследования определена необходимость оценки роли государственных инструментов поддержки экспортно ориентированных предприятий, специализирующихся на производстве несырьевых неэнергетических товаров и услуг. Ввиду возрастающей степени значимости и потенциала предприятий малого и среднего бизнеса, посредством экономического анализа данных Федеральной таможенной службы и статистики АО «Российский экспортный центр» подтверждена необходимость их

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект №19-29-07131 «Моделирование и измерение человеческого капитала и формы его проявления в контексте цифровизации экономики: ресурсы, потоки, институты».

Цитирование: Симонова Л. М. Влияние государственной поддержки на развитие несырьевого экспорта в Российской Федерации / Л. М. Симонова, А. О. Дорохова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2019. Том 5. № 4 (20). С. 169-187.
DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-4-169-187

функционирования как опорного элемента национальной системы поддержки и развития экспорта, исследована структура и динамика российского экспорта.

Установлено, что большинство экспортно ориентированных малых и средних предприятий заинтересованы в старте экспортной деятельности, увеличении ее доли и стремятся расширить географию поставок, однако этому противодействует целый ряд факторов: от неуверенности в собственных силах, недостатка кадров и экспортных компетенций, финансовых ограничений до полного отсутствия опыта взаимодействия с иностранными контрагентами и рынками в целом.

Определено, что недостаточный уровень конкурентоспособности российских производителей подразумевает полноценную цепочку мероприятий со стороны государственных органов власти в части стимуляции несырьевого неэнергетического экспорта.

Посредством статистического анализа выявлено, что показатель конкурентоспособности Российской Федерации на внешних рынках не претерпел серьезных изменений ввиду низкой конкурентоспособности экспортируемого российского товара, а также недостаточных знаний и навыков экспортно ориентированных предприятий в части упрочнения положения на новых рынках.

Мировой опыт показывает, что каждое национальное государство расставляет собственные приоритеты в выборе направления развития экспорта. На основе сравнительного анализа и классификации мер поддержки в странах Европейского союза определена возможность аппроксимации имеющихся механизмов для целей поддержки малого и среднего экспортно ориентированного предпринимательства в Российской Федерации.

В результате исследования установлена прямая пропорциональная зависимость между стартом программ поддержки экспортно ориентированных предприятий и ростом показателей внешнеэкономической деятельности в целом, а также взаимосвязь между взаимодействием с профильными министерствами и ведомствами, сотрудничеством с ключевыми отраслевыми и деловыми организациями и совершенствованием условий ведения экспорта в России.

Ключевые слова

Внешняя торговля, международные экономические отношения, диверсификация российской экономической модели, несырьевой экспорт, государственное стимулирование внешнеторговых операций, формы государственной поддержки экспортно ориентированных предприятий, формирование проэкспортной политики, малые и средние предприятия, институты, потоки, человеческий капитал экспортного сектора, экспортные компетенции.

DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-4-169-187

Введение

Экономическая модель Российской Федерации сохраняет свою сырьевую ориентацию, более того, за последнее время степень диверсификации экономики постепенно снижается. Базирование отечественного производства на сырье, а

также очевидные симптомы и рецидивы «голландской болезни» приостанавливают модернизацию промышленного комплекса и сокращают конкурентоспособность российских производителей на международном рынке готовой продукции, имеющей высокую добавленную стоимость.

В связи с этим становится настоятельной необходимостью формирования инновационной, проэкспортной политики, которая стимулирует рост несырьевого экспорта и основывается на производстве продукции более высоких переделов.

Развитие и стимулирование несырьевого экспорта является крайне актуальной задачей еще и потому, что стратегия продвижения несырьевых товаров за рубеж обладает значительным инновационным потенциалом, а также создает дополнительные возможности роста уровня инноваций экономики России, который в настоящий момент времени уступает показателям стран Евросоюза.

Несмотря на это, преобразование общероссийского экспорта на диверсифицированной основе и последовательное наращивание его объемов является крайне непростой задачей. Ввиду непрекращающегося на мировых рынках обострения конкуренции и возрастающей роли протекционизма, прямо пропорционально фиксируется ужесточение тарифных и нетарифных ограничительных мер. Страны намного активнее борются за укрепление позиций на внешних рынках, а также вырабатывают государственную политику в части экспорта, совершенствуя ее за счет внедрения новых услуг, мер поддержки и инициатив.

Таким образом, можно заключить, что конкуренция на международной арене в настоящее время разворачивается не только по линии объемов и качества экспортируемых товаров, но и по линии эффективности экспортной политики и степени конкурентоспособности всех институтов, обеспечивающих ее стимулирование и поддержку.

Рассматривая динамику последних лет, следует отметить, что и в России создана и успешно развивается конкурентоспособная система стимулирования экспорта. Однако, несмотря на то, что общие ее контуры, направления, механизмы и формы уже определены, многие проблемы остаются нерешенными, сохраняя полемичный характер.

Так, поддержка экспортеров во всех странах является традиционной и повсеместной практикой. Однако все ли экспортеры нуждаются в ней? Ведь, как правило, когорта фирм-экспортеров формируется не из числа отстающих фирм, напротив, предприятия выходят на зарубежные рынки чаще всего на стадии зрелости, уже обладая значительными активами и конкурентными преимуществами. Применительно же к российским условиям, учитывая сложившуюся структуру экспорта, подавляющее число экспортеров представлено сырьевыми компаниями топливно-энергетического сектора, которые и так получают экспортную премию, в дополнительной поддержке не нуждаются и, более того, прямо заинтересованы в сохранении традиционной структуры экспорта и консервации существующей системы.

Очевидно, сложившуюся структуру способны изменить предприятия обрабатывающего сектора, кому и следует адресовать меры поддержки, — но

которым из них? Понятно, что нуждаются в поддержке прежде всего малые и средние предприятия, не обладающие, в отличие от топливно-сырьевых гигантов, мощными активами, и которым затруднительно получить дополнительное финансирование в коммерческих банках. Поэтому именно они являются основной целевой группой, в частности, АО «Российский экспортный центр» и системы поддержки в целом. Как в свое время было заявлено членом правления Внешэкономбанка П. Фрадковым, «главной надеждой российского экспорта является средний предприниматель, на поддержку которого сегодня ориентирована власть».

Это оправданно, ведь именно малые экспортеры, поставляющие один товар в одну страну, формируют наиболее многочисленную группу — порядка 40% — экспортирующих фирм, но их вклад в российский экспорт ничтожно мал — всего 4% [4]. Способны ли они стать агентами изменений? Ответ на эти вопросы вовсе не очевиден, особенно учитывая критичность фактора времени по преобразованию структуры экспорта в российской экономике.

Итак, на кого делать ставку и чего нам не хватает — каких продуктов, игроков, направлений и компетенций институтов — для выработки эффективной экспортной политики, и как должны быть выстроены приоритеты в системе мер государственной поддержки для ее успешной реализации в России?

Указанный круг проблем предопределил целевую направленность исследования: обоснование необходимости государственных инструментов поддержки экспортно ориентированных предприятий — производителей несырьевых неэнергетических товаров и степени влияния, которое они оказывают на реализацию эффективной экспортной политики в России.

Основная часть

В соответствии с данными Федеральной таможенной службы, экспорт Российской Федерации по итогам 2018 г. увеличился и составил 449,6 млрд долларов США. Рассматривая структуру транспортных потоков, необходимо отметить, что несырьевой неэнергетический экспорт имел существенную долю и достиг нового исторического максимума с показателем в 149,3 млрд долларов США (+16 млрд долларов США по сравнению с аналогичным периодом 2017 г.).

По итогам 2018 г., на временном промежутке с 2008 по 2018 г. зафиксирован рекордный объем экспортного потока, в значительной степени уступающий лишь показателям 2011-2014 гг. (500-530 млрд долларов США) и 2008 г. (468 млрд долларов США).

Наибольший вклад в рост показателя объема общего экспорта внесли топливо (с общим удельным весом от совокупного прироста 80%), металлопродукция (8%) и сельскохозяйственное сырье (5%) (см. рис. 1).

Отслеживая динамику несырьевых неэнергетических товаров за период 2008-2018 гг., необходимо отметить, что она третий год подряд значительно превышает динамику сырья и топлива. Однако внутри статьи, по итогам 2018 г., объемы экспорта несырьевых товаров снизились на 2,6 пункта в сравнении с

аналогичным периодом 2017 г., составив 235,1 млрд долларов США [2], что эквивалентно 52,3%, равно как снизилась и доля несырьевых неэнергетических товаров — на 149,3 млрд долларов США (4,1 пункта в рейтинге, или 33,2% в процентом соотношении).

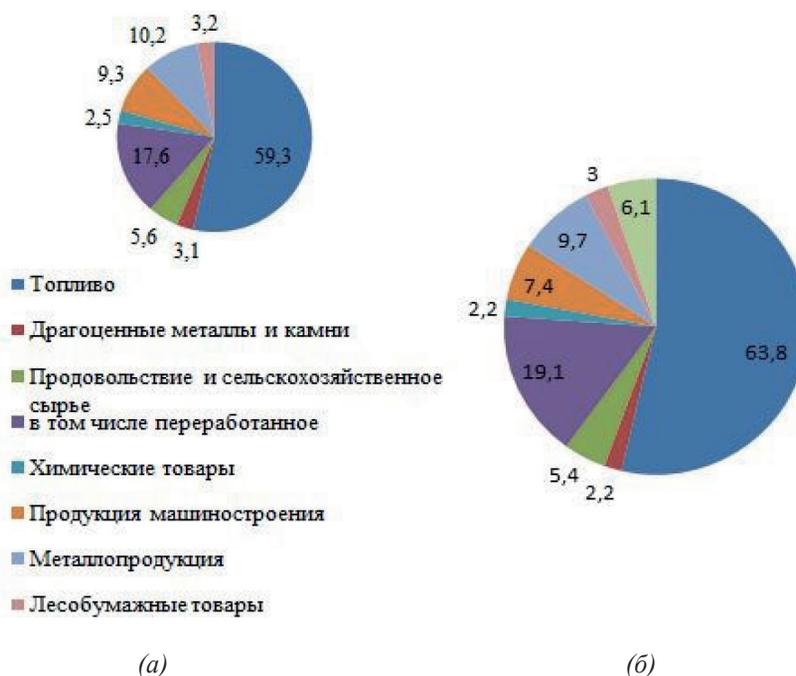

Рис. 1. Товарная структура экспорта Российской Федерации в 2017 (а) и 2018 гг. (б), в %

Fig. 1. Commodity structure of exports of the Russian Federation in 2017 (a) and 2018 (b) in %

Основными товарными позициями в российском экспорте на 2018 г. по-прежнему остаются нефть (28,7%), нефтепродукты (17,4%) и природный газ (12,1%). Кроме того, значительный вес в показателе объемов экспорта имеют каменный уголь — 3,8%, пшеница — 1,9%, полуфабрикаты нелегированной стали — 1,8%, алюминий и его сплавы — 1,1%, пиломатериалы, алмазы — по 1% каждый, а также летательные аппараты и оружие, боеприпасы (см. рис. 2).

По статистике АО «Российский экспортный центр», несырьевой неэнергетический экспорт России в 2018 г. составил 149,3 млрд долларов США с ростом в 16 млрд долларов США (12%). Данный показатель является новым историческим максимумом — предшествующее рекордное значение фиксируется лишь в 2012 г. и равно 143,5 млрд долларов США.

Такая положительная динамика несырьевого неэнергетического экспорта обеспечена расширением физических объемов поставок и повышением мировых цен: количественный рост обеспечил 51% в увеличении экспортного показателя, фактор роста цен — 49%.

Рассматривая отраслевой разрез, значительную долю в увеличении несырьевого неэнергетического экспорта имеют металлопродукция (40% в суммарном приросте), продовольствие (24%), химические товары (20%) и лесобумажные товары (12%).

В физическом выражении, в соответствии с расчетами АО «Российский экспортный центр», несырьевой неэнергетический экспорт также продемонстрировал положительную динамику с ростом на 6%, значительно превосходя показатели предыдущих лет (за исключением 2017 г., когда показатель достиг 11%) [1].

Структура несырьевого неэнергетического экспорта (см. рис. 3) России в большей степени представлена 5 товарными группами — металлопродукцией (42 млрд долларов США, 28,2%), продукцией машиностроения (33,5 млрд долларов США, 22,4%), химическими товарами и продовольствием (27,4 млрд долларов США, 18,4% и 23,1 млрд долларов США, 15,4%), лесобумажными товарами (11,6 млрд долларов США, 7,7%).

При совокупном росте несырьевого неэнергетического экспорта (12%) наиболее значительные темпы роста продемонстрировали (см. таблицу 1) непищевая сельхозпродукция (+26%), лесобумажные товары, продовольствие (по +21%) и металлопродукция (+19%). Более низкая динамика фиксируется в поставках драгоценных металлов и камней (−17%).

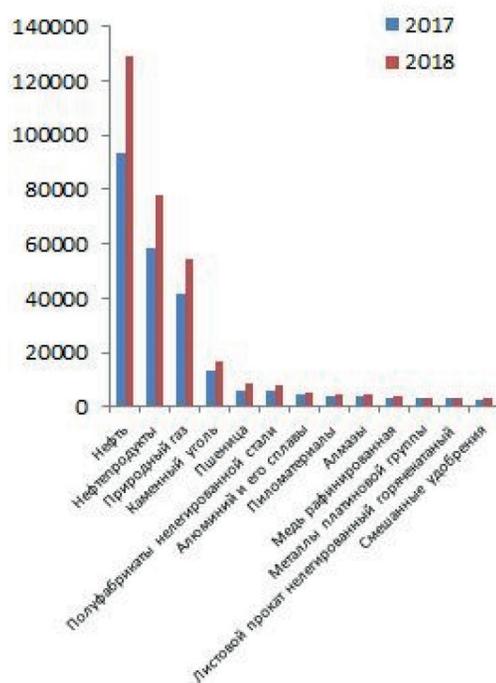

Рис. 2. Основные товары российского экспорта в динамике 2017-2018 гг.

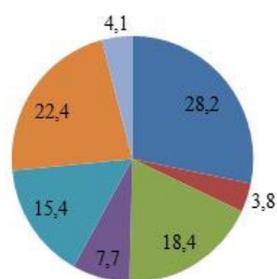
Товар	Прирост (млн долл. США)	Темпы прироста (%)
Нефть	35 824	38,4
Нефтепродукты	19 959	34,3
Природный газ	12 600	30,1
Каменный уголь	3 474	25,6
Пшеница	2 639	45,5
Полуфабрикаты нелегированной стали	1 938	32,2
Алюминий и его сплавы	405	8,7
Пиломатериалы	558	14,1
Алмазы	181	4,2
Медь рафинированная	481	13,2

Fig. 2. The main goods of RF export in the dynamics of 2017-2018

(а)

Рис. 3. Товарная структура несырьевого неэнергетического экспорта Российской Федерации в 2017 (а) и 2018 гг. (б), в %

(б)

Fig. 3. The commodity structure of RF non-ferrous non-energy exports in 2017 (a) and 2018 (б), %

Таблица 1

Темпы прироста несырьевого неэнергетического экспорта по товарным группам, %

1	Стоимость			Физический объем		
	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Металлопродукция	-12,6	27,5	19,4	-0,8	2,6	7,0
Драгоценные металлы и камни	2,4	49,5	-16,7	5,6	37,5	-21,1
Стекло, керамика, изделия из камня	6,6	23,4	12,7	7,6	10,5	18,3
Лесобумажные товары	2,7	19,7	21,3	10,9	7,9	7,9
Непищевая сельхоз-продукция	-8,7	-12,3	25,9	-1,0	-13,5	17,3
Продовольствие	6,8	24,7	21,2	13,6	21,2	16,3
Химические товары	-18,1	15,3	14,5	0,3	6,3	6,7

Table 1

The growth rate of non-ferrous non-energy exports by product groups, %

Окончание таблицы 1

Table 1 (end)

1	2	3	4	5	6	7
Текстиль, одежда, обувь	0,4	15,9	7,5	7,1	13,7	14,0
Продукция машиностроения	-3,5	18,3	0,9	2,3	15,1	1,5
Разные промышленные товары	-14,0	26,2	-1,0	1,0	4,0	18,0

Источник: основываясь на статистике АО «Российский экспортный центр», федеральной таможенной службы.

Source: based on the statistics of the Russian Export Center, RF Federal Customs Service.

Несмотря на достигнутые показатели, последующее увеличение объемов общероссийского экспорта является крайне непростой задачей. Ввиду непрекращающегося на мировых рынках обострения конкуренции, а также возрастающей роли протекционизма прямо пропорционально фиксируется и ужесточение тарифных и нетарифных ограничительных мер. Страны намного активнее борются за укрепление позиций на внешних рынках, а также стимулируют государственную поддержку экспорта за счет внедрения новых услуг и мер поддержки и инициатив [13].

Еще острее стоит проблема конкурентоспособности ответственного экспорта. Так, следует отметить, что в последние годы среди более 1 200 экспортируемых российскими предприятиями товаров сравнительными преимуществами обладали только 117 товаров (около 10%). Большинство этих товаров относится к сырьевым и промежуточным. В стоимостном объеме экспорта они занимали 97%, из них около 80% приходилось на экспорт топливно-энергетических полезных ископаемых.

По другим товарам экспорта Россия сравнительными преимуществами (с точки зрения сложившегося международного распределения труда) не обладала, а их доля в экспортных поставках составляла 3%, что только подтверждает необходимость формирования государственной политики в поддержку российских экспортно ориентированных товаропроизводителей, основывающейся на мировом опыте, но учитывающей индивидуальные особенности страны [8, с. 52-53].

Стимулированием внешнеторговой деятельности в целом и экспортных операций в частности в Российской Федерации занимаются различные государственные и негосударственные структуры: АО «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства», Фонд развития промышленности ФГАУ «РФТР», АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов», Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, Российское агентство по страхованию экспортных кредитов и инвестиций, Российский экспортный центр, региональные центры поддержки экспорта и так далее.

При этом необходимо отметить преимущественную роль государственной поддержки для предприятий малого и среднего бизнеса: фиксируется рост интереса со стороны представителей государственной власти и научных кругов к вопросу об их роли в мировой экономике. В процессе ее непрекращающегося развития заметна интернационализация самих малых и средних предприятий, что обеспечивает создание дополнительных возможностей для развития и, в равной степени, увеличение конкурентного давления.

В то же время следует отметить, что, несмотря на бесспорную привлекательность международного рынка, вклад малых и средних предприятий во внешнюю торговлю зачастую значительно меньше их доли при формировании национального продукта. Данный факт подтверждает наличие барьеров при попытках интернационализации малого и среднего бизнеса.

Отсутствие знаний в различных областях внешней торговли, нехватка в штате квалифицированных специалистов или недостаточный опыт в управлении процессами продаж удаленно от покупателя с одной стороны, а также недостаток финансирования и информации о рынке с другой, выступают ограничениями при старте экспортной деятельности и снижают возможности предприятия.

Развитость экспортных компетенций в настоящее время считается одной из важнейших составляющих качества человеческого капитала территории, а показатели, отражающие их уровень, зачастую включаются в методики оценки степени использования человеческого капитала региона и предлагаются для практического применения и совершенствования системы статистического учета. В частности, интерес представляют следующие из них: чистый экспорт в расчете на одного занятого; величина импортозамещения в расчете на одного занятого; число экспортированных технологий и услуг технического характера; стоимость сделок, связанных с экспортом/импортом технологий и услуг технического характера в расчете на одного занятого; стоимость НИОКР в расчете на одного занятого. Они отражают и уровень конкурентоспособности как отдельных регионов, так и страны в целом [9, с. 112-117].

Ввиду рассмотренных проблем и для преодоления существующих внутренних и внешних барьеров в Российской Федерации разработаны следующие инструменты государственной поддержки экспорта:

- страхование рисков, инвестиций, кредитных обязательств, экспортного факторинга на льготных условиях;
- создание привлекательных условий по выводу товаров на мировой рынок;
- информационная поддержка и экспертные консультации;
- упрощение процесса оформления грузов на таможне, устранение административных препятствий;
- частичная компенсация затрат на перевозку по некоторым экспортным маршрутам;
- предоставление льготных условий кредитования и госгарантий;

- экспортный кредит (или кредитная линия) и его страхование для финансирования приобретения иностранными покупателями продукции российского производства;
- финансирование экспортных операций Внешэкономбанком и АО «РОСЭКСИМБАНК»;
- страховая поддержка экспортеров от АО «Российское агентство по страхованию экспортных кредитов и инвестиций»;
- авансирование затрат на участие в международных выставочно-ярмарочных мероприятиях и бизнес-миссиях АО «Российский экспортный центр», региональных центров поддержки экспорта;
- компенсация расходов на маркетинговые исследования и переводы документации на иностранные языки региональными центрами поддержки экспорта;
- частичное покрытие расходов на сертификацию и размещение на электронных торговых площадках.

Рассматривая европейский опыт в части государственной поддержки экспортной деятельности, следует отметить, что в большей степени меры схожи с применяемыми на территории Российской Федерации. Классифицируем их следующим образом для детального сравнения (см. таблицу 2).

Таблица 2

Table 2

**Меры поддержки экспорта
в странах ЕС**

EU export support measures

№ П/П	Наименование меры	
1	2	
	Торгово-политическая	
	Содержание	Нацелена на продвижение интересов национальных производителей на внешних рынках за счет создания благоприятных торгово-политических условий посредством заключения двух- и многосторонних соглашений, участия государственных органов в решении торговых споров и т. д.
1	Применение в России (да/нет)	Да В Российской Федерации как на федеральном, так и на региональном уровне заключено множество двух- и многосторонних соглашений о сотрудничестве, развиты побратимские связи, а также происходит формирование договорно-правовой базы интеграционных объединений с участием Российской Федерации, в частности Союзного Государства, Таможенного союза, ЕАЭС и СНГ. Начинаящими экспортерами наиболее часто практикуется организация пробных поставок в страны ЕАЭС ввиду наличия единого таможенного пространства, унифицированного кодекса и технических регламентов

Окончание таблицы 2

Table 2 (end)

№ П/П	Наименование меры	
1	2	
2	Налогово-административное и валютное регулирование ВЭД	
	Содержание	Нацелено на упрощение налоговых процедур и ослабление требований валютного законодательства. Явным примером в ЕС выступает деятельность специализированных экспортно-ориентированных экономических зон: предоставление различных льгот и преимуществ отдельным территориям или группам хозяйствующих субъектов в рамках ЕС. В настоящее время носит переходной характер
	Применение в России (да/нет)	Да/Нет Отмена паспортов сделки взамен постановки на учет валютных контрактов на стоимость, равную или более 6 млн рублей. С другой стороны, для экспортеров все также остро стоит вопрос о либерализации ответственности за нарушение требований валютного законодательства в Российской Федерации
3	Финансовая	
	Государство выступает в роли кредитора, гаранта, донора	
	Да Финансирование экспортных операций Внешэкономбанком и АО «РОСЭКСИМБАНК»	
4	Информационно-консультативное содействие	
	Компенсация или покрытие затрат на исследование внешних рынков, поиск контрагентов, проведение маркетингового исследования	
	Да Инструменты АО «РЭЦ», а также региональных ЦПЭ полностью схожи с европейскими	
5	Промоционные	
	Наиболее распространенными формами такой помощи государства являются содействие (в том числе финансовое) в организации выставок и ярмарок экспортной продукции, организация рекламы за рубежом за счет средств государственного бюджета	
	Да Инструменты АО «РЭЦ», а также региональных ЦПЭ в части организации выставочно-ярмарочных мероприятий, бизнес-миссий, работы экспозиций экспортно ориентированных предприятий регионов за рубежом	

Источник: составлено авторами на основе деловой документации АО «Росскийский экспортный центр».

Source: compiled by the authors based on the official data of the Russian Export Center.

Несмотря на систематическое совершенствование систем поддержки и развития внешнеэкономической деятельности, всестороннее использование международного опыта, увеличению объемов несырьевого экспорта в Российской Федерации препятствует целый ряд факторов:

- непроработанная система физической отправки продукции и низкая доля электронной коммерции, которые позволили бы товарам проходить через таможенную по упрощенной системе и избегать ручного заполнения сопроводительной документации;
- непростая процедура возврата НДС в части несырьевого экспорта;
- отсутствие государственных дотаций на транспортировку с покрытием всей расходной части;
- проблема невысокого качества человеческого капитала, отсутствия квалифицированных кадров в области внешнеэкономической деятельности и неразвитости экспортных компетенций;
- разночтения с международными требованиями к качеству продукции и производства;
- отсутствие опыта внешнеэкономической деятельности у предприятий малого и среднего бизнеса; дефицит компаний, которые способны заявить о себе на международном рынке за счет создания первоклассных брендов, востребованных благодаря своей уникальности;
- отсутствие в высших учебных заведениях конкурентоспособных образовательных программ в области практики внешнеэкономической деятельности для подготовки потенциальных кадров.

В настоящее время с целью стимулирования экспорта уже предложена линейка инструментов, позволяющих минимизировать либо вовсе нивелировать указанные выше трудности:

- приняты меры, упрощающие таможенные процедуры при несырьевом экспорте продукции, в частности возможность использовать упрощенную систему декларирования при условии соответствия отгрузочной партии небольшому ряду требований;
- разработаны компенсации на транспортировку высокотехнологичной продукции и продукции агропромышленного комплекса на федеральном уровне, а также на региональном уровне местными органами власти. Производится ежегодное совершенствование нормативно-правовой базы, в частности отмена ограничения по географии отправки сельскохозяйственной и продовольственной продукции. Таким образом, если раньше субсидированию подлежала транспортировка продукции из 62 субъектов Российской Федерации, то теперь данное ограничение снято, и доступ к программе открыт для организаций, функционирующих на всей территории страны;
- в некоторой степени унифицирован подход к процедуре возврата НДС;

- запущены бесплатные образовательные модули для начинающих экспортеров в очном и дистанционном формате от АНО ДПО «Школа экспорта» АО «РЭЦ» для повышения грамотности предпринимателей в части: документационного и правового сопровождения экспорта, финансовых инструментов, налогов в экспортной деятельности, таможенного оформления и логистики, возможностей онлайн-экспорта;
- сформированы интерактивные справочники экспортера, а также статистические базы данных АО «Российский экспортный центр», позволяющие экспортерам выполнить кабинетное маркетинговое исследование самостоятельно;
- введена программа экспортной акселерации — система образовательных, финансовых и нефинансовых мер, направленных на поддержку и ускоренное развитие экспортной деятельности компаний, в том числе не осуществлявших экспортных поставок ранее;
- аккумулирована база аккредитованных АО «Российский экспортный центр» аутсорсинговых компаний, специализирующихся на различных вопросах внешнеэкономической деятельности: логистика, охрана интеллектуальной собственности, адаптация товаров к требованиям внешних рынков, таможенное оформление, продвижение бизнеса;
- для подготовки кадров введены практические блоки по основам внешнеэкономической деятельности на региональном уровне в высших учебных заведениях;
- активирован инструмент «компенсация части затрат на международную сертификацию» региональными центрами поддержки экспорта при наличии реального соглашения о поставке;
- утверждена поддержка маркетинговой составляющей компаний, а именно разработка сайта компании, перевод рекламной продукции, информационных материалов, сопроводительной документации, упаковки на иностранный язык;
- с целью усовершенствования и упрощения активного и пассивного поиска потенциальных контрагентов на иностранном рынке введены разнообразные меры поддержки, а именно выполнение полевых исследований по запросу компаний, предоставление льготных условий участия в международных выставочно-ярмарочных мероприятиях и бизнес-миссиях, предоставлена возможность размещения аккаунта компаний на международных электронных площадках, запущены постоянно действующие экспозиции субъектов малого и среднего бизнеса за рубежом;
- для повышения узнаваемости российских брендов и продукции на международном рынке запущена программа добровольной сертификации «Made in Russia» от АО «Российский экспортный центр»;
- организованы регулярные еженедельные экспортные отправки генеральных и сборных грузов с фиксированным периодом доставки с целью

развития и упрощения экспортных поставок в Китайскую Народную Республику «РЖД Логистика»;

- разработан совместный проект Федеральной таможенной службы и АО «Почта России», позволяющий на установленных условиях (ограничение веса и стоимости партии) осуществлять отправки небольших партий товаров посредством заполнения накладных с целью упрощения доставки образцов продукции на внешние рынки, что существенно экономит затратную часть на логистику, а также упрощает декларирование товара.

Благодаря имеющимся инструментам и сформированным институтам становится возможным на начальном этапе выявлять возможные угрозы и факторы перспективного развития, используя огромную линейку информационных и аналитических материалов, определять для производителей новые рынки, уделять внимание товарам с менее активной позицией на внешних рынках (продукция высокой степени переработки), целенаправленно формировать человеческий капитал в экспортном секторе.

Однако основной проблемой при имеющемся наборе мер все еще остается низкая степень конкурентоспособности, особенно если учитывать скорое преодоление последствий глобальной рецессии и перспективы декарбонизации мировой экономики, а также переход конкуренции на новый уровень на всех факторных и отраслевых рынках.

Заключение

Основываясь на вышесказанном, можно сделать вывод, что государственная поддержка несырьевого неэнергетического экспорта выступает одним из ключевых факторов повышения диверсификации российской экономической модели и внешнеторговых операций, повышения конкурентоспособности страны на международных рынках и расширения доступа к ним для экспортно ориентированных предприятий.

Существующая система стимулирования сбыта является эффективной, что подтверждается результатами предпринятого анализа таможенной статистики и положительной динамикой экспортных потоков. Завершение формирования гибких линеек финансовых и нефинансовых инструментов поддержки, сокращающих административные процедуры и барьеры, расширяющих предэкспортное и экспортное финансирование, авансирование части затрат на транспортные расходы, издержки по участию в международных выставочно-ярмарочных мероприятиях и бизнес-миссиях, сертификацию, а также обеспечивающих полноценную работу системы институтов поддержки экспорта в режиме «одного окна» способствует укреплению позиций российских товаров на международном рынке.

В настоящее время очевидной тенденцией становится признание малых и средних предприятий драйверами национальной экономики. Анализ зарубежного опыта свидетельствует, что в большинстве стран Европейского союза около 50% спроса на труд приходится именно на малые и средние компании.

Вместе с тем в России этот сектор весьма малочислен и недоиспользует свой потенциал. Так, по данным исследования ПАО «Сбербанк России» о развитии малых и средних предприятий в России, в Российской Федерации на одну тысячу экономически активного населения приходится чуть более двадцати пяти субъектов малого и среднего бизнеса

Это свидетельствует о серьезных проблемах в качестве человеческого капитала, о низкой степени мотивации в открытии собственного бизнеса, о несформированности и недостаточной развитости не только экспортных, но и предпринимательских компетенций.

Таким образом, обучение, поддержка и дополнительное стимулирование субъектов малого и среднего бизнеса является крайне актуальной задачей. Их роль в мировой экономике огромна как с точки зрения вклада в валовой внутренний продукт и процесс создания новых рабочих мест, так и с точки зрения повышения конкурентоспособности национальных экономик. Оказание содействия развитию субъектов малого и среднего бизнеса выступает базовым элементом экономической политики развитых стран, обеспечивает сохранение здоровой конкуренции и решение социальных задач, однако невозможно без решения проблемы кадрового голода.

Для осуществления новой экспортной политики в том числе требуется всемерное развитие инфраструктуры формирования человеческого капитала, создание центров формирования компетенций как через корпоративные механизмы подготовки кадров, так и через систему образовательных учреждений, вузов, акцентирование приоритетов накопления человеческого капитала, связанного с экспортной ориентацией.

Суммируя вышесказанное, дальнейшее системное развитие и совершенствование сложившихся программ поддержки экспортного направления в обрабатывающей промышленности, развитие предпринимательских и экспортных компетенций, расширение масштабов малого и среднего бизнеса, адаптация системы образования для обеспечения экспортного сектора экономики квалифицированными кадрами и стимулирование всех отраслей экономики к экспортной деятельности позволит России реализовать свой потенциал в качестве экспортера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. База данных АО «Российский экспортный центр» // Российский экспортный центр: оф. сайт. URL: https://www.exportcenter.ru/international_markets/regions_export/ (дата обращения 05.09.2019).
2. База данных Всемирного банка «World Development Indicators» / The World Bank: official website. URL: <https://data.worldbank.org/products/wdi> (дата обращения: 05.09.2019).
3. Баландина Г. В. Таможенное администрирование в России: что делать? / Г. В. Баландина, Ю. Ю. Пономарев, С. Г. Синельников-Мурылев, А. В. Точин //

- Доклад ЦСР. 2018. Февраль. URL: https://www.csr.ru/uploads/2018/02/20180228_Tamozhnya-doklad.pdf (дата обращения: 05.09.2019).
4. Волчкова Н. Как России диверсифицировать экспорт / Н. Волчкова // Ведомости. 2018. 12 июня. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/06/13/772522-diversifitsirovat-eksport> (дата обращения: 05.09.2019).
 5. Кнобель А. Внешняя торговля в 2016 г.: стабилизация экспорта и импорта / А. Кнобель, А. Фиранчук // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2017. № 4. С. 10-17.
 6. Коваль А. Поддержка экспорта в России: системный подход / А. Коваль, А. Левашенко // Экономическое развитие России. 2017. № 12 (24). С. 10-14.
 7. Коваль А. А. Реформа валютного регулирования и валютного контроля в России / А. А. Коваль, А. Д. Левашенко, С. Г. Синельников-Мурылев, П. В. Трунин // Доклад ЦСР. 2018. Март. URL: https://www.csr.ru/uploads/2018/03/Doklad_valyutnyi_kontrol_Web.pdf (дата обращения: 05.09.2019).
 8. О чем говорят тренды / Банк России // Макроэкономика и рынки: бюллетень. 2016. № 7 (06). С. 52-53. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/19700/bulletin_19-03.pdf (дата обращения: 05.09.2019).
 9. Орлова М. С. Проблемы развития несырьевого экспорта России / М. С. Орлова, Е. Г. Дедкова // Молодежная наука в развитии регионов. 2018. Том 1. С. 302-304.
 10. Петрыкина И. Н. О показателях уровня развития и использования человеческого капитала региона / И. Н. Петрыкина // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. 2015. № 3. С. 112-115.
 11. Спартак А. Н. Возможности российской экспортной экспансии и ее государственной поддержки / А. Н. Спартак // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. № 5. С. 3-18.
 12. Спартак А. Н. Перестройка в российском экспорте / А. Н. Спартак // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. № 4. С. 3-13.
 13. Спартак А. Н. Перспективы наращивания российского несырьевого экспорта / А. Н. Спартак, А. Ю. Кнобель, Т. А. Флегонтова, О. Д. Исмагилова, А. А. Коваль, А. Д. Левашенко, Н. С. Пыжиков, М. Л. Снег, А. В. Хохлов, И. В. Якубовский // Экономическое развитие. 2018. С. 132.
 14. Спартак А. Н. Совершенствование методологических подходов к анализу российского экспорта / А. Н. Спартак, А. В. Хохлов // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 5. С. 3-13.
 15. Якушев Н. О. Высокотехнологичный экспорт России и его территориальная специфика / Н. О. Якушев // Проблемы развития территории. 2017. № 3 (89). С. 62-77.
 16. Impact of the Fourth Industrial Revolution on Supply Chains. System Initiative on Shaping the Future of Production / World Economic Forum. 2017. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Impact_of_the_Fourth_Industrial_Revolution_on_Supply_Chains_pdf (дата обращения: 05.09.2019).
 17. International Monetary Fund. URL: <http://www.imf.org/EXTERNAL/PUBS/FT/WE0/2017/01/WEODATA/weoselgr.aspx> (дата обращения: 05.09.2019).
 18. National Export Initiative/NEXT, NEI/NEXT. URL: <https://www.trade.gov/export-solutions> (дата обращения: 05.09.2019).

Lyudmila M. SIMONOVA¹
Anastasiia O. DOROKHOVA²

UDC 339.564

**THE IMPACT OF STATE SUPPORT ON THE DEVELOPMENT
OF NON-RESOURCE EXPORTS IN THE RUSSIAN FEDERATION***

¹ Dr. Sci. (Econ.), Professor, Department of Management and Business,
Financial and Economic Institute,
University of Tyumen
lsim@utmn.ru; ORCID: 0000-0003-4858-0940

² Postgraduate Student, Department of Management and Business,
Financial and Economic Institute,
University of Tyumen
anna.tpp-to@mail.ru

Abstract

This article aims to study the role of government instruments supporting export-oriented enterprises, which specialize in the production of non-resource and non-energy goods and services. In view of the increasing importance and potential of small and medium-sized enterprises, the authors, using economic analysis of the data of the Russian Federal Customs Service and the statistics of the Russian Export Center, have confirmed the need of such enterprises being the central element of the national system of support and development of exports.

The results prove that the majority of export-oriented small and medium enterprises show interest in starting export activities, increasing its share, and seeking to expand the geography of their supplies. However, a number of factors prevent the foreign economic

* This research was financially supported by the Russian Federal Property Fund, project No 19-29-07131 “Modeling and measuring human capital and its manifestations in the context of digitalization of the economy: resources, flows, institutions”.

Citation: Simonova L. M., Dorokhova A. O. 2019. “The impact of state support on the development of non-resource exports in the Russian Federation”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 5, no 4 (20), pp. 169-187.
DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-4-169-187

strategy, including lack of confidence and employees with export competencies, financial limitations, as well as complete inexperience when interacting with foreign counterparts and markets in general.

The authors have determined that the insufficient level of competitiveness on part of the Russian producers requires a full-fledged support of the state authorities to stimulate non-resource and non-energy export. The statistical analysis of the recent years shows that the indicator of Russian competitiveness on foreign markets has not undergone serious changes due to the low competitiveness of the Russian exported goods, as well as insufficient knowledge and skills of export-oriented enterprises in terms of strengthening their position on new markets.

The world experience shows that each nation puts their own priorities on the choice of export development direction. Based on a comparative analysis and classification of support measures in the European Union, the authors have identified the possibility of approximating the existing mechanisms for supporting small and medium export-oriented enterprises in the Russia.

The results have revealed a linear relationship between the launch of programs to support export-oriented enterprises and the growth of foreign economic activity in general, as well as the relationship between such activities as the interaction with relevant ministries and agencies, the cooperation with key industry and business organizations, and the improvement of export conditions in Russia.

Keywords

Foreign trade, international economic relations, diversification of Russian economic model, non-resource exports, government stimulation of foreign trade operations, forms of state support for export-oriented enterprises, formation of pro-export policy, low- and middle-sized enterprises, institutes, flows, human capital in export sector, export competencies.

DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-4-169-187

REFERENCES

1. Russian Export Center Database. Accessed 5 September 2019. https://www.exportcenter.ru/international_markets/regions_export/ [In Russian]
2. World Bank database “World Development Indicators”. Accessed 5 September 2019. <https://data.worldbank.org/products/wdi> [In Russian]
3. Balandina G. V., Ponomarev Yu. Yu., Sinelnikov-Murylev S. G., Tochin A. V. 2018. “Customs administration in Russia: what to do?”. Report of CCP. February. Accessed 5 September 2019. https://www.csr.ru/uploads/2018/02/20180228_Tamozhnya-doklad.pdf [In Russian]
4. Volchkova N. 2018. “How Russia should diversify its exports”. *Vedomosti*. Accessed 5 September 2019. <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/06/13/772522-diversifitsirovat-eksport> (05.09.2019).

5. Knobel A., Firanchyuk A. 2017. "Foreign trade in 2016: stabilization of exports and imports". *Monitoring of Russia's Economic Outlook*, no 4 (42), March, pp. 10-17. [In Russian]
6. Koval A., Levashenko A. 2017. "Russian export support system: comprehensive approach". *Russian Economic Development*, no 12 (24), pp. 10-14. [In Russian]
7. Koval A. A., Levashenko A. D., Sinelnikov-Murylev S. G., Trunin P. V. 2018. "Currency regulation and control reform in Russia". Report of the Central Soviet Socialist Republic, March. Accessed 5 September 2019. https://www.csr.ru/uploads/2018/02/20180228_Tamozhnya-doklad.pdf [In Russian]
8. The Central Bank of the Russian Federation. 2016. *Talking Trends. Macroeconomics and Markets*, no 7 (06), June, pp. 52-53. Accessed 5 September 2019. https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/19700/bulletin_19-03.pdf [In Russian]
9. Orlova M. S., Dedkova E. G. 2018. "Problems of non-resource export development in Russia". In: *Youth Science in Regional Development*. Vol. 1, pp. 302-304. [In Russian]
10. Petrykina I. N. 2015. "Indicators of development and usage level of human capital of the region". *Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management*, no 3, pp. 112-115. [In Russian]
11. Spartak A. N. 2017. "Prospects for Russia's export expansion and its state support". *Russian Foreign Economic Journal*, no 5, pp. 3-18. [In Russian]
12. Spartak A. N. 2017. "Perestroika in Russian Export". *Russian Foreign Economic Journal*, no 4, pp. 3-13. [In Russian]
13. Spartak A. N., A Knobel. Yu., Flegontova T. A., Ismagilova O. D., Koval A. A., Levashenko A. D., Pyzhikov N. S., Sneg M. L., Khokhlov A. V., Yakubovsky I. V. 2018. "Prospects of the Russian non-resource export growth". In: *Economic Development*, pp. 132. [In Russian]
14. Spartak A. N., Khokhlov A. V. 2016. "Improvement of methodological approaches towards Russia's exports analysis". *Russian Foreign Economic Journal*, no 5, pp. 3-13. [In Russian]
15. Yakushev N. O. 2017. "High-Technology Export of Russia and Its Territorial Aspects". *Problems of Territory's Development*, no 3 (89), pp. 62-77. [In Russian]
16. World Economic Forum. 2017. "Impact of the Fourth Industrial Revolution on Supply Chains. System Initiative on Shaping the Future of Production". Accessed 5 September 2019. http://www3.weforum.org/docs/WEF_Impact_of_the_Fourth_Industrial_Revolution_on_Supply_Chains_pdf
17. International Monetary Fund. Accessed 5 September 2019. <http://www.imf.org/EXTERNAL/PUBS/FT/WEO/2017/01/WEODATA/weoselgr.aspx>
18. National Export Initiative/NEXT, NEI/NEXT. Accessed 5 September 2019. <https://www.trade.gov/export-solutions>

Научное издание

ВЕСТНИК
ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
2019. Том 5. № 4 (20)

Редактор	<i>Д. В. Петелина</i>
Перевод	<i>Т. А. Протасов</i>
Компьютерная верстка	<i>А. С. Тропина</i>
Дизайн обложки	<i>Е. Г. Шмакова</i>
Печать	<i>А. Е. Котлярова, А. В. Башкиров, В. В. Торопов</i>

Дата выхода в свет 30.12.2019
Формат 70×108/16
Бумага Xerox Perfect Print
Обложка Stromcard LI
Гарнитура Times New Roman
Печать электрографическая
16,5 усл. печ. л., 13,2 уч.-изд. л.
Тираж 500 экз. Заказ № 1014

Объединенная редакция научных журналов
«Вестник ТюмГУ»
625003, г. Тюмень, ул. Республики, 9, каб. 208
тел/факс 8 (3452) 59-74-32
vestnik-social-r@utmn.ru
Отпечатано в Издательстве ТюмГУ